Марк Сергеев

Волшебная Галоша

КРАСНОЯРСК · 1971

Марк Сергеев

ВОЛШЕБНАЯ ГАЛОША,

или

необыкновенные приключения
Вадима Смирнова, его лучшего друга
Паши Кашкина
и 33 невидимок из 117-й школы

МАШИНА ВРЕМЕНИ

Кольки Спиридонова

КРАСНОЯРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1971

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Если я вам скажу, что есть на белом свете класс, который целиком превратился в невидимок,—вы не поверите. Да я и сам еще совсем недавно любому, кто сказал бы мне, что в школе за углом появилось тридцать три невидимки, в ответ пожал плечами и сказал бы: «Ну, знаешь!» Нет, правда. Ну, скажем, один, от силы — два невидимки — это можно понять. А тридцать три? Нет уж, извините!

Но их было ровно тридцать три, и ничего тут не поделаешь. Ни одним меньше и ни одним больше. За это я отвечаю, и никто меня не переубедит.

Дело в том, что я несколько лет назад переехал в город Прибайкальск и поселился в старом доме, который почему-то называли Гостиница «Три кота». Только поживя в нем почти год, я узнал, что странное название дома объясняется очень просто: в первом этаже трикотажный магазин, а на крыше горят зеленые буквы «ТРИКОТАЖ». Так вот последняя буква, а именно Ж, всегда испорчена, и когда все остальные светятся, как свежая весенняя листва, эта одна — тусклая, как осенний день. Вот и получается «ТРИКОТА...»

Но не в этом суть, а в том, что с девчонками и мальчишками нашего двора происходят невероятные события. То они становятся наполовину синими, наполовину зелеными. Нет, что синими — можно поверить. Но чтоб зелеными? Но что поделать: я сам видел их такими, точно слепленными из двух разноцветных половинок. То они забираются на тридцать тысяч лет назад или вперед, как им заблагорассудится, то вдруг начинают летать над мостовой, как птицы, будто им больше делать нечего. А один даже стал... шкафом... Но об этом пареньке я еще когда-нибудь расскажу отдельно. А пока я решил написать о Димке Смирнове, его лучшем друге Паше Кашкине и еще о Кольке Спиридонове, потому что разве обо всех напишешь? Тем более, что с ними дружат волшебники, разговаривают милиционеры и, вообще, происходят чудеса. Что? «Сказки» — говорите? А я и не спорю: сказки и есть!

Автор

Рисунки Владимира Гальбы

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТАРИК С ЗЕЛЕНОЙ БОРОДОЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

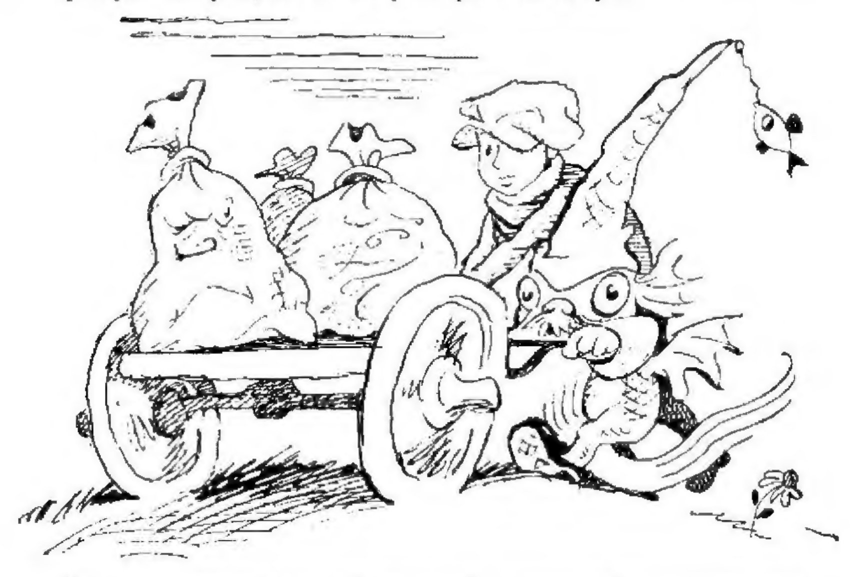
в которой мы впервые встречаем старика с зеленой бородой и с которой, собственно, начинаются необыкновенные события в городе Прибайкальске

Нет, что ни говорите, а суббота—очень хороший день.

Шел Димка по улице, напевая под нос какую-то веселую песню, и размахивал портфелем. Если ты учишься в пятом классе, то знаешь, каким был этот портфель: ручка у него держалась на волоске, замок заедал, а задняя сторона была потерта и поцарапана — видимо, не раз заменял этот портфель санки.

Так бы, глазея по сторонам, добрел Димка до самого дома, если бы внимание его не привлек шум на соседней улице. Димка бросился туда и увидел тележку. В ней не было ничего особенного — тележка как тележка, но вот что странно: тележку никто не вез, она двигалась сама по себе. От удивления Димка остановился и даже рот раскрыл. Но вот тележка поравнялась с ним, и оказалось, что нагружена она пухлыми тяжелыми мешками, а толкает ее малюсенький — не

больше первоклассника ростом — старичок весьма забавного вида. На голове его торчала надвинутая на самые глаза островерхая папаха из невиданного зеленого каракуля, длинная — тоже зеленая — борода тащилась по земле. Димке даже показалось, что борода ненастоящая, и захотелось дернуть ее разок — для проверки. Зеленые глаза старика смотрели в разные стороны и были круглыми, как у карася. Одежда у него была из оранжево-зеленоватой в кругляшках ткани. Так что издали зеленобородый походил не то на рыбу, покрытую чешуей, не то на рыцаря в кольчуге.

За старичком длинной шумной вереницей тянулись мальчишки и девчонки. Взрослые останавливались и улыбались: «Гляди-ка, какую рекламу придумал цирк!» И никто не догадался, что старичку трудно одному везти такую тяжело нагруженную тележку.

— Дедушка, — сказал тогда Димка, — разрешите, я помогу...

Старичок ничего не ответил, только немного подвинулся, уступая место Димке, и начали они толкать тележку вдвоем.

Вскоре мальчишки поотстали, и на смену им пришли другие — и тоже хохочут, завидев странного старика. Уже кончился город, и начались улицы заводского поселка. Вот уже и они позади. Дорога шла теперь через лес.

Димка начал волноваться. «Все пропало,—думал он мрачно.—Подвел я ребят: не сможет «Синий лопух» играть без вратаря, а сегодня матч с «Волчьей лапой» — сильнейшей дворовой командой города!»

Старичок точно понял его мысли: он дернул себя изо всех сил за бороду — Димка сразу убедился, что она не приклеена, — и остановился.

— Ну вот и приехали, — сказал он неожиданно густым раскатистым басом.

— До свиданья, дедушка, — обрадовался мальчик. — Я побегу, мне домой нужно.

— Подожди малость, — схватил его за рукав старичок, — я хочу тебя отблагодарить за помощь.

— А меня не надо отблагодаривать.

— Чудак, я тебе хочу подарить какую-нибудь интересную штуковину.

— Зачем мне всякие штуковины? Я ведь вам просто так помогал.

— Неужели ты откажешься даже от моей галоши с правой ноги? — Незнакомец почесал затылок.

— Да зачем мне галоша? — удивился Димка. — У меня своих две, да и то лучше бы их не было!

— Это почему же так?

— А если дождь — мама ругает: «Почему опять не надел галоши?» Будто у меня только и дела, что помнить о галошах.

— Как же быть? У меня больше ничего нет, кроме волшебной галоши...

— Ну да, волшебной, — усмехнулся Димка. — Волшебных галош не бывает.

— Правду тебе говорю. Она, эта галоша, для правой ноги. Но если надеть ее неправильно, на левую ногу то есть, да еще волшебные слова сказать — через три дня станешь невидимкой или сделаешь невидимкой кого захочешь.

— А какие же это слова?—все еще недоверчиво спросил Димка.

— Надо сказать так:

Ахалай-махалай,
Крони-брони-чепухай,
Эки-веки-чубурек —
Стань невидим, человек!

Вслед за незнакомцем Димка повторил непонятные слова. И хотя он так и не поверил старику, но галошу с правой ноги все же взял.

— А все-таки волшебников на свете не бывает,—сказал Димка.

— Что ты говоришь? Неужели?—ответил старик и... превратился в пень.

Димка испуганно оглянулся.

Тележка исчезла. Вместо нее рос зеленый куст. Из него торчали две сухие палки, а вокруг были разбросаны большие серые камни, похожие на мешки.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

весьма короткая, но в ней Димку осеняет гениальная идея

Димка пришел домой и даже ужинать не стал. Он завернул галошу в газету и потихоньку вышел из дому.

Во дворе уже закончился футбольный матч, команда «Синий лопух», даже без знаменитого вратаря, выиграла со счетом двадцать семь — ноль, после чего команда «Волчья лапа» была тут же переименована в «Заячий хвост». Капитан да и все другие футболисты-гости не согласились с этим, и дружеская встреча дворовых команд закончилась приличной потасовкой.

Пока весь двор оживленно обсуждал события сегодняшнего вечера, Димка нашел укромное местечко за сараем, забрался в узкую щель между стеной сарая и забором, выглянул — не следит ли кто? — и надел галошу на левую ногу.

Ахалай-махалай,
Крони-брони-чепухай,
Эки-веки-чубурек —
Стань невидим, человек!

Он произнес таинственным шепотом эти волшебные слова, затем осторожно снял галошу, завернул ее в газету и хотел было уже идти домой, но вдруг подумал: «А что же, я один буду невидимкой? Неинтересно даже. Вот превращу-ка я еще Пашку Кашкина... Нет, лучше весь класс превращу в невидимок! Вот здорово получится! Придет на урок Анатолий Петрович, все скажут: «Здравствуйте, Анатолий Петрович!» А в классе вроде никого нет... Димка! Ты — гений!»

Подумал так, снова надел галошу и повторил заклинание.

Теперь все в порядке. Захватив с собой удочку и банку с червями, Димка помчался к Пашке Кашкину.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой улыбается зеленый таймень, а Паша Кашкин разговаривает с привидением

Три часа петляла между деревьями светло-шоколадная «Победа» Пашиного отца, и мальчики замирали от восторга. То двигалась им навстречу белоснежная мраморная скала, и закат на ней положил алые и синие полосы, то подступал старый темный кедрач к окнам машины, и зеленый мох, похожий на неопрятные бороды, свисал с каждой ветки.

К озеру подъехали поздним вечером. Подкатили машину к развесистому кусту тальника, разожгли костер, и Пашин отец — Петр Никанорович — отправился ставить свои мудреные снасти. Мальчики сидели у огня, обсуждали, как бы не проспать зарю, когда лучше всего клюет.

Петр Никанорович разбудил их чуть свет.

— Эй, омулятники-братишечки, хватит постель давить, надо рыбку ловить.

— Ну вот,—спросонок пробурчал Паша,—воскресенье же!

Но Димка вскочил, растормошил его, и Паша вспомнил наконец, что они на рыбалке.

Через полчаса друзья сидели с удочками на порядочном расстоянии друг от друга, подстелив на остывшие за ночь камни ватные телогрейки.

У Димки долго не клевало.

Но вдруг поплавок чуть качнулся, погрузился в воду и ушел вправо. Димка, затаив дыхание, повел вперед леску, подсек и начал тащить добычу. Тянуть было нелегко.

«Ясно,—решил Димка,—либо таймень, либо... еще какая-нибудь рыба».

Но вот на поверхности воды показался темный предмет. Это был... сапог, старый, изношенный сапог, наполненный камнями.

«Вот так таймень! — смутился рыболов. — Хорошо, хоть Паша не видел, а то просмеял бы на весь двор».

Он насадил нового червяка, закинул крючок, взглянул на озеро и замер от удивления: высунув толстую голову из воды, огромный зеленый таймень глядел на него круглыми выпуклыми глазами и нахально улыбался. Димка протер глаза, снова взглянул на озеро — таймень исчез.

«Почудится же такое человеку!» — подумал он и стал наблюдать за поплавком. А поплавок опять задергался.

— Ну, на этот раз, уже конечно, рыба!—Димка дернул удилище.

Что-то блестящее взлетело вверх, обдало его водой и крепко стукнуло по голове. На этот раз добычей оказалась консервная банка — «Бычки в томате».

А на поверхности Горного озера опять показалась ухмыляющаяся голова зеленого тайменя, и Димка долго пытался вспомнить, почему так знакома ему эта физиономия.

Больше таймень не показывался, но и улова не было. Попалась только тощая малявка, да и та зацепилась хвостом.

— Какой из тебя толк? — сказал Вадим. — Гуляй себе.

И он, осторожно отцепив рыбешку, снова пустил ее в воду.

У Паши, оказывается, дела обстояли не лучше. Он прибежал к машине, запыхавшись, без удочек, перепуганный, и долго не мог произнести ни одного слова.

— Я... я... — дрожа, сказал он наконец, — видел сейчас привидение...

— Что-то ты того... заливаешь,—рассмеялся Петр Никанорович.—А я уж подумал, не медведь ли за тобой гонится...

— Нет, правда!—сказал Павлик.—Попался мне таймень, огромный — во! — И он развел руки до отказа.— Во какой...

— Что-то не слышал я, чтобы таймень на удочку попадался,—сказал Петр Никанорович.

— Сам знаю, что не попадается. А тут попался. Ну вот. Я его тяну к себе, а он меня—к себе. Я его к берегу, а он меня в воду. Нет, думаю, я тебя все одно вытащу! И тут из воды старик страшный такой вылазит. Весь зеленый. И борода, словно мох, зеленая, и волосы на голове. Глазищи большие да круглые, рыбьи. Подбирается он к таймению и, значит, вытаскивает его голову из воды, крючок осторожно из губы вынимает и пускает моего тайменя в воду. Я разозлился и кричу ему: «Ты, говорю, зачем мою рыбу берешь?!» А он как засмеется, нырнет в воду, опять покажется, и все смеется. Страшно мне стало. Я бегом, а он мне вслед язык показывает.

— Ну и мастер ты сказки сочинять,—вздохнул Петр Никанорович. — Однако сказками сыт не будешь — садитесь, чудаки-рыбаки, есть будем.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,
в которой Димка убеждается, что Зеленобородый его обманул. В ней рассказывается также о «Всаднике без головы»

Через три дня после того, как Димка произнес волшебное заклинание, проснувшись утром, он почувствовал, что с ним что-то происходит.

«Пожалуй, я уже становлюсь невидимкой», — подумал он и стал себя ощупывать.

Правда, себя-то он видел прекрасно, однако на всякий случай надо было проверить, и он немедленно выскочил во двор. Часть команды «Синий лопух» — те, кто учится во вторую смену, — тренировалась, готовясь к решающему матчу с командой «Ураган», грозой Прибайкальска.

— Димка!—закричали ребята, завидев своего вратаря.—Давай сюда. Постой маленько в воротах!

И Димка понял, что не только он себя, но и другие видят его, а значит, Зеленобородый просто обманул его, и никакой вообще этот старикашка не волшебник, и галоша—тоже обман.

О том, что произошло дальше, Димка написал стихи.

Первое стихотворение Вадима Смирнова

Сегодня у нас сочиненье,
Достав из портфеля тетрадь,
Задумался я на мгновенье —
Хотел заголовок писать.
И вдруг в удивлении замер,
Соседа толкнул: «Разбуди!» —
Я видел своими глазами:
Растаял мой друг впереди.
А мне отвечает Павлуша:
«Ну, что ты волнуешься, брат,
И сам ты растаял, лишь уши
Покуда над партой торчат».
Он шепчет: «Послушай-ка, Димка,
У всех — лишь глаза да носы.
Учитель — и тот невидимка:
Уже исчезают усы!»
Весь класс постепенно растаял.
Чуть видим друг друга. И вот
Веселая шумная стая
Выходит из школьных ворот.
Над городом сизая дымка,
Гудки заводские поют.
И вот тридцать три невидимки
По улицам шумным идут...

Да! Это был денек!

Когда буквально на его глазах стали таять, исчезать бесшумно мальчишки и девчонки, испуганный Анатолий Петрович, преподаватель литературы, выбежал из класса и долго пил в учительской воду, размышляя о том, что надо лечиться — нервы сдают, уже галлюцинации начались.

В классе стоял невообразимый шум.

Приоткрылась дверь, возмущенная голова вожатого Сени показалась на минуту и скрылась. Вожатый никого не увидал — класс был, как ему показалось, пуст. Он шел по коридору, недоуменно пожимая плечами, и даже не обратил внимания, как странно на него посмотрела уборщица тетя Катя. Но едва он вышел на улицу — началось столпотворение. Прохожие останавливались, показывая на него пальцем; какая-то дамочка упала в обморок; девчонки, лепившие из песка пироги, рысью бросились врассыпную.

— Гражданин, — сказал Сене постовой милиционер. — Гражданин, где ваша голова?

— Как — где? — изумился Сеня. — На плечах. Где же еще?..

— Вы так думаете? — спросил постовой. — Пройдемте, гражданин, в участок. Не нарушайте!

— Я не могу в участок. У меня заседание! Через полчаса!

— Неужто и без головы заседают?! Вот что, гражданин, некогда мне вас уговаривать, да и толпа вон собирается. Садитесь в коляску, едем в отделение. Там разберутся!

По улицам Прибайкальска мчался мотоцикл. За рулем сидел сосредоточенный, задумчивый милиционер. А в коляске... В коляске, размахивая руками и хватая милиционера за гимнастерку, мчался «Всадник без головы».

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой происходят странные, необъяснимые вещи; в ней же рассказывается о том, как Димка с Пашей проводят несколько экспериментов

Сперва никто никого не видел.

Хлопали крышки парт, невидимая тряпка стирала тему сочинения на доске, и вдруг появлялись кривые рожицы и подписи под ними. На доске резвилось сразу несколько мелков, но тех, кто водил ими по черному полю, разглядеть было невозможно. Кто-то стукнул Димку по затылку и сказал голосом Веры Сокольниковой: «Ой, кажется, я кого-то задела». На парте Паши Кашкина появился пирожок—пирожки вообще были его страстью. Ребята обычно тратили деньги, которые заботливые родители выдавали им на завтрак, на книги, копили, чтобы купить голубя или марок для коллекции. Паша все тратил на пирожки. Пирожок сперва лежал на парте Паши, а потом вдруг куда-то исчез. И только по воплю, который издал Кашкин, было ясно, что съел пирожок не он.

Но вот постепенно стали прорезаться неясные контуры, туманные и расплывчатые. Они становились все четче и четче. И когда прозвенел звонок на большую перемену, все уже были «видимками».

«Стоило затевать все это на десять минут!»—подумал Димка, но, увидев, каким восторгом горят глаза у ребят, промолчал.

Пятиклассники высыпали в коридор, но тут же их стали сбивать ребята, бежавшие в буфет. Их толкали, на них налетали, как на невидимое препятствие, падали, после чего даже самые стремительные уже шли тихо-тихо, на ощупь. И когда Анатолий Петрович снова решился выглянуть из учительской, школьный, обычно шумный коридор представлял забавную и

какую-то зловещую картину: вдоль стен, прижавшись к ним спинами, испуганно стояли школьники. Некоторые ходили, странно расставив ноги и растопырив руки, как обычно играют в пятнашки с завязанными глазами. И тишину нарушал только хохот, который несся откуда-то с подоконников, с совершенно пустых — в этом он был убежден!—подоконников...

— Мистика! — прошептал Анатолий Петрович и упал на руки вожатому Сене, помутненными глазами посмотрел на него, не увидел на месте головы и потерял сознание.

«Наверно, мы все-таки остались невидимками,—подумал Димка. — Только мы видим друг друга, а они нас — нет».

В школе было объявлено ЧП, ученики отпущены домой, учителя собрались на педсовет, чтобы обсудить невероятные события дня. Все как-то боялись смотреть на Анатолия Петровича, который странно изменился. Сперва не могли понять, в чем дело, взволнованные сегодняшним происшествием, потом поняли, — у Анатолия Петровича исчезли усы. Рядом с ним сидел Сеня. На него тоже боялись глядеть: вожатый был без головы!

Но хотя Сеня и был «без головы», но голова-то у него на плечах была. И он начал первым:

— Двадцатый век — век, полный загадок. Все новые и новые проблемы ставит перед человеком природа, и мы их отгадываем. Еще недавно нам казалась мистикой кибернетика, а теперь мы строим считающие машины, они же, машины, разгадывают тайны древних языков, и так далее. Еще недавно мы считали мистикой науку телепатию — о передаче мыслей на расстояние. А теперь?.. А теперь даже я знаю, о чем вы думаете...

— О чем?—робко спросила математичка Гипотенуза Сергеевна.

— О том, что у меня нет головы. А вы пощупайте.

Гипотенуза Сергеевна протянула дрожащую руку и погладила Сеню по голове.

— Вы подумайте!—обрадовалась она.—А в самом деле есть!

— А что это значит? — продолжал Сеня. — Это значит, что мы стали участниками какого-то необычного эксперимента, возможно, даже случайного, ибо нельзя же превращать людей в невидимок без их согласия. Поэтому предлагаю обратиться в Академию наук, выяснить, не занимается ли кто-либо из наших ученых этими проблемами.

С ним согласились все.

А Димка и Паша гуляли в это время по городу, впервые наслаждаясь полной свободой. Они полакомились мороженым в кафе «Снежинка», с удовольствием наблюдая, какое выражение лица было у официантки, когда с подноса прямо на ее глазах исчезала порция и вдруг оказывалась на столе.

Дрожа от холода после семнадцатого пломбира, они снова вышли на улицу.

— Ты знаешь,—сказал Паша.—По-моему, все, что попадает к нам в руки, становится невидимым. А как только мы выпускаем предмет из рук, он становится нормальным.

— Проверим?

— Проверим.

У киоска с пирожками Паша остановил Димку.

— Гляди. Я беру пирожок...

— Гражданин! — зашумела продавщица на длинного тощего человека в очках. — Здесь же только что лежал пирожок!

— Спросите у товарищей, — ответил покупатель, — я не брал

— Не брали! А куда же, скажите, он девался? А?

— Не знаю...

— Не знаете? Съели вы его, вот что! А у меня еще один просите. Нехорошо! А еще очки надел!

— Послушайте!... Как вы смеете!

И тут же на прилавке появился пирожок.

— Теперь вы убедились, что я не брал?!

— «Не брал»! Откуда же он появился?..

И тогда на глазах у всего честного народа пирожок исчез. И уже навсегда.

— Не мог удержаться, понимаешь... Это, конечно, нехорошо. Но если бы ты так же любил пирожки, как я, ты бы меня понял, — сказал Паша.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой рассказывается о необыкновенном футбольном матче между командами «Синий лопух» и «Ураган»

И тут Димка вспомнил, что на сегодня назначен финальный матч между двумя лучшими дворовыми командами города: командой «Ураган», чемпионом прошлого года, и коман-

дой «Синий лопух», созданной совсем недавно. И мальчики помчались домой.

Вокруг спортивной площадки уже собралась толпа любопытных. Взрослые, кто в этот час был свободен от работы, принесли стулья, девочки постелили на землю газеты, чтобы не испачкать платья. А мальчишки уселись на портфели и просто на землю. Пора было начинать игру, но команда «Синий лопух» еще не приготовилась — не было вратаря. Капитан команды Федя Тузиков в волнении ходил по полю; запасной вратарь Колька Спиридонов уже менялся с кем-то майкой, чтобы быть в форме. Остальные члены команды сидели у ворот. Разминка уже кончилась.

— Федя!—еще издалека закричал Димка.—Я здесь!

— Димка!—радостно вскрикнули ребята.—Давай сюда, Димка!

— Эй, Димка! Где ты? — кричал Федя Тузиков.

— Да здесь я, ребята, в воротах же я стою.

— Слушай! — возмутился Тузиков. — Хватит прикидываться! Или становись в ворота, или без тебя обойдемся!

— Я же здесь. — Димка подбежал к Феде и схватил его за руку. — Здесь я, на поле.

— Ты, что ли, меня за руку схватил? — спросил Тузиков у Коли Спиридонова.

— Нет, а что?

— А то, что хватит этого задавалу ждать. Спрятался куда-то. Думает, что без него не сыграют. Еще как сыграем. Становись, Коля, в ворота.

Тогда Димка понял, что его дела плохи. Сознаться в том, что он стал невидимкой, ему не хотелось: пусть пока все останется тайной. И команде хотелось помочь. Ведь проиграют, как пить дать, проиграют!

Судья дал свисток, и началась игра. В первые же минуты у ворот команды «Синий лопух» создалось напряженное положение. Ребята, огорченные отсутствием Димки, основного вратаря, играли растерянно, вяло, и кто-то из них задел рукой мяч. Да еще где — на штрафной площадке!

Вы понимаете, что грозит команде в таком случае? Ну конечно, одиннадцатиметровый! Это уже наверняка гол. Даже вратарь лучшей в Прибайкальске взрослой команды «Энергия» пропускает в таком случае мяч в сетку.

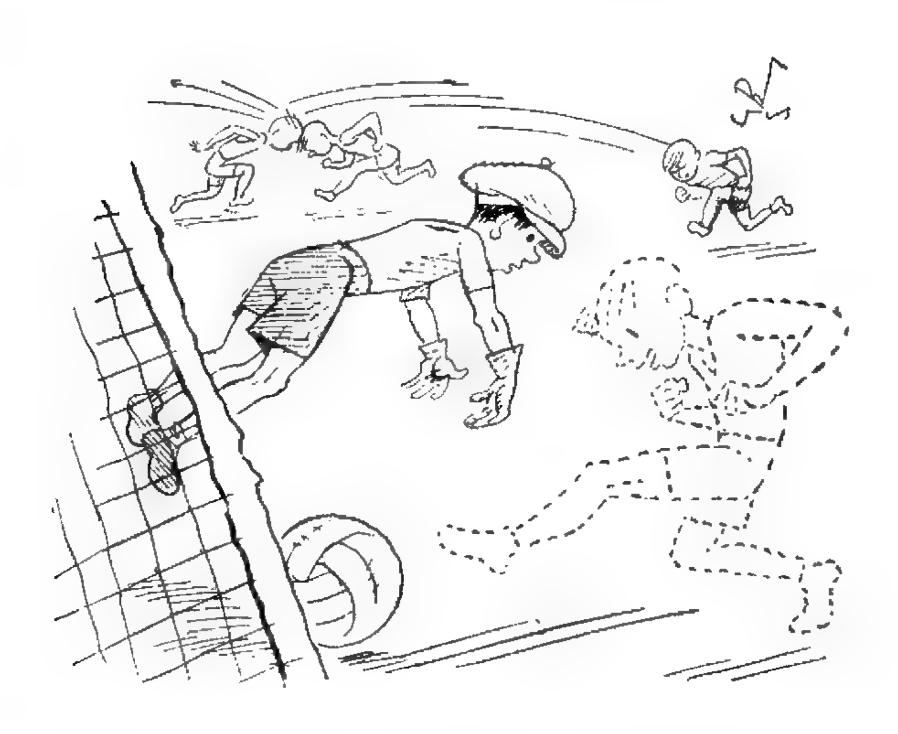
Замерли зрители. Медленно отсчитал шаги судья, поставил мяч.

Свисток! Удар!

Мяч стремительно летит в ворота.

— Гол! — пронесся по двору печальный вздох.

Но что это? Мяч, долетев до линии ворот, повисел в воздухе, потом растаял совсем, потом подпрыгнул и, словно от хорошего удара, улетел к центру поля.

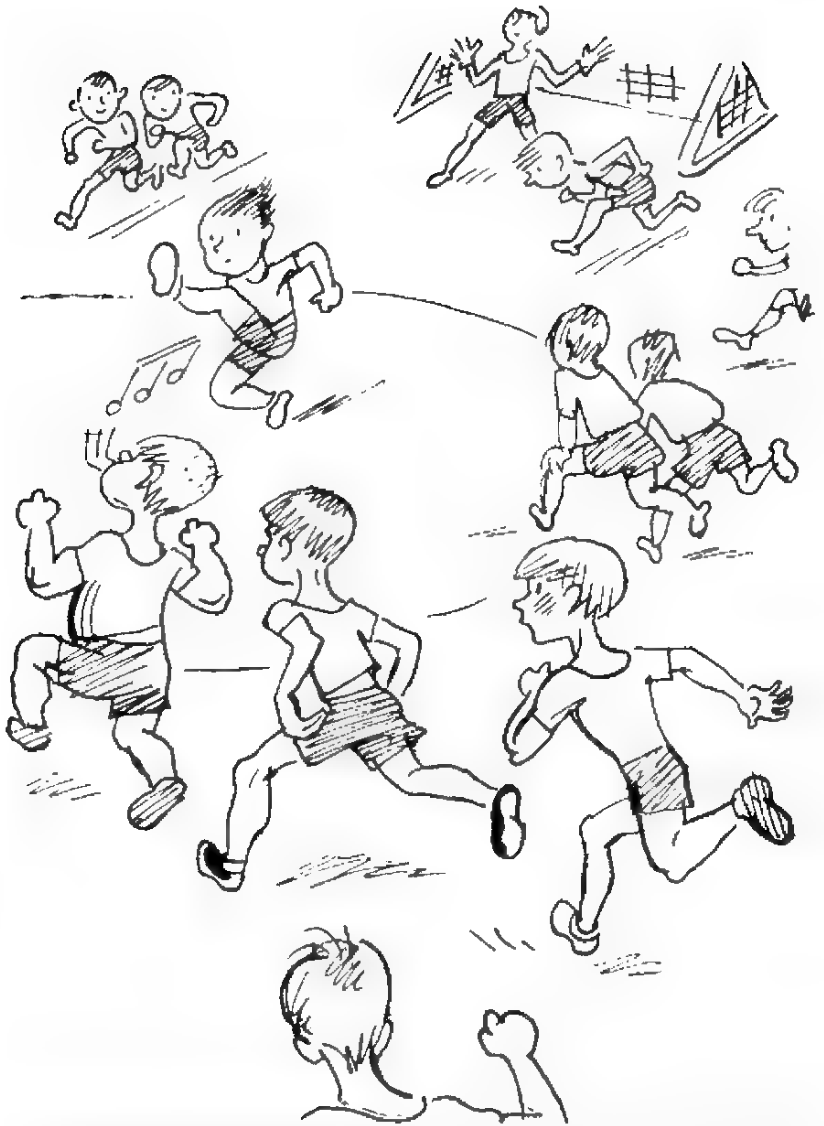

Публика сперва оторопела, затем зашумела, как могут шуметь только на стадионах. Девчонки, всхлипывая от восторга, скандировали: «Спи-ри-до-нов! У-ра!» И хотя дело происходило на дворовой площадке, и здесь нашлись такие, что закричали во весь голос: «Судью на мыло!» А судья, как вы сами понимаете, был тут ни при чем. Футболисты «Урагана», не понимая, в чем дело, стали играть пассивней и вскоре пропустили в свои ворота гол. И снова стадион шумел, и снова требовали передать судью мыловаренной промышленности — это, конечно, старались болельщики «Урагана». Счет матча был открыт.

Игра была напряженной. У ворот «Синего лопуха» часто создавались острые моменты. И вот во втором тайме капитан

команды «Ураган» — он играл на правом краю — красивой пасовкой передает мяч центру нападения. Тот опережает защитника и ведет мяч к воротам. Левый край тоже вышел вперед. Положение аховое. И вдруг центр нападения валится на

землю, неловко оттолкнув от себя мяч, рядом с ним падает второй игрок «Урагана».

— Ты что своим подножки подставляешь? «Лопуху» подыгрываешь?

— Да ты что? Сам мне подставил, а теперь еще...
— Врешь, это ты...
— Сам ты врешь!
И пока игроки спорили между собой, мяч был уже в центре поля. Опасное положение ликвидировано.
До конца игры оставались буквально минуты. А счет не менялся. Колька Спиридонов — вратарь — успокоился; уже давно в сторону ворот никто не бил, поэтому он нагнулся, чтобы завязать шнурки—они у него вечно развязывались. И тут вдруг один из игроков «Урагана» прорвался к воротам, ударил по мячу, мяч пролетел мимо Кольки и, не задев сетки, странным образом отскочил назад. Что творилось дальше, вообще трудно было понять. Мяч без посторонней помощи понесся к центру поля, покружился у ног капитана противников; тот замахнулся и не попал ногой по мячу — вернее, мяч увильнул и, отскакивая от земли, понесся в сторону ворот «Урагана». К мячу бросились два игрока, но они стукнулись лбами, навстречу выскочил вратарь, но и он не мог схватить его. И тогда мяч, обойдя вратаря, торжественно и медленно вкатился в ворота.
Зрители бушевали.
Но Димка и Паша уже не слышали ни восторженных возгласов, ни удивленных разговоров. Они сделали свое дело.
Теперь можно было и отдохнуть.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой рассказывается о том, как хлопотно быть невидимкой

Футбольное состязание показало друзьям, что быть невидимкой не так уж плохо. У кинотеатра они замедлили шаги и с удовольствием наблюдали за толпой, которая понапрасну толкалась у кассы—сверху черным по белому было написано: «На сегодня все билеты проданы». Но героев наших мало волновало отсутствие билетов: словно легкие тени, проскользнули они мимо контролера, вошли в фойе, где еще было пока пусто, так как сеанс должен был начаться не скоро, и сели на стулья у стены. Прямо перед их глазами висели портреты киноактеров. Пашка вот уже два года собирал открытки с фотографиями героев фильмов, и мальчики начали отгадывать фамилии актеров и в каких фильмах эти актеры играли.
Друзья так увлеклись, что даже подошли поближе, чтобы лучше рассмотреть фотографии.

И в тот самый момент, когда между ними возник спор: похож один из артистов на их учителя Анатолия Петровича или не похож, оба вдруг очутились на паркетном полу. Димка откатился к стене, а Паша плюхнулся посреди фойе. Зашиблись основательно. С трудом поднявшись, они увидели причину своего несчастья. Эта причина, в виде весьма упитанного человека средних лет, забавно присев на корточки, шарила по воздуху руками. Вероятно, администратор кинотеатра — а это был он — разыскивал неожиданное препятствие, на которое наткнулся, торопясь в кабинет. Ничего не обнаружив, он провел рукой по полу, вытер руку о платок, грустно как-то сказал: «Ну, пожалуйста!», а затем, все еще недоумевая, провел платком по вспотевшему лицу. На лице остались черные полосы. Администратор величественно зашагал в кабинет.

Друзьям было и больно и смешно. Пожалуй, больше смешно, чем больно. А Паша даже не выдержал и рассмеялся.

Администратор оглянулся, недоуменно пожал плечами—он ведь ничего не видел, — пощупал лоб, покрытый холодным потом, и снова сказал: «Ну, пожалуйста... Ну, пожалуйста!...» Он шел теперь медленно, непрестанно оглядываясь. Мальчики зажимали рты ладонями.

Фойе постепенно заполнялось публикой. Наученные горьким опытом, мальчишки держались теперь подальше от людей. Они забились в угол за киоском с газированной водой, и Паша, которого после пирожков одолела жажда, взял стакан — никто на это не обратил внимания, потому что стакан немедленно исчез, — потом подставил стакан под легкую пенистую струю, и все разинули рты: струя падала на пустой поднос, но не разливалась лужицей, а просто-напросто пропадала неизвестно каким образом.

Сеанс начался. Друзья подождали, пока все усядутся, и заняли свободные места в девятом ряду.

Посидеть им так и не удалось. В тот самый момент, когда на экране по новгородскому базару прошел Садко, весело разговаривая с людьми, по темному залу с фонариком прошел билетер, а за ним—молодой человек и девушка. Билетер указал им место. Димка досадливо отмахнулся, когда мимо него прошел, протискиваясь к своему месту, человек. Но девушка—она шла следом — села прямо на Димкины колени. Рядом заойкал Паша. Молодые люди вскочили, внимательно посмотрели на места, пощупали их и.... очень осторожно сели. Зрители в девятом ряду повозмущались, пока друзья выбирались, наступая всем по очереди на ноги, и, наконец, успокоились.

Невидимкам снова пришлось стоять. Только уже к самому концу фильма им удалось устроиться на крайних местах седьмого ряда, и они забыли огорчения.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой родители получают странные письма

Надежда Степановна — мама Вадима — начала уже волноваться: десятый час, а сын еще не обедал, не возвращался из школы. Это было настолько не похоже на Димку, всегда такого аккуратного, что она не знала, что и думать. То ей казалось, что с сыном произошло несчастье, и она готова была бежать в милицию. То она успокаивала себя: Димка, вероятно, засиделся на своем литературном кружке, и она мысленно начинала ругать учителя, который так поздно задерживает детей. Наконец Надежда Степановна не выдержала и отправилась в школу.

Несмотря на поздний час, в школе было много народу. У всех были почему-то печальные лица. Родители толпились у дверей кабинета директора, женщины всхлипывали, мужчины гулко сморкались. Еще не зная ничего, ничего пока не понимая, Надежда Степановна почувствовала, как беспокойство и смутная тревога проникают в сердце.

Из кабинета вышел какой-то очень знакомый человек. Но кто именно, Надежда Степановна не могла вспомнить.

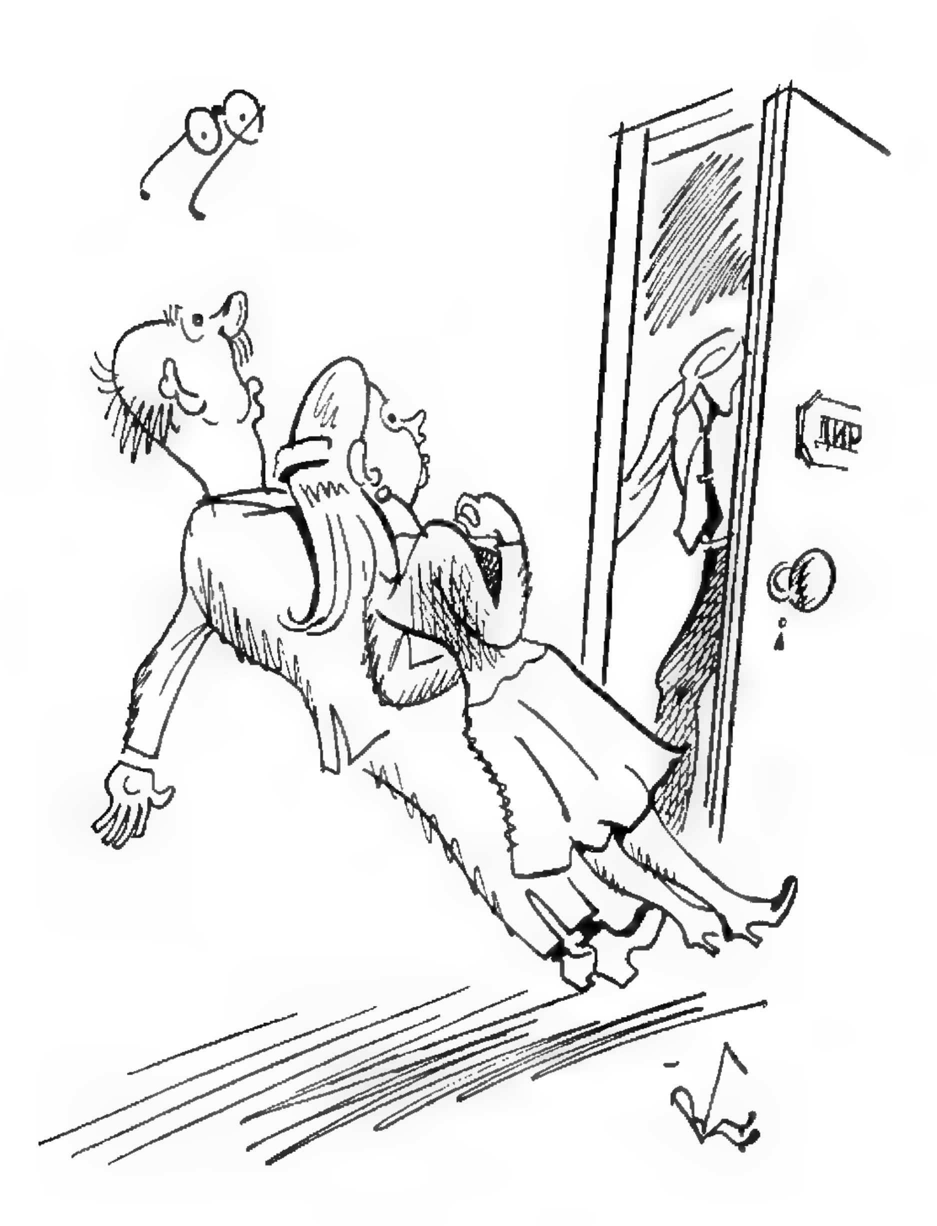
— Да, друзья мои, — сказал он голосом Анатолия Петровича. — Возьмите себя в руки! Положение, не буду скрывать, весьма и весьма тяжелое. Случилось нечто необычное, и причина происшедшего нам не ясна. Я попрошу вас не волноваться, если расскажу вам сейчас совершенно неправдоподобные вещи...

Такое предисловие не обещало ничего хорошего. Все затихли. Было слышно в тишине, как всхлипнула чья-то мама.

А Надежда Степановна вдруг поняла, что человек этот и есть сам Анатолий Петрович, но... только без усов.

То, что говорил учитель, казалось похожим на сказку и было бы очень забавным, если б не было таким печальным.

— Да-да, — говорил учитель, — все, как один! Мы уже сообщили в милицию, чтобы тех из них, которых удастся обнаружить по каким-либо странным, на первый взгляд, происшес-

ДИР

твиям, направляли бы к нам. А то, что многие не вернулись домой, тоже вполне объяснимо, хотя и грустно — они ведь стали невидимками,—а это что-нибудь да значит...

— А я-то,—всхлипывала одна из родительниц,—целый день слышала голос моего Коленьки, да не отвечала... Все думала, что мне кажется... Еще мужу пожаловалась. А это был, оказывается, он, Коленька...

— Успокойтесь, товарищ Спиридонова, успокойтесь... — уговаривал ее учитель, но та плакала все сильнее.

— Вздор! Абсурд! — сказал Петр Никанорович, отец Паши. — Так в жизни не бывает!

— Не бывает? — спросил Анатолий Петрович и открыл дверь в кабинет директора.

— Сеня! — позвал он.

И тогда из дверей вышел человек... без головы. И сказал:

— Здравствуйте.

Родители дружно упали в обморок.

...Домой Надежда Степановна вернулась окончательно расстроенная. Она присела к столу и опустила голову.

И тут взгляд ее упал на лист бумаги, на который раньше она не обратила внимания. Надежда Степановна отодвинула сахарницу, прижимавшую листок к столу, и увидела, что бумага написана рукой Димки.

Дорогая мама, мы теперь стали невидимками. Это мне такую галошу подарил Зеленобородый волшебник. Ты меня не теряй. Вместе с Пашей мы отправляемся в далекое путешествие. Крепко целую тебя. Из Москвы напишу письмо.

Твой Димка.

Надежда Степановна огорченно всплеснула руками. Потом подумала вдруг, что мама Павлика ничего еще не знает. «Да, да... — говорила она себе. — Она ведь тоже волнуется!»

Раздался стук, и дверь распахнулась. На пороге стояла мама Паши Кашкина.

— Надя! — закричала она с порога. — Они уехали в Москву!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,
в которой Иван Спиридонович подает сам на себя заявление

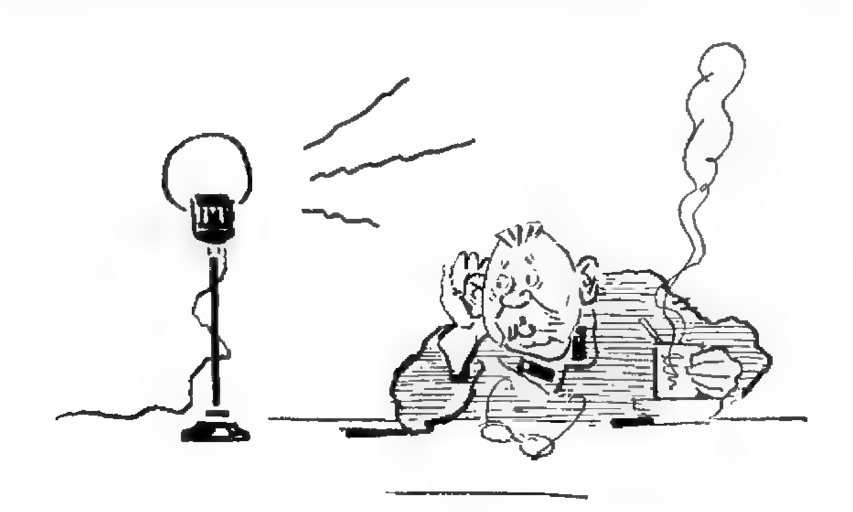
Если вы когда-либо бывали на вокзале в городе Прибайкальске, то вы наверняка слышали Ивана Спиридоновича. Именно слышали, потому что Иван Спиридонович до самого последнего времени работал на вокзале, объявляя по радио о прибытии и отправлении поездов, рассказывал пассажирам, где найти буфет, камеру хранения или выход в город. Совсем недавно Иван Спиридонович ушел на пенсию. Произошло это после одного весьма странного случая, о котором долго говорили прибайкальские железнодорожники. Сам Иван Спиридонович отмалчивался, хотя и был главным участником этих событий.

Дело было так.

На вокзале наступило затишье, и Иван Спиридонович решил выпить чаю. Он налил в стакан кипятку, бросил щепотку заварки и стал помешивать чай ложечкой.

В это время со скрипом отворилась и захлопнулась дверь.

«Кто бы это мог быть?»—подумал Иван Спиридонович, подходя к двери. В коридоре никого. Старичок пожал плечами и вернулся к столу. Но едва он сел на стул, за спиной щелкнул микрофон, и звонкий мальчишеский голос произнес:

— Внимание! Внимание! Паша Кашкин, ты почему ушел с условленного места? Я тебя жду уже полчаса!

Иван Спиридонович протер очки, недоуменно огляделся, потом изо всех сил ущипнул себя за ногу. От боли он подпрыгнул, зато убедился, что не спит. После чего, дрожа, подошел к микрофону, пошарил у стола. В это время опять скрипнула дверь, открылась и снова закрылась.

В комнате никого не было.

«Что-то неладное со мной происходит,—думал Иван Спиридонович, — надо сходить к врачу».

Назавтра он зашел в железнодорожную клинику, но врач признал старика совершенно здоровым.

Тогда Иван Спиридонович отправился к начальнику вокзала, подал ему рапорт о случившемся и попросил уволить его по состоянию здоровья.

Начальник вокзала попробовал уговорить старика. Но тот был неумолим.

— Не могу, понимаешь, не могу... Эти самые, как их, иллюминации у меня уже начались. Понятно?

Второе стихотворение Вадима Смирнова

Мы сели вечером в вагон.
И, набирая ход,
За перегоном перегон
Нас поезд мчал вперед.
Мелькали реки и мосты,
Поля, колхозный сад,
И придорожные кусты
Стремглав неслись назад.
Назад летел и сизый дым,
И дождик проливной.
Казалось, будто мы стоим,
А мчится шар земной.
Неслись березы с двух сторон
Назад во весь опор...
...Дверь отворилась, и в вагон
Заходит контролер.
Сейчас он спросит:
«Ваш билет?»
К нам подойдет сейчас,
Увидит, что билетов нет,
И тотчас ссадит нас.
Мы лезем с перепугу
Под лавку друг за другом.
Мы чей-то сдвинули баул,
Задели чьи-то ноги.
Вдруг кто-то вскрикнул:

— Караул! —
И поднялась тревога.
Закрыли двери на запор.
— Конец! — дрожит Павлушка.
— Ой, к нам в вагон забрался вор! —
Кричит одна старушка.
— Каков он, бабушка, собой?
— Я видела, ей-богу,
Такой высокий и рябой.
Каа-ак ступит мне... на ногу!
...Искали «вора» битый час,
Все вещи перерыли,
Сто раз ходили мимо нас,
а нас не находили.
...Огни далеких деревень
Светлеют в синей дымке,
И спят, умаявшись за день,
На полке невидимки.
А поезд мчится, за собой
Разматывая версты,
И вьются искры над трубой,
Как маленькие звезды.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,
в которой Димку одолевают сомнения

Проснулись путешественники от пионерской песни.

Поезд останавливался на полустанке, глухая тайга подступила к свежевыкрашенному небольшому домику. Словно терем-теремок стоял он среди темных елей, и старинный медный колокол у самого входа вздрагивал под порывами ветра, подпевая пионерам.

Их было человек пятьдесят. Над ними гордо плескалось Красное знамя. Били барабаны, трубили горны. Десять пионеров отделились от остальных, отдали салют и стали взбираться по ступенькам в тот самый вагон, где ехали невидимки.

И вот уложены рюкзаки, заняты полки; позади полустанок с оставшимся на перроне отрядом.

Как хотелось нашим друзьям подсесть к пионерам, расспросить обо всем, рассказать о своем Прибайкальске. Но все это, казалось, невозможно: ну какой же пионер проверит, что существуют на свете зеленобородые волшебники, удивительные галоши и... невидимки? Да и едут-то они, эти невидимки, нечестно, без билетов.

А подойти все же хотелось. И Димка решился.

— Ребята, — сказал он. — Здравствуйте. Это мы с Пашей Кашкиным. Невидимки.

Пионеры осмотрелись — никого.

— Привет!—шутя поклонился один из них.—Вы с Пашей Кашкиным, а мы с Толей Ложкиным... Ну, что же вы? Покажитесь!

— Ах, вы так? — сказал Паша.—Вы еще дразниться! Да? Тогда смотрите. Вот лежит возле девочки пирожок. Раз! Два! Три! Убедились?

Ах, Паша, Паша! Разве он мог удержаться?

— Пока нет, — натянуто улыбнулся все тот же пионер.

— А теперь? — спросил Паша, и со столика исчез еще один пирожок.

— Конечно! Конечно!—закричала девочка, сидевшая у столика.

— Ну то-то. А я думал, не поверите. Это все волшебная галоша. Такая галоша, такая галоша, что все может. Хочешь невидимкой быть — пожалуйста, хочешь, ну там, по воздуху летать, например,—сделай одолжение.

— Вот ты стань видимым — тогда другое дело. А так можно всякое наговорить! — возмутилась девочка в очках.

— И стану! Вот вернемся из кругосветного путешествия — и стану.

— Слушайте, друзья, — сказал кто-то, — нас просто разыгрывают. Но кто?

— Ничего себе разыгрывают! — возразила девочка в очках. — Пироги-то тю-тю...

А Димка похолодел. Он подумал вдруг о том, что и на самом деле не знает, как стать видимым. А еще он думал, что быть невидимкой — это не очень-то весело. Куда лучше вот так, как ребята с таежного полустанка, везти в Москву экспонаты на Выставку достижений народного хозяйства. Или принять участие в соревнованиях футбольных команд...

Весь учебник географии пролетел за окнами в каких-то пять дней. И вот она, Москва!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЛЕТАЮЩАЯ ДЕВОЧКА

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

в которой начальник Московского управления милиции Василий Михайлович Логинов получает пакет из Прибайкальска

В управление милиции приходят ежедневно сотни писем. Одно из них лежит сейчас на столе Василия Михайловича Логинова. Он вскрыл пакет, пробежал глазами письмо и улыбнулся: письмо показалось ему забавным.

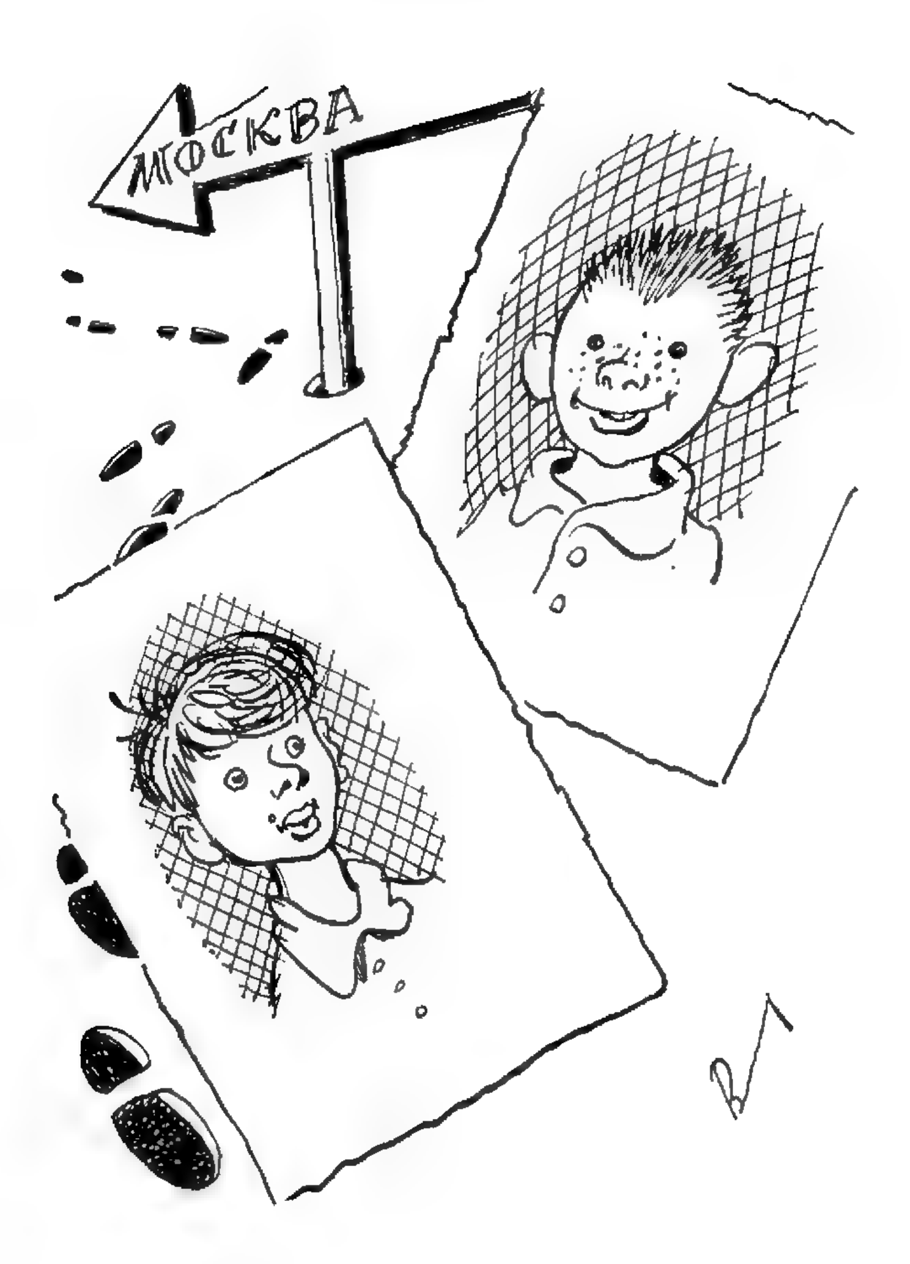
— Почитайте-ка да скажите свое мнение,—сказал он сидящему напротив худенькому белобрысому лейтенанту Лене Фомину.

Леня взял пакет. На конверте стоял обратный адрес: «Прибайкальское областное управление милиции».

«Наверное, проследили преступника, все нити ведут к Москве, — подумал Фомин. — Ну, здесь ему никуда не уйти!»

Письмо было коротким. Самое важное подчеркнуто карандашом полковника Логинова.

НЕДЕЛЮ НАЗАД В ПРИБАЙКАЛЬСКОЙ ШКОЛЕ № 117 произошло странное происшествие: ТРИДЦАТЬ ТРИ УЧЕНИКА 5-го «В» КЛАССА РАСТАЯЛИ В ВОЗДУХЕ. Исчезновение ребят было настолько неожиданным, странным и стремительным, что НИКАКИХ ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫХ МЕР ПРЕДПРИНЯТЬ НЕ УДАЛОСЬ. Пока обнаружено в городе только ШЕСТЬ человек из этого класса. Чувствуют они себя хорошо, но они невидимы. Еще более странный случай произошел с вожатым этой же школы. Он был задержан участковым милиционером, приведен в отделение за нарушение порядка на улицах Прибайкальска. В результате допроса вы-

МОСКВА

яснилось, что гражданин Цветков Семен Николаевич, старший пионервожатый школы № 117, имеет голову на плечах, хотя ее и не видно. Ежели ее пощупать—она вроде есть, если поглядеть со стороны — ее нет.

Научные учреждения Прибайкальска пытаются установить причины столь необычного явления, но пока к какому-либо выводу не пришли. Школа, родители и все наши отделения приступили к поискам детей. Следы двоих ведут в Москву. Поэтому обращаемся к вам с просьбой оказать помощь в поисках этих ребят. Данные о них следующие:

1. Смирнов Вадим, ученик пятого класса, 11 лет. Волосы русые, глаза серые, нос прямой, над верхней губой небольшая родинка. Губы припухлые, подбородок выдается вперед.

2. Кашкин Павел, ученик пятого класса, 11 лет. Волосы рыжеватые, глаза светло-карие, на лице веснушки, рот большой, нос чуть вздернутый, подбородок круглый.

Прилагаем копии имеющихся у нас материалов по этому делу.

— Знаете, товарищ полковник,—сказал Фомин, — все это больше похоже на фантастический роман братьев Стругацких, чем на правду.

— Конечно, — согласился Василий Михайлович, — но разве не похоже любое дело на загадку? А ведь потом все кажется очень простым и ясным. Вот почитайте-ка остальные материалы.—И полковник протянул Фомину еще несколько листков. Первый из этих листков был написан аккуратным мелким мужским почерком.

— РАССКАЗ УЧИТЕЛЯ АНАТОЛИЯ ПЕТРОВИЧА СИЗЫХ,—прочел Леня. — В этот день я себя чувствовал плохо. Пришел на занятия и был очень рассеян. Идя на урок в пятый «В» класс, я случайно забыл в учительской очки. Едва я открыл дверь, ребята, как всегда, встали, сказали: «Здравствуйте, Анатолий Петрович!»—и снова сели. Но тут мне показалось, что у двух мальчиков — Вадима Смирнова и Паши Кашкина — исчезли лица. Я оглядел класс и почувствовал себя совсем скверно. На моих глазах класс таял. Таял в прямом смысле — исчезал! Но что больше всего меня удивило—это взгляд, которым смотрели некоторые ребята на меня. В их глазах было такое неописуемое удивление, что я решил: со мной происходит что-то неладное и поэтому мне кажется, что класс пропадет. И тут я решил надеть очки, но

обнаружил, что оставил их в учительской. Пытаясь не выдавать своего волнения, я вышел из класса и направился в учительскую. Надев очки, я посмотрел в зеркало — и обмер от неожиданности: из зеркала на меня смотрело знакомое, но чужое лицо. Только через несколько минут я понял, в чем дело, — мои усы исчезли. Я пощупал рукой верхнюю губу и ощутил под рукой... усы! Но в зеркале они не отражались.

Я вернулся в класс, там никого не было, но шум стоял невообразимый. На доске была нарисована какая-то рожица. Кто-то, видимо, стирал рисунок, на нем появлялись мокрые темные полосы, мела на доске оставалось все меньше, но ни ученика, ни его руки, ни тряпки я не видел. И вдруг где-то в воздухе появилась тряпка и мягко шлепнулась об пол. Полежала секунду и снова исчезла. И опять кто-то начал торопливо стирать рисунок. Хлопали крышки парт, раздавались чьи-то голоса. Постепенно шум умолк, на партах появились тетради и учебники. И я решил, что у меня бред, что я заболел окончательно.

Наступила перемена. В учительскую вернулись товарищи, но все как-то странно смотрели на меня, точно не узнавая. Наконец молоденькая преподавательница пения взглянула на меня и всплеснула руками:

— Анатолий Петрович! А я вас сразу не узнала. Где же ваши чудесные усы?

И тут я понял, что не брежу, а просто в школе происходят какие-то странные вещи. Тогда я пошел к директору и рассказал ему обо всем случившемся. Он бы мне не поверил, но тут в кабинете появился пионервожатый Сеня. У него с головой случилось то же, что у меня с усами, зато он видит теперь всех,—и тех, кто видимы, и тех, кто невидимы.

Вот уже две недели мы предпринимаем всяческие меры, чтобы разыскать ребят, выяснить, в чем же дело, но пока безрезультатно. Вероятно, и сам я не стал невидимкой целиком, а поплатился только усами, потому что вовремя вышел из класса.

А. П. Сизых.

Леня прочитал и остальные бумаги: акт о задержании вожатого Сени. Заявление самого Сени, копию решения педсовета 117-й школы. Он обратил внимание на одну из бумаг: она проливала на события хоть некоторый свет. Это были письма Вадима Смирнова и Паши Кашкина, оставленные родителям. Красным карандашом Василия Михайловича Логи-

лова были подчеркнуты слова: «ЗЕЛЕНОБОРОДЫЙ ВОЛШЕБНИК», «СТАЛИ НЕВИДИМКАМИ». «ИЗ МОСКВЫ НАПИШУ ПИСЬМО».

— Вот что, товарищ Фомин, — сказал полковник, — этим делом займетесь вы. Человек вы молодой, любите романтические дела. Обо всех происшествиях в городе, которые прямо или косвенно могут касаться мальчиков-невидимок, сообщайте мне.

— Слушаюсь! — Леня встал и вышел из кабинета.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

в которой Маруся Логинова чудесным образом спасается от беды

Днем Маруся с бабушкой всегда гуляли на Тверском бульваре. Сюда приезжала игротека Дворца пионеров, здесь была зелень и можно было лепить из песка морковные пирожки. Одно было плохо — бабушка никуда не отпускала от себя Марусю, ни на шаг.

— Ты еще маленькая, — говорила бабушка, — тебе всего еще пять лет.

— И вовсе я большая, — говорила Маруся, — мне уже целых пять лет.

И каждая из них, конечно, была по-своему права.

Сегодня бабушка решила наконец закончить вязать носки для папы. Такое решение, если уж правду говорить, она принимала каждый раз. Но так хорошо на бульваре припекало солнышко, так мягко, приятно шумели деревья, что, едва принявшись за работу, бабушка опускала пряжу на колени, прислушивалась к звонким ребячьим голосам и, пригревшись на солнце, начинала клевать носом.

Так случилось и на этот раз.

А Маруся играла с девочками в пятнашки. Они бегали по дорожке мимо скамеек, на которых сидели серьезные дяди с газетами в руках, а тети читали книги, покачивая разноцветные колясочки, а взрослые девочки и мальчики спорили о чем-то таком важном, что нельзя было понять ни одного словечка.

И пока малыши бегали и шумели, бабушка спокойно дремала. Но как только прекратились беготня и крики, она сей-

час же проснулась и позвала Марусю. Но Маруся не отзывалась.

— Маруся! — кричала бабушка. — Марусенька! Идём домой!

Но девочка не отвечала.

«Спряталась, наверное, — подумала бабушка. — Ну, сейчас явится».

— Маруся! Я ухожу! Слышишь? У-хо-жу!

Но Маруси не было, и бабушка разволновалась не на шутку. Она спустилась вниз по бульвару до самого памятника Тимирязеву, она заглядывала под скамейки, но безрезультатно. Мужчины были заняты газетами и собственными мыслями; мамы, кроме своих маленьких детей, ни на кого не обращали внимания. Никто не знал, куда делась беленькая кудрявая девочка с красным бантом на голове, в стоптанных сандалиях на босу ногу.

«Неужели, — бабушка даже похолодела от подобной мысли, — неужели Маруся ушла на Пушкинскую площадь?»

И старушка заторопилась вверх по бульвару.

На Пушкинской площади — столпотворение. Остановились автобусы, замерли троллейбусы, притихли даже юркие такси. А народу было столько, что бабушке еле удалось пробиться вперед.

— Ой, беда! Ой, горюшко мое! — повторяла старушка, расталкивая любопытных. — Пустите! Пустите, там, наверное, с моей Марусенькой беда...

Наконец она пробралась в первые ряды толпы и действительно увидела Марусю: из конца в конец площади Маруся летала... по воздуху. Бабушка удивленно заморгала, неожиданно всхлипнула, а немного придя в себя, закричала:

— Маруся, Марусенька, деточка, что с тобой?

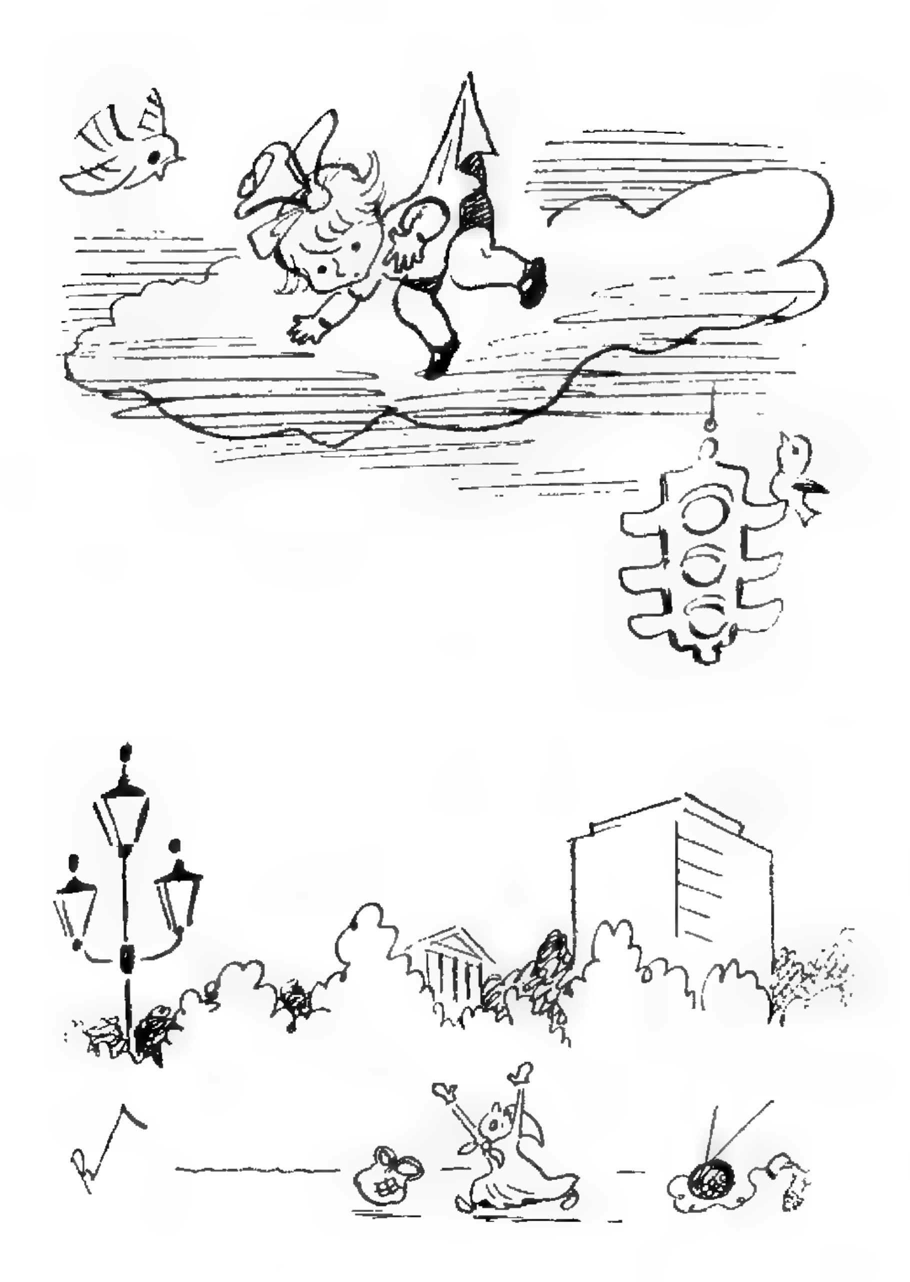
— Бабушка! Бабушка! — испуганно заплакала девочка. Она резко развернулась в воздухе, остановилась поблизости, затем, дрыгая ногами и размахивая руками, опустилась рядом со старушкой.

И тут мальчишеский голос произнес назидательно:

— НЕ РАЗРЕШАЙТЕ ДЕТЯМ ИГРАТЬ НА ПРОЕЗЖЕЙ ЧАСТИ...

— Марусенька! Да что же это такое?! — смеялась и плакала бабушка.

Двинулись машины, начали расходиться люди, толкуя между собой о чуде, которое только что довелось им увидеть.

- Деточка, — бабушка взяла Марусю за руку, — ты же могла потерять сандалики!..

А что еще могла сказать в эту минуту ошеломленная старушка?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

в которой каждый по-своему пытается объяснить происшествие

Вы представляете, о чем говорил весь город целый день, целую ночь и еще следующий день!

На большой перемене в школе ученики расспрашивали учителей.

В очереди в кассу Большого театра знатоки, у которых на все всегда готов ответ, передавали подробности.

Городская вечерняя газета напечатала недоуменный вопрос одного из читателей и несколько ответов различных ученых.

Один известный медик писал в этой газете, что налицо поразительный случай массового гипноза, когда многочисленной толпе показалось, будто девочка летит, а на самом деле она просто шла по площади.

Второй ученый — физик — заявил, что все это происки пришельцев из антимира. «Раз существует на земле тяжесть, — писал он, — значит, существует и антитяжесть. И, значит, легкое может стать тяжелым, а тяжелое, наоборот, стать легче пуха. Вероятно, сверхмощный поток лучей из мирового пространства пробил атмосферу и коснулся Земли как раз в районе Пушкинской площади», — предполагал он.

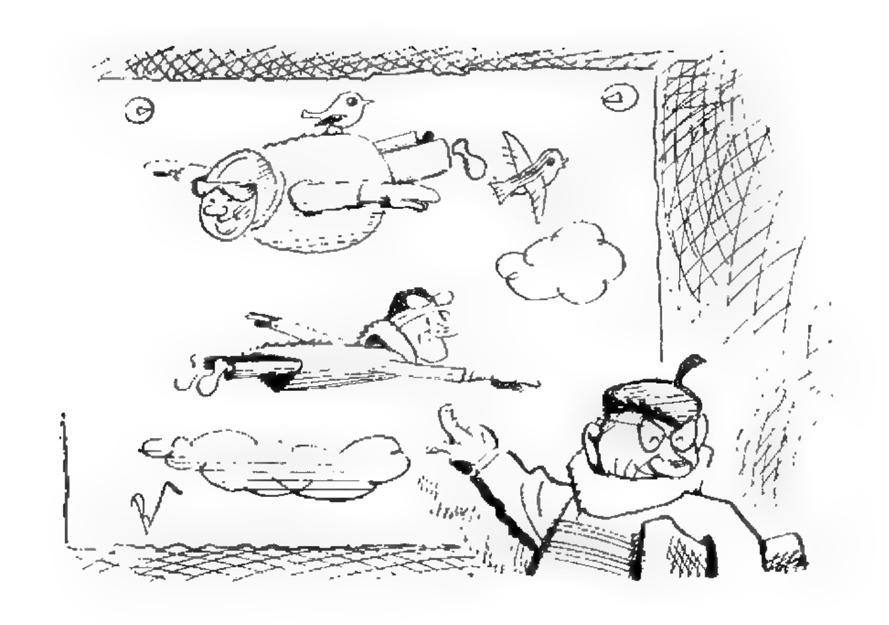
Писатель Диктантов, автор многочисленных научно-фантастических романов, уверял, что раз может летать птица, то может летать и человек. Для этого необходимы определенные, пока еще неясные ему условия, при которых человек становится вдруг легче воздуха.

Количество писем в газету росло.

Вечерами, убаюкивая малышей, матери полусерьезно, полушутливо спрашивали годовалых бутузов:

— А ты у меня не улетишь?

Какой-то священник проповедовал в церкви, что летающая девочка — доказательство того, что есть на небе бог, И кто-то ему поверил. Бывают же такие люди, которые верят всякой чепухе.

А в доме Логиновых — переполох. Собралось десятка два врачей. У Маруси пощупали пульс, измерили температуру, выслушали легкие и сердце.

Бабушку в десятый раз заставили рассказать все, что произошло.

— Задремала я, по слабости, значит, а Маруся-то на площадь прямо, на площадь. Ну, я вижу, нет внучки нигде — и тоже на площадь. А на площади-то столповорот! Мильен людей, значит, и все вверх смотрят. Я глядь, а там Марусенька моя под самыми облаками, и летает, и летает. Мне, значит, ручонкой помашет, и летает себе. А потом вдруг и опустилась.

Развели доктора руками, посовещались, прописали девочке полный покой и решили прийти еще завтра.

До самой ночи бабушка рассказывала соседям о происшествии, каждый раз прибавляя подробности и увеличивая высоту полета. Мама не отходила от Маруси ни на шаг. И лишь Василий Михайлович чему-то улыбался.

— Ты бессердечный человек, — говорила мама. — А вдруг бы она улетела совсем?!

— Никуда бы она не улетела... — Василий Михайлович очень жалел, что не мог рассказать жене о своих предположе-

ниях. Ничего не поделаешь — служебная тайна. А полковники милиции тайну хранить умеют.

Третье стихотворение Вадима Смирнова

Строится дом
Во дворе, на песке.
Мальчишка
С пластмассовой формой в руке
Он тоже строитель,
Он тоже творец —
Он строит красивый
Песочный дворец.
В нем тысяча окон
И двести дверей.
Живет в нем четыреста
Богатырей.
В песочном их городе
Все из песка:
Дома и фонтаны,
И пруд, и река,
Песочного сыра
Большие круги,
В песочных квартирах
Пекут пироги.
Песочные горы,
Песочный овраг...
На город тайком
Надвигается враг.

Гроза переулка —
Степан Петухов,
Драчливей и злее,
Чем сто петухов.
Малыш на Степана
Глядит не дыша.
Степан подошел
И толкнул малыша.
— Дворцам, — пошутил он, —
Отныне конец! —
И ногу занес,
Чтоб разрушить дворец.
Тогда мы с Павлушей подходим.
И вот
Степан хоть силен,
А упал на живот.
Орет и не может понять ничего:
Не видит он,
Кто ж это лупит его?
Собрался народ
И никак не поймет:
Уж не лихорадка ли
Парня трясет?
И я бы не смог бы
Закончить стихов,
Когда б не сбежал
Степан Петухов!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

в которой рассказывается история с пирожками

Третий день у нее была недостача. Уж кажется, как внимательно пересчитывала она пирожки, как зорко следила за каждым покупателем, а все равно ежедневно недоставало ровно шести штук.

— Что за чертовщина?! — говорила соседке-продавщице Дарья Матвеевна. — И вчерась, и позавчерась, и третьего дни — шесть пирожков, как со сковородки на землю! Ты уж сегодня присмотри, чтобы в четыре глаза — оно сподручней.

Как всегда, они поставили плетеные, покрытые белыми накидками корзины на углу Чистопрудного бульвара и Кировской улицы — здесь поблизости и станция метро, и Главпочтамт, да и вообще живой перекресток. Завидев легкий парок, пробивающийся из-под накидок, даже те, кто только что пообедал, не могли утерпеть, чтобы не купить поджаристый капустный, а еще того лучше — мясной пирожок и тут же, застенчиво отвернувшись к стене, не съесть его. Торговля всегда

шла бойко, а сегодня — особенно. Две лоточницы только успевали получать пятаки и гривенники, поддевать на вилку пышущий жаром пирожок, вручать его вместе с кусочком бумаги покупателю, а уже появлялся следующий, и даже накапливалась небольшая очередь.

— А пирожок? — спросил вдруг у Дарьи Матвеевны высокий темноволосый мужчина в сером легком пальто.

— Какой пирожок? — удивилась Дарья Матвеевна.

— Как — какой? Я вам десять копеек отдал?

— Отдали.

— Вы мне бумажку дали, салфетку?

— Дала! — уже обеспокоенно сказала лоточница.

— А пирожок?

— И пирожок вручила вам, гражданин! Как не стыдно?!

— Это вам должно быть стыдно. Что же я его за секунду съел?

— А! — с досадой вздохнула Дарья Матвеевна. — Начинается!—и протянула покупателю новый пирожок.

И тут на глазах изумленной публики, совсем как в цирке на сеансе фокусов знаменитого Кио, пирожок... исчез.

Обескураженная Дарья Матвеевна машинально схватилась за кончик вилки, там она почувствовала что-то мягкое и теплое. Пирожок! И хотя он был невидим, лоточница крепко держала пропажу, не разжимая руки. Она тянула пирожок к себе, а кто-то, таинственный и страшный, — к себе. Вилка давно упала. И публика начала хохотать: с выпученными от ужаса глазами продавщица крепко сжимала в кулаке воздух, боясь отвести взгляд от собственной руки.

— Во дает! Во дает! — в восторге кричал кто-то.

— Это вы, молодой человек, довели до такого состояния женщину!—возмутилась дама с волосами фиолетового цвета. — Съели свой пирожок — не мешайте другим!

— Глядите! Глядите! — перебил ее тот же восторженный голос. — Появился! То не было, а то опять есть!

Действительно, в руке лоточницы появился пирожок. Только не целый, а половинка...

И тогда фиолетовая дама сказала еще более возмущенно:

— Торговать, гражданка, надо, а не фокусы показывать!

В этот день Дарья Матвеевна недосчиталась шести пирожков, вернее, семи, потому что половинку она в испуге уронила на землю.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

в которой Леня Фомин высказывает свои соображения

— Итак?

Этот вопрос задал полковник Логинов, едва Леня переступил порог его кабинета.

Леня уселся напротив и раскрыл тонкую коричневую папку, на обложке которой было написано: «Дело о мальчиках-невидимках Вадиме Смирнове и Павле Кашкине из Прибайкальска».

— Итак? — повторил свой вопрос Василий Михайлович.

— Пока не густо, товарищ полковник. — Леня вынул из папки бумаги. — Я заинтересовался некоторыми случаями в Москве и вне Москвы. Уж не говорю о происшествии с вашей Марусей — это, несомненно, дело их рук. Но есть еще несколько различных сообщений о странных случаях, которые не мог-

ли обойтись без участия невидимок. Во дворе одного из строящихся в Юго-Западном районе домов, например, был наказан непонятным образом хулиган Степан Петухов, который обижал малышей.

И Фомин рассказал подробно о случае, который вам уже известен из стихов Вадима Смирнова.

— Самое удивительное, что на хулигана, — улыбнулся Леня, — это произвело потрясающее впечатление. Говорят, мальчик забросил теперь рогатки и изменил свои повадки.

— О! — засмеялся полковник Логинов. — Вы даже стихами заговорили.

— Заговоришь, — вздохнул Фомин. — Вот посмотрите-ка.

И он протянул полковнику тонкий листок, на обратной стороне смазанный клеем.

На листке было написано карандашом:

Учти, презренный Петухов,
Коль не совсем ты глуп,
Что из петушьих потрохов
Бывает жирный суп.
Коль волю дашь ты кулакам —
Запомни: быть беде,
Опять получишь по бокам,
Как нынче.

П. и Д.

— Да, от такой угрозы задрожит не только трусливый Петухов, но и любой храбрец. Здорово!

— Но это не все, товарищ полковник. Вот сообщение из Театра юного зрителя. Там шел на днях спектакль о войне. В одной из сцен буржуины берут в плен Мальчиша-Кибальчиша. Под пытками они хотят заставить его выдать военную тайну. И в самый трагический момент, когда зал буквально бушевал, волнуясь за судьбу героя, на сцене произошло замешательство. Дело в том, что плетка палача, лежавшая на полу, вдруг взлетела в воздух и начала изо всех сил хлестать актера, исполняющего роль палача. Зал восторженно зааплодировал. Но занавес пришлось закрыть. Актриса, играющая Мальчиша, схватила плетку, отбросила ее за кулисы и подбежала к пострадавшему. «Владимир Петрович! — закричала она. — Что с вами?! Я не могу понять, что случилось?» И тут они услышали смущенный голос: «Ой, извините, пожалуйста, мы просто забыли, что вы артист. Мы думали, вы и взаправду палач. Простите нас, пожалуйста...»

— Ничего не скажешь. Активные молодые люди, — усмехнулся полковник Логинов.

— Тут еще десятка два сообщений об их поступках. И, знаете, молодцы — справедливые ребята!

— Гм... Справедливые... Да вы уж не влюбились ли в них заочно?

— А почему бы не влюбиться? Здесь они привели заблудившегося малыша домой, там — помогли поймать карманника. Тот бросился было бежать от милиционера, а бежать-то не может...

— А вы подумали, Леня, о пище?

— О какой пище?

— Ну, о том, что едят наши невидимки? Это ведь, как ни крути, воровство...

— Они же это делают несознательно.

— То-то и оно, что несознательно. Знаешь, в детстве я тоже мечтал стать невидимкой. Что смеешься? Правда. Очень уж мне хотелось пробраться в кондитерский магазин и съесть все пирожные сразу... Трудно жили мы в ту пору—какой-нибудь леденец был пределом мечтаний. А тут — сразу все пирожные. Соблазнительно, согласись...

— Пожалуй...

— Вот-вот, и не понимал я тогда, что это и есть кража...

Утром на углу Чистопрудного бульвара и улицы Кирова на щите, где милиция обычно сообщала о нарушителях уличного движения и вывешивала фотоснимки различных аварий, появилось написанное крупными черными буквами объявление:

ТОВАРИЩЕСКИЙ СУД

Слушается дело гражданки

ПЕТУХОВОЙ ДАРЬИ МАТВЕЕВНЫ,

обвиняемой в растрате государственных денег.

Начало в шесть часов вечера.

Вход свободный

Общественный обвинитель Л. Фомин.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

в которой штаб невидимок отдает первое распоряжение

С утра Василий Михайлович, как всегда, просматривал письма. Сегодня поступили ответы на несколько запросов в разные концы страны, есть новая корреспонденция из Прибайкальска.

«...На ваш запрос Якутское областное управление милиции сообщает:

Недавно на самолет, направляющийся с грузом на одну из станций «Северный полюс», проник каким-то образом мальчик. Личность его установить не удалось, так как оказалось, что этот пассажир невидим. Его наличие обнаружилось уже при посадке на льдину. Все члены экспедиции были поражены, когда прямо перед их глазами из воздуха появился красивый бордовый альбом с видами города Прибайкальска и мальчишеский голос произнес:

— Привет отважным полярникам от учеников 117-й школы сибирского города Прибайкальска.

— А ты кто такой?
— Я? Невидимка Колька Спиридонов.
— Будешь с нами обедать?
— Еще как буду!..
Николай Спиридонов доставлен в город Прибайкальск, в штаб невидимок».

«...Неподалеку от станции Осиновка, — говорилось в другом письме, — на строительстве Братской ГЭС неожиданно вспыхнул огонь в тайге. Члены добровольного пожарного общества бросились к щитам с противопожарным инвентарем. На одном из щитов не хватало огнетушителя. Каково же было удивление пожарных, когда на месте происшествия был обнаружен огнетушитель, который сам по себе, без участия человека, заливал огонь, не давая пламени разрастись... На помощь пожарным пришли строители. Огонь был ликвидирован, и до самого конца воевал с огнем огнетушитель-автомат. Инженеры считают, что это самоуправляющаяся кибернетическая машина. Единственная странность, заставляющая нас направить это сообщение вам, состоит в том, что огнетушитель все время кричал:
— Ах, ты так, тогда я тебя вот так!»
«...На пограничной заставе, в горах, недавно произошел случай, который может вас заинтересовать, — сообщалось в третьем. — Командованию заставы стало известно, что в один из ближайших дней готовится переход вражескими диверсантами границы. Были усилены дозоры. Бойцы-пограничники еще более бдительно несли охрану своих участков. В ночь на субботу погода выдалась ненастная. Туман лег на горы. Видимость стала совсем плохой — в двух шагах не различишь дерева. Был отдан приказ: усилить посты.

И не зря. На рассвете раздались выстрелы. Отряд конников умчался туда, где слышалась стрельба. Туман редел, смутно проступали уже мокрые деревья, влажная земля тускло поблескивала. Тяжелораненый пограничник указал направление, в котором скрылся враг. Раненого увезли, отряд двигался по лесу. След вел в глубокое, глухое ущелье. На дне его тяжело ворочалась река. Если враг побредет по воде — найти его будет трудно. Конники спешились. Проводник с собакой пошел впереди. Все обратили внимание, что рядом со следом тяжелых мужских сапог тянется след детских ботинок. «Откуда взялся ребенок?» — ломали себе голову бойцы. А

след рассказывал им все, что происходило здесь несколькими минутами раньше. Вот мальчик — судя по всему, это был мальчик—присел и схватил шпиона за ногу. Тот плюхнулся и, вероятно, расшиб голову — на камне остался след крови. Вот мальчик подставил ему подножку, и враг свалился в довольно глубокий ров. Странным казалось, что диверсант не видит своего преследователя. Ага, вот тут он уже гнался за мальчиком, а тот кружил между деревьями.

Вдруг следы оборвались. И тогда все увидели, что на камнях лежит измученный мужчина со свирепым лицом и держит руки над головой.

— Держи, держи, а то выстрелю! — раздался за деревом детский голос, хотя никто не видел говорящего.

— Не мучь маленьких!—громко сказал, выходя из кустов, командир отряда. — Взять его! — приказал он бойцам.

— Ой, спасите! — закричал вдруг юный пограничник.

— Что с тобой? Где ты? — спросили бойцы. — Подумать, как здорово замаскировался!

— Мне страшно!

— Не бойся! Теперь он тебе ничего не сделает.

— Да я не его боюсь, я лягушку...

— Что же ты за парень, — засмеялись пограничники, — если лягушек боишься?

— А я не парень. Я Вера... Вера Сокольникова из 117-й школы города Прибайкальска.

— А почему ты от нас прячешься?

— А я не прячусь вовсе. Я просто невидимка...

Рассказ пограничника записал редактор многотиражной газеты «На рубеже»

Виктор Мелентьев».

«...Дорогой Василий Михайлович!

Большое спасибо вам и за внимательность, и за все те меры, которые принимаете вы, чтобы отыскать наших бродяг. А главное — спасибо за письмо, где вы рассказали нам кое-что о наших ребятах. Родители продолжают атаковать школу, и каждая, даже самая малая весточка, полученная о невидимках, для нас очень важна.

Наш старший пионервожатый Сеня, как его теперь зовут в городе — «Всадник без головы», оказался на редкость сообразительным, умнейшим парнем. Он один из немногих не растерялся, не поддался панике, а тотчас же извлек все выгоды — в хорошем смысле — из своего печального положения. Дело в том, что в отличие от нас он видит невидимок, поэтому может ими командовать. Он собирает их в классе, мы даже пытаемся наладить учебу с ними. Кажется, получается неплохо, хотя класс и не в полном составе. Отказалась от работы с невидимками только Гипотенуза Сергеевна. «Мистика, говорит, не могу, когда мистика». А Сеня создал штаб невидимок, и они вершат в городе большие дела. Они объявили борьбу хулиганам, и те сейчас притихли: кто его знает, не находятся ли рядом невидимки? Посылаю вам копию «Приказа по штабу невидимок»:

Всем! Всем! Всем!
Мы — отряд невидимок 5-го «В» класса
117-й школы — объявляем борьбу всем
хулиганам города. Каждый, кто обидит
малыша в школе и на улице, каждый, кто
нарушит правила поведения в
общественных местах, каждый, кто
проявит грубость, будет строго наказан.
Мы, невидимки, можем оказаться всюду.
Граждане, будьте взаимно вежливы!

Штаб невидимок.

Материалов было много. Прочитав их, полковник Логинов вызвал Леню, передал ему письма, посоветовал сообщить в Прибайкальск о местонахождении ребят и послать соответствующим отделениям милиции материалы «о принятии мер к возвращению детей домой».

— А что мы будем делать с Димкой и Павлом? — Василий Михайлович взглянул на лейтенанта.

— У меня есть одна мысль по этому поводу.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

о том, где спят поезда метро и кто спит в поездах метро

Засыпает город. Даже поезда метро уходят спать. Устало гудят их натруженные за день ноги. В пустых вагонах гуляют ветерки. Поезда, не останавливаясь, пролетают мимо станций и, собравшись все вместе, затихают до утра.

И каждую ночь к ним приходят слесари, чтобы осмотреть и, если надо, починить.

— Послушай, Тимофей Митрофанович, не слышишь ты какого шума?

Пожилой слесарь заглянул в дверь одного из вагонов.

— Да вроде кто-то ходил внутри, — ответил ему второй и тоже заглянул в дверь.

— А знаешь, Сергей Николаевич, мне послышался голос, такой пискляведький. Иль показалось?

— Может, и показалось. А надо заявить начальнику. Я давеча слышал, Тимофей Митрофанович, будто спорят мальчишки какие-то в вагоне. Заглянул, а там никого. Голоса, однако же, слыхать. Ну, я зашел в вагон, для храбрости кашлянул и, значит, пошел на голоса. А они возьми да и смолкни. Ищу, значит, руками развожу, шарю кругом. Чувствую, мимо меня пробежал кто-то. Ногами-то хоть и потихоньку, а так, значит: топ, топ... топ... Чего бы это могло быть? А, Тимофей Митрофанович? Просто ума не приложу!

— Одно слово, дело подозрительное. Ты уж подежурь, а я пойду позвоню в милицию. Так-то оно вернее.

А тем временем наши друзья укладывались спать. Они легли на мягкие темно-коричневые диваны, положив под головы ладони.

— Генеральская постель, — сказал Паша, потягиваясь. —

На таком диване, наверное, спит только персидский шах. Да и то по праздникам.

— Ладно, ладно, персидский шах, спи.

— Что-то в последнее время ты задумчивый стал какой. Прямо на глазах умнеешь.

— Задумаешься. Вот голова садовая! Я ведь не знаю, как снова стать видимым.

— А этот, с зеленой бородой, так и не сказал?

— Да в том-то и дело, что я не догадался все повыспросить. Не поверил, понимаешь, что могут быть волшебные галоши, а теперь вот...

— Так... значит, — заикаясь, пролепетал Паша, — значит, мы теперь на всю жизнь невидимки?

— Выходит, что так. Надо искать выход, а как его найдешь?

Павлик на минуту задумался.

— А может, вымазаться сажей и стать черными, как негры, — сказал он. — Это даже интересно. Здравствуйте, негр Димка! Здравствуйте, негр Паша! О'кей!

— Обрадовался. Вот у тебя руки грязные, а их все равно не видно. Ничего нам не поможет. Ничего!

Димка повернулся на бок, чтобы взглянуть на Пашу, и увидел под диваном брошенную кем-то газету.

Он стал проглядывать ее и сразу же обратил внимание на сообщение в отделе происшествий.

— Послушай, Павлик, что здесь пишется! — закричал он и, запинаясь, стал читать: — «На днях два ученика Прибайкальской школы № 117 Вадим Смирнов и Павел Кашкин, рискуя жизнью, спасли из-под машины пятилетнюю девочку Марусю Логинову. Московское городское управление наградило отважных пионеров ценными подарками. Лиц, знающих местонахождение ребят, просят сообщить им, что премию можно получить в городском отделении милиции по адресу...»

Павлик даже остолбенел от изумления.

— Вот это да! — сказал он. — Ценные подарки! Интересно бы знать: какие?

— Ну чему ты обрадовался?

— Как — чему? — удивился Паша. — А ты разве не рад?

Димка сокрушенно покачал головой.

— А откуда они знают наши фамилии? Нет, тут что-то не то...

Утром они, как всегда, вышли из метро на площади у Главпочтамта. На углу Кировской и Чистопрудного бульвара

было тихо, не толпились вечно куда-то спещащие москвичи и приезжие. Невидимки поняли причину этого, только подойдя поближе: лоточниц, которые всегда торговали здесь пирожками, не было. На стене висело объявление:

ТОВАРИЩЕСКИЙ СУД!

Слушается дело гражданки

ПЕТУХОВОЙ ДАРЬИ МАТВЕЕВНЫ,

обвиняемой в растрате государственных денег.

Начало в шесть часов вечера.

Вход свободный.

Общественный обвинитель Л. Фомин.

У объявления остановилась фиолетовая дама, — ребята сразу узнали ее. Она прочитала объявление и всплеснула руками.

— Боже мой! Каким людям доверяют торговлю пирожками!

— Ну, знаете ли, — возмутился молодой человек в сером пальто. — Это вы уж слишком!

Димка почувствовал, как сердце у него оборвалось в груди и покатилось куда-то далеко-далеко вниз...

— Паш! Понял, в чем дело?

— А что же делать? Ее арестуют за это?

— Идем.

— Страшно, Димка...

— А пироги есть не страшно было? Раз виноваты — надо идти.

— Как же идти? Ведь милиция теперь знает наши фамилии. Тут нам награду дают за благородный поступок, а тут еще накажут за пирожки.

— Что же поделаешь, все равно надо идти.

Первым они увидели Степку-драчуна. На его зареванном лице размазана грязь. И совсем он, ну ни капельки, не похож на «грозу переулка», предводителя хулиганов. Он стоял, шмыгая носом, а вокруг носились ребятишки, те, кого он совсем недавно одним щелчком мог заставить примолкнуть. Они носились вокруг и во весь голос орали:

Петухов, Петушков,
Слопал сто пирожков!

Друзья разогнали мальчишек и совершенно неожиданно узнали, что Степка — сын той самой Дарьи Матвеевны, которую будут судить. И на душе у них стало совсем скверно. Ну чем они лучше этого Степки, которого они отколотили и которому написали «грозную» записку. Ну чем они лучше? Он, Степка, ведь никого под суд не подвел.

Зал гудел. У стола судьи стояла лоточница, та самая, что всегда торговала пирожками рядом с Петуховой. Она рассказывала:

— Вот уже пять лет мы торгуем вместе, всегда доверяем друг другу, и ни разу не случалось, чтобы, между прочим, была недостача. И Дарью я давно знаю, честный, между прочим, человек. И все, что случилось, дело-то нечистое. Вот мы с ней, с Дарьей, вышли на днях на точку. Она мне и говорит: «Что-то не такое, говорит, происходит, потому что, между прочим, пирожки каждый день пропадают, и ни много ни мало, а по шести штук в сутки. Понаблюдай, говорит, а то, может, я чего не так делаю...» Пронаблюдала я: гляжу, человек подходит, чернявый весь, в пальто в сером. И на что, думаю, человеку пальто в такую жару. А он, между прочим, каждый день покупает с утра по два пирожка, да в обед два, да вечером два. То у нее, между прочим, а то, значит, у меня. Вот, думаю, точно все как совпадает: шесть пирожков у Дарьи пропадает, и шесть покупает этот тип в сером пальто...

— Гражданочка, нельзя ли выбирать выражения? — спросил кто-то из зала.

Все оглянулись: у окна, положив локоть на подоконник, сидел молодой человек в сером пальто. Лоточница поперхнулась и продолжала, но уже значительно спокойней:

— Ну и вот... Гляжу я на него, значит, внимательно. А он заплатил деньги. Дарья, между прочим, подала ему пирожок, положила на лоток, а он так посмотрел на этот пирожок, ну ровно бы фокусник в цирке, а пирожок вдруг — хлоп! — и нету его. А он и кричит, значит: где же пирожок, мол? А сам его небось давно в карман засунул. Так что Дарья-то, между прочим, не виновата.

— Как же не виновата?! Как же не виновата, я вас спрашиваю?! — вскочила со своего места фиолетовая дама. Она тоже была здесь. — Я сама собственноручно видела, как лоточница припрятала половину пирожка.

— Выйдите к столу и расскажите, — сказал судья.

— Я? К столу? Нет уж, увольте. Я лучше с места.

— Ну хорошо, с места так с места, — сказал Леня Фомин

— общественный обвинитель. — Но скажите свою фамилию.

— Зачем?

— Как — зачем? Мы же должны в протоколе записать ваше выступление.

— Какое выступление? Какое выступление? Разве я выступала? Разве я что-нибудь сказала? Да я сижу и молчу как рыба. Нет, что за люди! Зайти посидеть нельзя. Обязательно что-нибудь на тебя наговорят! Я ухожу.

И она стала протискиваться к выходу.

— Тогда, может быть, вы нам что-либо скажете? — обратился судья к молодому человеку в сером пальто.

— Скажу. Мне кажется, конечно, если я не ошибаюсь, что тут замешаны, если я не ошибаюсь, какие-то неведомые нам силы...

По залу прокатился смех.

— А смеетесь вы, если я не ошибаюсь, зря! Зря! Я сам видел, как исчез, как стал невидимым пирожок на лотке у гражданки Петуховой, как она потом схватилась за воздух и в ее руке, если я не ошибаюсь, появилась половинка пирожка.

Смех в зале не прекращался. Судья поднял руку. Все смолкли.

— Послушайте, гражданин, извините, как ваша фамилия?..

— Семиструнов.

— Послушайте, гражданин Семиструнов, здесь собрались люди по серьезному поводу, а вы строите из себя шута... Нехорошо!

— Я могу и помолчать. — И молодой человек в сером пальто сел на свое место.

Леня Фомин укоризненно взглянул на судью. И попросил:

— Мне бы хотелось, чтобы товарищу Семиструнову дали возможность договорить.

— Я, если я не ошибаюсь, сказал все. Кроме одного. Мне кажется, что случай с пирожками связан с историей о летающей девочке. А если это так, то, если я не ошибаюсь, в нашем городе действуют невидимки. Это самое естественное объяснение нескольким известным мне фактам.

— Что за глупости! — закричала уже где-то у самого выхода фиолетовая дама. — Какие невидимки! Зачем вводить всех в заблуждение?

— В заблуждение? — спокойно сказал молодой человек в сером пальто. Затем он вынул из кармана черный пузырек, выпил из него какую-то жидкость и после этого поспешно стал снимать пальто.

Мальчики видели, как широко раскрылись рты у всех присутствующих, а фиолетовая дама выбежала на улицу с криком:

— Ой, мамочка, мама!

Между тем молодой человек исчез. На спинке стула осталось только его серое легкое пальто. Однако не улеглось еще волнение в зале, прошло всего каких-то две минуты, как на том же месте снова появился молодой человек, одетый в серое пальто.

Зал онемел от волнения. Невозмутимым остался только судья.

— Ваши фокусы, — сказал он, — еще ничего не доказывают. Разве только, что вы и есть главный виновник всего, что произошло.

— Вы хотите сказать, что я, если не ошибаюсь, имею какое-то отношение к исчезновению пирожков?

— Не знаю... Пока не знаю! Но в одном я твердо уверен: невидимок на свете не бывает...

И тогда в зале раздался взволнованный мальчишеский голос:

— Как не бывает? А мы?

Это, без всякого сомнения, крикнул Димка, и вслед за ним раздался другой голос:

— Это мы во всем виноваты!

И так же несомненно, что это был голос Павлика.

Публика оглядывалась, недоумевая: откуда же это идут голоса? А Паша и Димка пробрались на сцену и, перебивая друг друга, рассказали оторопевшему залу, что это они — Паша Кашкин и Вадим Смирнов — заслужили сегодня наказание.

— Позвольте, — сказал тогда Леня Фомин, сощурив глаза, словно бы видел кого-то перед собой.—Уж не те ли вы ребята, что спасли от несчастного случая Марусю Логинову?

— Мы, — упавшим голосом сказал Димка.

— Тогда почему не зайдете в милицию за наградой?

— Какая там награда,—уныло сказал Паша.—Мы еще не расплатились за сто восемьдесят пирожков...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
о том, что голод — не тетка, а Кузька очень похож на Зеленобородого

Тимофей Митрофанович и Сергей Николаевич — слесари парка электропоездов метро — с некоторых пор стали задер-

живаться на работе позже обычного. Оба сухощавые, невысокие, они походили на братьев. Только один — Тимофей Митрофанович — чуть постарше и чуть повыше, а второй — Сергей Николаевич — помоложе, поживее.

— Чего это они по ночам шарят в поездах? — удивлялись их товарищи по работе. — Никак, ищут клад в кожаных диванах?

И, встречая дружков, подмигивая, спрашивали:

— Ну как? Еще не нашли?

— Да пока нет...—смущенно говорил Тимофей Митрофанович и косился на шагающего рядом напарника. —Ты, поди, разболтал? — строго спрашивал он, когда они оставались одни.

—Да ты что,—обижался Сергей Николаевич. — Я думал, это ты не вытерпел...

Подозрительных разговоров в электропоездах с той памятной ночи им не довелось слышать, но зато среди работников метро разговоров было хоть отбавляй. Кто-то из депо побывал на суде, и об истории с пирожками знали все без исключения.

Друзья каждую ночь обходили вагоны, ведя производственные разговоры. Чтобы не спугнуть невидимок, они делали вид, что тщательно осматривают состояние обшивки на сиденьях. Но все безрезультатно: невидимок, о которых под большим секретом неделю назад рассказали им в милиции, не было. Как в воду канули.

Однажды, устав после тщательных и безрезультатных поисков, искатели «клада» присели на коричневый диван.

— Знаешь, Тимофей, какая мысль у меня вот уже несколько дней не выходит из головы?

— Ну?

— А ведь мы, должно быть, вспугнули птичек, и они теперь, может, спят себе спокойным сном... на другой линии.

— Правда твоя, Сергей. Ну, конечно, спят они сейчас, милые голубчики, да над нами посмеиваются: тоже, мол, сыщики в метро нашлись!

— Я вот что думаю: не сообщить ли об этом в милицию?

— Да, пожалуй, надо...

Слесари вышли из вагона и вдруг остановились: в соседнем поезде слышались знакомые голоса.

— Ты вот что,—шепотом сказал Тимофей Митрофанович,— беги звонить, а я тут покараулю.

Он подошел поближе к окну, из которого слышался довольно громкий разговор.

— Так он и не пришел?

— Нет. Целый день простоял я там на углу — все без толку.

— Понимаешь, мне кажется, что этот человек в сером пальто и есть Зеленобородый. Значит, надо следить.

— А как же он в Москве оказался?

— Вот этого-то я и не знаю. Но ведь раз он волшебник, значит, он, наверное, может как-нибудь передвигаться. А если даже не он — все равно этот парень должен знать секрет: как из невидимок стать видимками. Помнишь, как он ловко из пузырька что-то выпил — и готово!

— Что же мы будем теперь делать? Есть хочется страшно. Хоть бы хлебца маленько... Может, домой нам поехать?

— Как же уехать, если Зеленобородый где-то здесь. Без него мы пропали. А потом, что мы скажем ребятам? Ведь это я их превратил в невидимок. И как это меня угораздило?

— Да, пожалуй...

— И потом, еще эти пирожки...

— Я уже подсчитал, нам нужно восемнадцать рублей, чтобы отдать долг Дарье Матвеевне.

— Стоп! Нас, кажется, подслушивают...

Тимофей Митрофанович, который приблизился к окну настолько, что его заметили, торопливо отскочил назад. Но было уже поздно.

— Паша! Надо уходить. Это что-то подозрительное.

— Хлопцы! — взволнованно сказал тогда слесарь. — Дело вот какое. Ваши родители беспокоятся о вас. Они прислали письмо в Москву, просят, значит, помочь найти Вадима Смирнова и Павла Кашкина. Это ведь вы, не правда ли? Вот я вам скажу сейчас приметы: Вадим Смирнов, ученик пятого класса, одиннадцати лет, волосы русые...

— Похоже, что я.

— Вот видите. Глаза серые есть?

— Есть.

— Нос прямой, над верхней губой родинка есть?

— Есть.

— Ну вот видите! Теперь Кашкин Павел. Волосы рыжеватые, глаза светло-карие...

— Кажется, есть.

— Рот большой, нос чуть вздернутый...

— Одну минуточку. Димка, у меня, что, и вправду большой рот? Нет, здесь ошибка. Что значит большой рот? У меня самый нормальный, можете посмотреть сами.

— А нос чуть вздернутый и подбородок круглый — уже менее уверенным тоном спросил Тимофей Митрофанович. — Это есть?

— Так точно! Все на месте!

— Вы тут вот, хлопчики, горевали о еде. Может, поедем ко мне? Поедите, поспите как полагается, досыта. А? Я живу за городом. Может, слышали — Расторгуево? От Павелецкого вокзала рукой подать. Не слышали? Ну ничего, что не слышали. Стало быть, у вас все впереди.

— Спасибо вам, но только нам нельзя к вам ехать.

— Почему же?

— А вы нас отправите в милицию.

— Зачем же обязательно в милицию? А потом, если вы люди честные, так чего вам милиции бояться? Она, наоборот, помочь в беде может. Это не про вас ли пропечатали в газете, что вроде девчонку из-под машины спасли, Марусю Логинову.

— Было такое.

— Ну вот видите, — оживился слесарь. — А ведь она, Марусенька, начальнику городского-то управления милиции дочкой приходится. Полковнику Логинову. Вот оно как. Так что в случае чего прямо к Логинову, Василию Михайловичу. Он уж вас в обиду не даст.

— А далеко это Расторгуево?

— Дом-то мой? Да нет, недалечко. Минут сорок езды. А то и меньше.

— Может, поедем, а, Димка?

— Ну хорошо. Мы поедем. Спасибо вам большое.

Сергей Николаевич вернулся через несколько минут и застал своего напарника в обществе ребят. Об этом можно было догадаться по оживленному разговору, который слышался из вагона.

— Значит, вы были знакомы с Зеленобородым? — с недоверием спрашивал мальчишеский голос.

— Да вот так, как сейчас с тобой разговариваю, так разговаривал с ним.

— Вот здорово! Нам, Димка, просто повезло!

— Все равно до утра ждать электрички. Может, расскажете нам про Зеленобородого?—попросил Вадим.

— Ну что ж, это можно,—согласился Тимофей Митрофанович. — Благо времечко есть. Отчего и не вспомнить, что было да чего и не было.

Старик почесал в затылке, хитро улыбнулся — одними глазами — и начал издалека...

ПЕРВАЯ ЛЕГЕНДА О СТАРИКЕ ОЗОРНИКЕ

Давно это было, недавно ли. А только жил да поживал на свете паренек один. Кузьмой его звали. Ну, кто и Кузькой назовет — тоже не обижался. Он ведь сам-то любого мог обозвать как угодно. Озорник был — свет таких не видывал. Бывало, девчонки на вечерку соберутся, а он чертом обрядится да и давай их за косы-то дергать. Другая и знает, что это Кузька развлекается,—да все одно страшно. Черт — черт и есть. Верили тогда люди во всякую чепуху.

Ну, завтра, конечно, все срамят, проклинают Кузьку, а он нет чтобы повиниться, исправиться там. Он еще какую проказу выдумает, да похлеще первой. То двух коров хвостами свяжет и стеганет их крапивой, то скамейку подпилит, сядут на нее старухи посумерничать — хлоп на землю. Одним словом, озорник, и только.

Ничего сделать не могли с ним. Собрались раз старики и промеж собой говорят: «Надо, мол, его проучить разок-другой. Да так проучить, чтоб он озоровать-то бросил». Долго думали. День думали. Ночь думали. Еще ночь с днем прихватили. И придумали наконец.

Вот однажды Кузьма снова пришел на вечерку, распугал девчат. А одна не боится его вроде. Стоит себе, семечки пощелкивает. Кузька даже удивился, что за смелая за такая. Вот я тебя, мол, крапивой сейчас. Сорвал крапивы да к ней, значит. Да и очутился в яме. Бился он, бился, а выбраться не может. Ну, ночью кое-как вылез, ушел домой.

А только учеба-то впрок ему не пошла. Хуже прежнего стал шуметь по селу, девушке этой просто проходу не дает. Однажды поймал да и привязал косами за дерево. А в одном доме окна и двери ночью заколотил. Люди выйти хотят, ан не тут-то было.

Разозлились люди на озорника — сил нет. Снова собрались старики. День с ночью думали, еще день с ночью, да еще третьи сутки прихватили. И придумали наказание Кузьке. Поймали его всем селом вечером, в мешок завязали да и понесли на берег озера. У нас за селом озеро широкое, берега круты. Я ведь сам-то родом тоже из Сибири. Вот бросили Кузьку в озеро и пошли. Пришли домой и говорят: «Ну, все! Был Кузька — да не стало. Некому больше озоровать».

А Кузька-то, верите не верите, лежит себе на дне озера и думает: «Куда это я попал?» Выбраться из мешка все же не может. Чувствует, худо дело. Сперва было катался, бился, по-

том примолк. Вдруг слышит рядом снаружи голос, хитрый, старушечий:

— Что, сынок, попался?

— Попался так попался, — отвечает Кузька.

— Хочешь, выручу?

— Хочу.

— Только уговор: за выручку ты отдашь то, что у тебя есть, а я тебе — то, чего у тебя нету.

— Ладно, — согласился Кузька, а сам подумал: «У меня в карманах ничего вроде ценного нет, а у старухи и подавно. Так что баш на баш и выйдет. Да и обмануть старуху завсегда можно».

Исчезла старушка. А Кузька все лежит в мешке да лежит. Час прошел, другой, третий пошел. Кузьке тошней тошного стало.

Вдруг опять голос снаружи:

— Лежишь?

— Лежу. А ты что не выполнила обещание? Развязывай мешок скорее, старуха!

— Я, во-первых, не старуха, а во-вторых, это обещала тебе моя бабушка.

— Ну, все равно развязывай! Бабушка — дедушка!

— Давай сперва меняться.

— Опять меняться! Обалдели вы все, что ли?! Хватит! Развязывай, говорю!

— Ну, не хочешь — не надо. Лежи себе.

— Эй, эй! Постой! Чего торопишься? Не дает человеку подумать. Ну, куда ни шло — давай меняться, только выпусти меня отсюдова.

— Ладно, выпущу, только отдай мне то, что у тебя есть, а я тебе то, чего у тебя нет.

— Согласен.

И снова никого. «Что за чудеса? — думает Кузька. — Видимо, что-то у меня есть самое дорогое, ради чего они все стараются. Только что?» Думал, думал — ничего не придумал. Ан, вот опять кто-то подошел. Али подплыл? Не может ничего понять Кузька.

— Значит, меняешь? — Голос опять новый.

— Да, меняю, меняю! Вот привязались!

— А что на что меняешь?

— Будто не знаешь: что есть на то, чего нету.

В ту самую минуту мешок и раскрылся. Вылез Кузька и видит: вода кругом — спереди, сзади, сверху. А снизу дно, усе-

янное мелкими камнями. И висят прямо перед ним в воде три темные тени. Вот одна опустилась на дно и превратилась в старуху. Из ушей и носа ее торчал мох, морщинистое лицо было похоже на кожуру грецкого ореха.

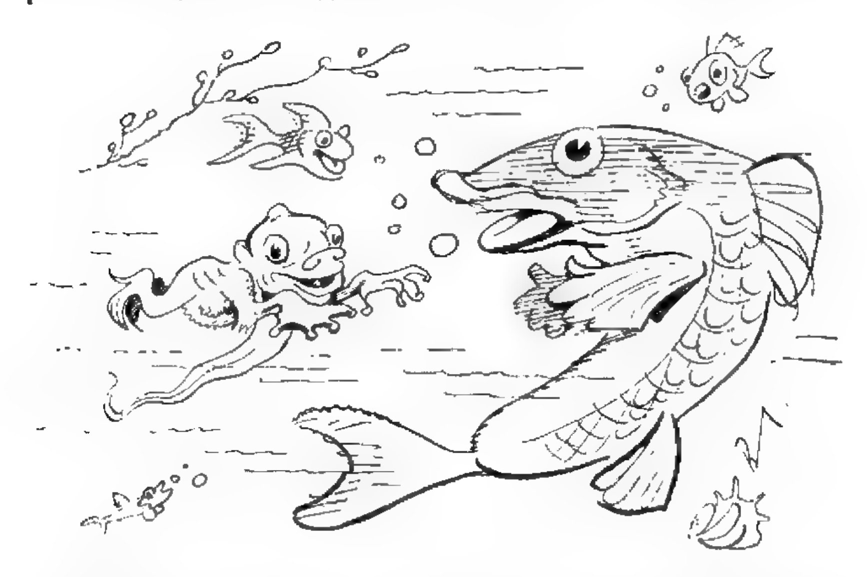
— А, золотой, молодой! — с ехидной улыбкой сказала водяная старуха. — Отдавай, что обещал.

— А я и не отказываюсь. — И Кузька выворотил карманы. — Бери что хочешь!

Старуха злобно засмеялась:

— Хитришь! Зачем мне всякое барахло! Молодость-то у тебя есть, а старости-то нет! Вот и подавай мне свою молодость, забирай мою старость.

— Э, нет, — сказал Кузька, укладывая в карман свое добро. — Так дело не пойдет!

И вдруг голос его стал хриплым, старческим, а старуха расправила плечи и стала молодой красавицей со злым взглядом зеленых глаз. Кузька взглянул на ее зеленовато-белые руки, которые стали теперь гладкими и нежными, а потом на свои и вскрикнул. Кожа на его руках обвисла и сморщилась. Поясницу заломило, скрючило ноги.

Тут опустилась вниз вторая тень — это был огромный черный таймень.

— Ну, Кузьма Озерович, давай меняться.

Кузька похолодел.

— Хватит, — несмело сказал он. — Я уже отдал все самое дорогое, что у меня было, — молодость свою отдал.

— Нет, милый дружочек, не все. И не самое дорогое. Есть у тебя человеческий облик, а нет облика рыбьего. Отдавай мне человеческий, забирай себе рыбий.

Открыл Кузька рот, чтобы ответить, а вылетел изо рта только писк. Хотел Кузька руками взмахнуть, а вместо рук у него плавники. А таймень превратился в молодого красавца со злым взглядом зеленых глаз.

— Пойдем, дорогая, — сказал он бывшей старухе очень любезно. — Мы тысячу лет ожидали этого дурака.

Кузька что-то кричал, бил хвостом и успокоился только тогда, когда кто-то постучал ему в бок. Кузька оглянулся. Рядом с ним плавал малюсенький плешивый старичок:

— Эгей, Кузька! Ты со мной еще не рассчитался!

— Да у меня же забрали все,—запищал Кузька и заплакал. И слез его не было видно — кругом вода.

— Нет, не все, — захихикал старик. — Не все, не все! У тебя еще остался твой длинный рост. Теперь он тебе не нужен. Какая разница: будешь ты большой рыбой или маленькой? А в обмен я сделаю тебя волшебником.

— Ну хорошо,—согласился Кузька.—Давай меняться...

Тимофей Митрофанович умолк.

— А дальше, дедушка, а дальше?

— А дальше будет в следующий раз, — ответил чей-то незнакомый голос.

Мальчики оглянулись: в дверях вагона стоял лейтенант милиции. Это был Леня Фомин.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ, в которой милиционер Степан Аванесов проявляет бдительность

— Значит, отправились ночевать в Расторгуево?

— Так точно, товарищ полковник.

— И обещали сегодня к вечеру быть здесь?

— Так точно, товарищ полковник.

— Где же они?

— Не знаю, товарищ полковник. Может быть, дождь их задержал. Вон как хлещет.

— Да, дождина... И все же они должны были выполнить обещание. Может быть, они боятся?

— Чего? Я же им объяснил, что милиция награждает их за спасение девочки денежной премией в двадцать рублей каждого. Если б вы видели, как они обрадовались!

— Увидели? Разве их можно увидеть?

— Да нет, это я к слову. Но можно же почувствовать, как они обрадовались. Зашумели, запрыгали, закричали: «Ура, мы спасены!».

— Все это хорошо, но где же они, где Вадим Смирнов, ученик пятого класса, волосы русые, нос прямой! Где Паша Кашкин, главный любитель пирожков? Где?..

...В этот дождливый вечер в городском управлении милиции стоял на посту у входа молодой милиционер Степан Аванесов, только что вернувшийся из отпуска. Он был человеком исполнительным и добросовестным и втайне мечтал стать когда-нибудь знаменитым следователем. Эта идея увлекла Степана Аванесова еще с детства, когда он прочитал две затрепанные рваные книги с замусоленными страницами — «Приключения Шерлока Холмса» и «Рассказы майора Пронина». Кто из этих знаменитых детективов больше всего пришелся по душе Степану, сказать трудно, но он приучил себя ничему не удивляться, как майор Пронин, и, совсем как Шерлок Холмс, анализировать всевозможные странные происшествия. И, надо сказать, достиг в этом немалых успехов.

Вот и сейчас мимо внимания Степана, хоть он и говорил по телефону с оперативной группой, выехавшей на очередную операцию, не прошло, что дверь гулко хлопнула. «Кто-то вошел», — решил Степан. Но в коридоре никого не было.

«Кто бы это?» — начал анализировать Аванесов, и тут же он обратил внимание, что на лестнице снизу вверх отпечатываются мокрые следы.

«Так-так, след небольшой... Скорее всего, детский, хотя, вполне возможно, и женский... Нет, вернее, один — женский, второй — детский... Странно... Честные люди не крались бы так медленно... Все ясно: злоумышленники хотят украсть важные документы! Так... Не нужно горячиться!.. Степан Аванесов, твой час настал!»

Следы поравнялись с дежурным. Он пропустил злоумышленников вперед и громовым голосом скомандовал:

— Стой! Стой, тебе говорят!

Злоумышленники остановились. Один из них спросил мальчишечьим голосом:

— Кому стоять? Мне или ему?

— Обоим стоять! Ясно?! Руки!

— Дяденька милиционер, — сказал другой нарушитель. — Нам нужно здесь подарок получить ценный...

— Ну-ну! Рассказывай! Подарок ему нужен. Ишь ты. Вы лучше скажите: кто вас сюда послал?

— Не послал, а позвал.

— То есть как?

— А вот так. Нас пригласил лейтенант Фомин.

— Вот как? Вы даже фамилию знаете? Так и думал, что важные преступники. Жаль, что малолетние... А ну, руки вверх! Вверх, я говорю!

— Мы честно, дяденька милиционер, за подарком. В газете же было написано...

— Ишь ты, «в газете». Вот завтра вас следователь допросит, будете знать, как безобразничать. А пока до утра я отведу вас в детскую комнату. А утром посмотрим.

— Дяденька, а как вы нас увидели? Неужели, наконец, мы стали видимыми?

— Милиция, братцы, она все видит! Ясно?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ВОЛШЕБНИК

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ, в которой Маруся Логинова разговаривает с Аленой-Маленой

Алена-Малена успела перемазаться уже с утра. Степан Аванесов — он проходил через двор, в котором играла Алена, — точно определил: лазила на забор — платье спереди в рыжей известке; была на чердаке — где еще можно набрать столько пыли; играла в классы — около кармашка следы мела. Аванесов, может быть, прошел бы мимо, но Алена-Малена была родной сестрой его невесты, и Степан не мог оставаться равнодушным.

Он уже принялся было распекать неряху, заранее предвкушая, как она напугается и удивится, что он про нее «все-все знает», но из подъезда выскочила Маруся Логинова.

— Алена! закричала она. — Иди сюда. Я тебе сейчас расскажу такое — сама не знаю какое!

Алена воспользовалась этим и убежала к подруге, а Степан невольно прислушался к разговору.

— А у нас гости знаешь какие?

— Знаю, дядя Леня Фомин к вам приехал, я видела...

— И ничего ты не знаешь. И вовсе у нас в гостях невидимки. Вот. А мама говорит, что они меня спасли...

При этих словах Аванесову припомнились мокрые следы на лестнице и нагоняй, который получил он за то, что продержал сутки мальчишек в детской комнате, а милиция сбилась с ног, разыскивая их по всему городу. Хорошо хоть, что мальчишки не сбежали — весь день ели да спали. Спасло тог-

да Степана лишь одно — он в тот день только вернулся из отпуска и о невидимках ничего не знал.

— И они взаправдашние, невидимки? — спросила Алена-Малена, все еще косясь на Степана Аванесова.

— Угу!

— А посмотреть на них можно?

— Как же посмотреть, если их совсем, ну совсем не видно.

— И вовсе ты обманщица,—сказала тогда Алена-Малена и отвернулась.—И никаких невидимок у тебя нет. И никто тебя не спасал. Если были бы, так показала б...

— Ну пойдем, пойдем, увидишь сама.

— А они малюсенькие?

Девочки помчались к подъезду. За ними двинулся и Степан Аванесов. «Хоть посмотрю, за кого мне попало», — думал он, на самом-то деле не очень веря, что дело обошлось без мошенничества. Никакие они не невидимки, а просто притворяются. Все в жизни должно иметь объяснение—так считал Аванесов.

Девочки на цыпочках вошли в комнату. Степан остался стоять в дверях. Он видел, как боязливо крадутся Маруся и Алена-Малена к кровати, на которой только натренированный глаз Аванесова мог заметить приметы людей... Подушки смяты головами, одеяло поднялось горбом в двух местах. «Один спит спокойно, другой разметался», — решил Аванесов.

— Где же невидимки?—шепотом спросила Алена-Малена.

— А вот же, на кровати.

— И даже ничего тут нет,—сказала Алена-Малена уже погромче и потрогала рукой одеяло. Вдруг она отдернула руку и закричала.

— Что случилось?—подбежал к девочке Аванесов.

— Невидимка схватил меня за палец.

— Это тебе показалось, Аленушка. Они ведь спят.

Но девочки уже выскочили на улицу. Поговорив немного с Марусиной мамой, вышел из дому и Аванесов. В углу двора он увидел девочек. Алена-Малена была окружена большой толпой ребятишек.

— Я их нисколько не боялась,—хвасталась она,—ну нисколько. Один даже хотел мне палец откусить, но я его как...

Степан улыбнулся и пошел к автобусной остановке.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ,

в которой письма находят адресатов, адресаты путешествуют, а путешественники возвращаются

Пока наши друзья видели седьмые сны в квартире полковника Логинова, сам Василий Михайлович взволнованно ходил по кабинету.

— Ну хорошо,—говорил он Лене.—Мальчиков мы нашли. Но это ведь полдела. Надо помочь им снова стать видимыми. А это штука нелегкая. Не верить же их заявлению, что во всем виновата какая-то галоша. Ведь это абсурд.

— Конечно, — соглашался Фомин. — Если верить в галошу, то тогда надо всерьез давать объявление в газету: «Потерялся волшебник. Нашедшего просим возвратить владельцу за вознаграждение». Чепуха получается.

— Вот что, ты оставь мне письма, пусть мальчики почитают, а сам поезжай к профессору Верхомудрову. Вдруг он сможет помочь.

Леня развязал ставшую весьма пухлой коричневую папку и достал письма из Прибайкальска. Их было несколько.

Димка и Паша вошли в кабинет через полчаса после ухода Фомина. Они уселись в два кресла, стоящие у стола, и Василий Михайлович вручил им письма из дому. Это был самый приятный сюрприз для невидимок, потому что кто же не скучает по дому? Где бы ни был человек — в дальнем увлекательном ли плавании, в трудном ли походе, на берегу ли ласкового моря — все равно скучает.

Мальчики углубились в чтение писем, позабыв все на свете.

Здравствуй, Димочка!

Как я соскучилась по тебе, дружочек. Василий Михайлович написал мне, что вы наконец нашлись, и я очень рада. Я так волновалась все время, пока о вас не было никаких известий. Только Анатолий Петрович утешал нас. Да еще Сеня — пионервожатый. Тридцать один нашелся, — говорит он,—двое найдутся. Он оказался прав. Кстати, Сеня сейчас тоже в Москве, уехал в какой-то институт, к ученым, чтобы избавить вас от беды. Пришло твое письмо, но без обратного адреса, я и не знала, куда написать тебе. Приезжай поскорее, дружочек.

Твоя мама.

Димка чуть не расплакался над письмом, так ему захотелось домой. А Кашкин почему-то улыбался. Димка понял, в чем дело, когда они обменялись письмами.

Братишечки-омулятнички, как поживаем?

Что же это вы пустились в путь-дорогу, а меня, старого рыбака и заядлого путешественника, оставили дома? Не ожидал, не ожидал. Это уже не по-товарищески. Я, конечно, понимаю, вы, братки-рыбаки, зазнались. Думаете, стали невидимками, так уже теперь на нас, видимок, можно смотреть свысока? А я и сам без вас тут задумал проехать на «Волге» вдоль всего Байкала. А? Что? Вижу, вижу, глаза заблестели. Ну, да я не такой, как вы. Хотите, возьму с собой? Мне места не жалко. Только дело-то вот в чем: отпуск у меня начинается через неделю, так что вы, того, торопитесь! Ясно? Тут еще мама хочет вам написать пару слов, а я кончаю.

После закорючки, которая должна была означать подпись Кашкина-отца, другим почерком было приписано:

Пашенька! Не ходи, милый, с непокрытой головой. Лето жаркое, может случиться солнечный удар. Приезжай поскорее.

Мама Валя.

Третье письмо читали вслух.

Невидимкам-путешественникам, великим покорителям пространства, представителям великого племени пятиклассников, от собратьев по счастью и несчастью наш невидимый привет!

Это письмо по поручению тридцати одного невидимки пятого класса «В» 117-й школы пишет штаб невидимок. Недавно узнали о ваших делах и обсудили на совете ваше поведение. Большинство поступков признано правильными. Штаб дает вам поручение — найдите в Москве Сеню и присоединитесь к нему: нужно как можно скорее узнать причину того, что с нами произошло, и как избавиться нам от такой «радости».

По поручению невидимок
председатель совета
Сокольникова Вера.

— А вот и Леня вернулся, — обрадовался Логинов, заметив лейтенанта в дверях.—Ну, как?

— Все в порядке,—улыбнулся тот. — Привет.

Темно-синяя машина с красной продольной полосой мчала наших друзей по городу. Уже возвращаясь после прогулки, увидели они шагающих к вокзалу старых знакомцев — сибирских пионеров.

— Никогда не ел пирожка вкуснее, чем тогда в вагоне, — засмеялся Паша.

А Димка подумал о том, что лучше путешествовать так же, как эти ребята,—честно и заслуженно. А невидимкой быть ни к чему.

Четвертое стихотворение Вадима Смирнова

Жил да был на свете я —
Человек обыкновенный.
Жил, мечту одну тая,
Человек обыкновенный.
Получил галошу вдруг
Человек обыкновенный,
Стал невидим, словно дух,
Будто необыкновенный.

Я к друзьям пойти хочу,
А они меня не видят,
Я по воздуху лечу,
А они меня не видят.
Вот приехал я в Москву,
А она меня не видит,
Даже если зареву —
Все равно никто не видит.
Жил да был я — человек,
А теперь я невидимка.
Впереди был целый век,
А теперь я невидимка.
Приключилася беда,
И теперь я невидимка.
Неужели навсегда
Невидимкой будет Димка?

Сам не можешь ничего —
Что за необыкновенный?
Не поможет волшебство —
Что за необыкновенный?
Вот и бродит тень моя —
Что за необыкновенный?
Лучше б жил на свете я —
Человек обыкновенный...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ,

в которой бабушка Варвара решилась наконец поговорить с «нечистой силой»

Проходя через комнату, в которой поместили невидимок, бабушка Варвара всегда крестилась. В бога она давно не верила и делала это на всякий случай: а вдруг эти мальчишки и впрямь нечистая сила?

— Послушайте, мама,— говорили, бывало, ей Василий Михайлович и его жена, дочь бабушки Варвары,— ведь мальчики же совершали только хорошие дела: спасли нашу Марусю из-под машины. Что же вы их боитесь?

— Так-то так,—отвечала старушка,—да только непривычно как-то разговаривать со стенками. Их ведь, сердешных, не видно, а я сослепу-то не могу никак разобрать, есть они в комнате али нет.

Поздно вечером бабушка баюкала Марусю. Девочка капризничала и требовала, чтобы вместо бабушки ее баюкал Димка. Старушка испуганно оглядывалась и старалась всячески отвлечь девочку. Но Маруся была упряма. Пришлось звать невидимок. Дрожа и крестясь, бабушка Варвара вошла в комнату мальчиков и сказала:

— Это самое, значит, вот какое дело: Марусенька-то всё не засыпает и не засыпает. Попеть просит.

Невидимки отправились к девочке, а старушка, держась за сердце, побрела за ними: да и можно ли оставить беззащитную внучку наедине с «нечистой силой»?

Спеты были все колыбельные, потом военные песни, потом начались туристские:

Нам электричество
Сделать все сумеет,
Нам электричество
Мрак и тьму развеет,
Нам электричество
Заменит тяжкий труд:
Нажал на кнопку — чик-чирик —
И все уж тут как тут...

Паша пел тоненьким голоском, зато во всю мочь.

— Да не так громко. Что вы кричите, ведь так слона разбудить можно, не то что ребенка усыпить...—решилась поговорить с невидимками бабушка Варвара. — Вот как нужно...

И она запела:

Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю —
Придет серенький волчок,
Схватит Машу за бочок.

Но у Маруси вовсе не было желания слушать про скучного волка. Ей было куда интереснее слушать «про мускулы стальные, про шорохи ночные, про смелых и больших людей». И она требовала от невидимых нянек все новых и новых песен. Однако запас «колыбельных» у наших друзей был уже исчерпан.

— Маруся, давай лучше мы тебе сказку расскажем, — предложил Паша Кашкин.

— Сказку, сказку, хочу сказку! — обрадовалась девочка.

И тогда наперебой, поправляя друг друга, мальчики рассказали ей все, что знали про Кузьку-озорника.

— А потом что с ним было?

— Что было потом, мы не знаем.

— Наверное, навсегда остался Кузька рыбой, — сказал Димка.

— Мне жалко Кузьку, — сказала Маруся.

— Почему же? — удивился Паша. — Он же плохой. Озорник.

— Все равно жалко...

Бабушка Варвара вдруг улыбнулась:

— Хотите, я расскажу вам, что было дальше?

— Хотим! — обрадованно и удивленно вскрикнули в один голос и невидимки и Маруся.

— Тогда слушайте...

ВТОРАЯ ЛЕГЕНДА О СТАРИКЕ ОЗОРНИКЕ

— Нет, ты отдал еще не все, — захихикал старик карлик. — Не все. У тебя остался еще твой длинный рост. Теперь он тебе не нужен. Какая разница, будешь ты большой рыбой или маленькой? А в обмен я сделаю тебя волшебником.

— Ну хорошо, — согласился Кузька. — Давай меняться.

И поплыли они в глубь озера. Долго плыли, нет ли, а только остановились у глубокого черного провала. Заглянул Кузька вниз, а там и дна не видно, — тьма кромешная.

— Ну, что, — говорит старичок, — ныряем, что ли?

А Кузька даже глаза зажмурил: страшно ему.

— Эх, ты! А еще озорничал, смелым считался. Тьфу! Знал бы, так и не связывался бы с тобой.

— Я-то, что ли, трус? — обиделся Кузька.

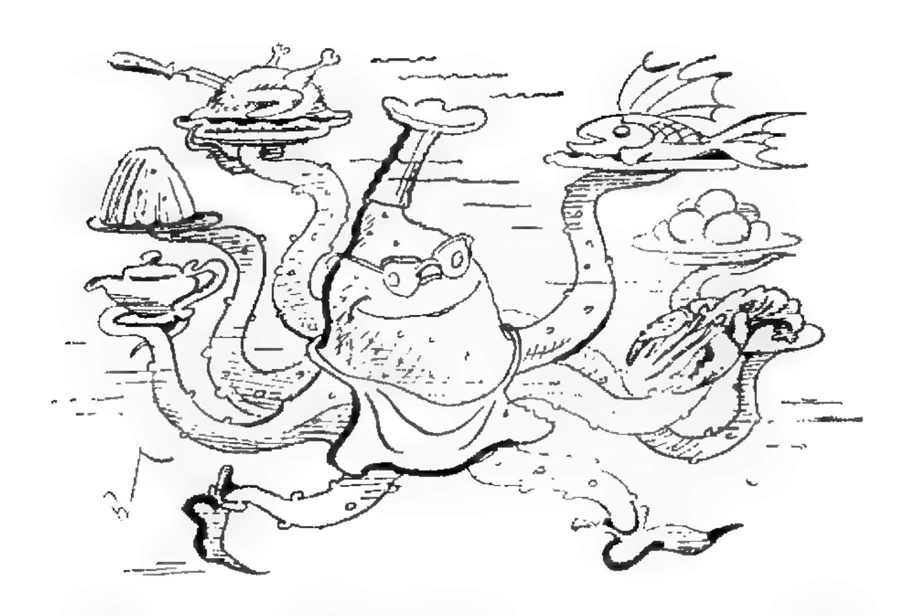
Добрался он до края пропасти да как бросится вниз головой. Сердце, конечно, в пятки, хоть и пяток у него нет — один хвост рыбий. И чувствует он, что опускается медленно, так, словно крылья его подпирают. И пока опускался, все думал про свою беду: как же это он теперь вернется в родные места? Как же снова стать парнем красивым да статным и повидать девушку, которой немало зла сделал? Теперь-то он уж точно знал, что нет ее краше на свете, что любит он ее больше жизни. Да ничего не вернуть.

И во второй раз закапали слезы из круглых Кузькиных глаз, да только никто не видел тех слез — кругом вода.

Долго так опускались старик да рыба. А тьма кругом — глаз выколи. Вдруг полоска света показалась — узенькая да ясная-ясная. Вот она все светлее. Горит, искрится прямо под ними скала, переливается вокруг нее подводная радуга.

Опустились пловцы наши на скалу, снял старичок черное кольцо с пальца и приложил к камню. Разошлась скала на две половины, ослепительный свет ударил Кузьке в глаза. Смахнул он слезы и видит: мраморная белоснежная лестница петлями опускается вниз по скале, золотые фигуры людей толпятся с двух сторон лестницы. Прикоснулся старичок к первой из них черным кольцом—ожили фигуры, задвигались. Идут вниз Кузька и старик, а каждый золотой человек отдает поклон им, пристраивается позади и тоже идет следом. Лестница закончилась, а внизу новая пропасть. Кузька даже вниз глянуть боится. Расходятся от лестницы волны—синие, красные, огненные, зеленые. Старичок прикоснулся кольцом к Кузьке — выросли у Кузьки руки-ноги. Стал он и сам похож на старика волшебника, только ростом высок. А волшебник уже ступил на первую волну, раскачался на ней, как на качелях, и перепрыгнул на следующую. И каждый раз, как ступал старик на новую волну, меняла цвет его одежда. Вся она теперь сверкала драгоценными камнями — и алым рубином, и прозрачным бриллиантом, и матовым жемчугом, и светлой бирюзой.

Подумал-подумал Кузька и решил: «Эх, была не была — двум смертям не бывать, а одной не миновать!» — и тоже ступил на первую волну. И оказался он во дворце невиданной красоты. Глядит, а навстречу ему уже идет старичок,

волшебник-то. Смотрит на него Кузька и узнать не может: стал старик молодым красавцем со злым лицом да сердитыми зелеными глазами.

— Ну, вот,—говорит,—дорогой Кузьма Озерович, мы и на месте. Проходи, гостем будешь. Я вовсе не такой уж злой, как ты думаешь. А только поменяться мне с тобой ростом просто необходимо.

Садятся они за стол, едят блюда невиданные, пьют вина непробованные. Рыбы им прислуживают, золотые фигуры песни поют. И чудится Кузьке веселый праздник в родном селе. Собрались за столом мужики, женщины надели лучшие платья. Только-только сняли урожай, и столы ломятся от пирогов, от жирного янтарного мяса, пьяной браги, пухлых калачей. Вот уж и гармонь завела свою песню. И девчата вышли в круг. А среди них лучшая самая —Васюта звать ее. Пляшет она, платочком шелковым обмахивается и манит, манит к себе Кузьку... Вот уж поистине: что имеем — не храним, потеряем — плачем...

И снова смахнул Кузька кулаком слезинку. Да только никто того не видел—вода кругом, вода.

А тут старик подходит к нему и спрашивает:

— Как, как тебе Васюта? Не правда ли, хороша? Вот по-

свататься хочу да забрать ее сюда, во дворец мой подводный. Разве не по красавице хоромы?

И понял Кузька, что лишается он самого последнего, что имел и что своими руками отдал: образ человеческий отдал, рост свой высокий отдает, молодость отдал, а вот теперь навсегда должен распрощаться с Васютой! Доозорничался!

— Да, хороша Васюта, — говорил между тем старик, — да только не знаю, как к ней с таким ростом подступиться. А вот буду я росту большого, тогда...

— Не будешь ты большого росту, не будешь! — сердито закричал Кузька, вскочив с места. — Не хочу я меняться, не отдам тебе Васюту!

Засмеялся волшебник:

— Разве не сам ты ее за косы к дереву привязывал? Разве не сам озорства ради любовью ее, добрым к тебе расположением помыкал?

Ударил старик сердито рукой по столу, а на руке-то черное кольцо. Гром покатился по озеру, завертелась в нем воронкой вода. Вода кружится все быстрее, воронка все глубже. Вот уж Кузька на дне воронки. Выпрямилась вода. Швырнула вверх незадачливого озорника. И рыбаки, в испуге собрав-

шиеся на берегу, увидели, как взлетела вверх над водой большая рыбина, перевернулась в воздухе и тяжело плюхнулась обратно в озеро.

— А дальше?

— Поздно уж, ребятки. Да вон и Марусенька заснула. В другой раз уж.

— Да, да, друзья. И вам пора спать.

Мальчики оглянулись. На стуле у самых дверей сидел Василий Михайлович. Он тоже слушал сказку — никто и не заметил, как он вошел.

— На боковую, братцы-кролики, на боковую. Нам завтра рано вставать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ,

в которой разговаривают деревья, машины ездят без шоферов и работает электронный лифт

Было еще темно, когда во дворе заурчали машины. Полусонные невидимки сбежали с лестницы — лейтенант Фомин ждал их в новенькой «Волге». Димке показалось, что Леня чем-то взволнован.

Выехав из Москвы, они свернули с асфальта и долго ехали по проселочной дороге, потом петляли по лесу и наконец остановились перед табличкой, на которой было написано:

СТОП!

— НАЗОВИТЕ ВАШИ ФАМИЛИИ, — раздался откуда-то сверху глуховатый громкий голос.

— Лейтенант Леонид Фомин, ученики Вадим Смирнов и Павел Кашкин,—быстро ответил Леня.

— ВСЕ ПРАВИЛЬНО, — сказал тот же голос. — ОСТАВЬТЕ МАШИНУ ЗДЕСЬ И ПРОЙДИТЕ ДО КОНЦА АСФАЛЬТОВОГО ТРОТУАРА.

— Хорошо.

Леня открыл дверцу, и вслед за ним мальчики вышли из машины. Не успели они ступить на тротуар, как машина дала сигнал и тронулась с места.

— В ней же никого нет! — удивленно воскликнул Паша.

Фомин с улыбкой посмотрел на ребят, недоуменно глядевших вслед «Волге», которая скрылась в соседней аллее.

— Здесь все может произойти,—сказал он,—даже такое, что и во сне не приснится.

Они дошли до конца тротуара. Здесь их снова остановил тот же голос:

— ВАМ ПРИДЕТСЯ НЕСКОЛЬКО МИНУТ ОБОЖДАТЬ.

— Ждем, — сказал Фомин.

— Интересно, кто это с нами разговаривает? — спросил Димка.

— Не знаю, ребята, может быть, какой-нибудь сотрудник института или, может быть, хорошо спрятанный часовой, охраняющий институт.

Раздалось легкое покашливание, которое, видимо, обозначало смех. И все тот же ровный, чуть глуховатый голос произнес:

— С ВАМИ РАЗГОВАРИВАЕТ АВТОМАТ-СЕКРЕТАРЬ СИМПАМПОН. К ВАШИМ УСЛУГАМ, ДРУЗЬЯ! ОБРАЩАЙТЕСЬ КО МНЕ ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ, ДЛЯ ЭТОГО, ГДЕ БЫ ВЫ НИ БЫЛИ НА ТЕРРИТОРИИ НАШЕГО ИНСТИТУТА, НУЖНО ПРОИЗНЕСТИ СЧЕТ: РАЗ, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ, ПЯТЬ, СИМПАМПОН! И Я ТОТЧАС ЖЕ ВКЛЮЧАЮСЬ НА ВАШ ГОЛОС. ЛЮБЫЕ БЫТОВЫЕ СПРАВКИ — ПОЖАЛУЙСТА. СПРАВКИ ОБ ИНСТИТУТЕ — НЕТ. САДИТЕСЬ!

В ту же минуту к тротуару подъехала небольшая тележка с четырьмя мягкими креслами — по два друг против друга. На ее лакированных боках сверкало солнце. Внешне тележка немного напоминала лодку с обрезанным носом и укороченной кормой.

— САДИТЕСЬ, — повторил Симпампон. Его голос теперь звучал из глубины необычного экипажа. — ТЕПЕРЬ ПРИВЯЖИТЕСЬ РЕМНЯМИ, ОНИ У КАЖДОГО ЗА СПИНОЙ.

Ремни — очень тонкие, но крепкие — действительно оказались за спиной. Друзья покрепче затянули пряжки. Раздался продолжительный звонок, тележка качнулась, проехала два-три метра и легко поднялась в воздух.

У невидимок замерли сердца. Потом мальчики стали смотреть по сторонам. Их экипаж, стремительно поднимаясь, летел над лесом к большому озеру.

— Как же мы летим без крыльев и без пропеллера?—изумился Паша.

— АНТИГРАВИТАЦИЯ.

— Извините, а что это такое? — спросил лейтенант Фомин.

— ИЗВИНЯЮ. ЭТО ОТСУТСТВИЕ ТЯЖЕСТИ. СИЛА ПРИТЯЖЕНИЯ ЗЕМЛИ НА ВАС ПЕРЕСТАЛА ДЕЙСТВОВАТЬ. ЕСЛИ БЫ ВЫ НЕ БЫЛИ ПРИВЯЗАНЫ — ВАС УНЕСЛО БЫ ЛЕГЧАЙШИМ ДУНОВЕНИЕМ ВЕТРА. ВЫ ВЕДЬ СЕЙЧАС НЕ ВЕСИТЕ НИЧЕГО!

— Этого еще не хватало! — горячо сказал Паша. — Мало нам, что мы невидимки, так мы еще ничего не весим!

Раздалось легкое покашливание. Симпампон смеялся.

В самом центре озера торчало несколько деревьев — они приткнулись на небольшом островке. Между ними белели стены восьмиугольной, ослепительно горящей на солнце башни.

Поравнявшись с островом, тележка замерла в воздухе и медленно пошла на снижение. Гости почувствовали вдруг, как исчезает в их теле необычная легкость, как тяжело прижимает их к спинам кресел воздух, который всегда казался невесомым, как тяжелеет голова, а руки кажутся многопудовыми — это вновь появилась тяжесть.

Они приземлились на крыше.

Плоская восьмиугольная металлическая площадка блестела, по краям полированной поверхности виднелись легкие барьеры из голубого и золотистого металла.

— БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ!

Восемь тонких полупрозрачных пластин тех же цветов, что и барьеры, окружавшие башню, постепенно расширяясь, поползли вверх и соединились в шатер. Стало темно. Послышалось ровное гудение.

— НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ РАССТЕГИВАЙТЕ РЕМНИ!

Димке вдруг показалось, что его нет. Он о чем-то думал, но мысль прервалась. Он что-то хотел сказать — и не мог. Он перестал видеть и слышать. ЕГО НЕ БЫЛО!

Димка открыл глаза — ни тележки, ни башни, ни озера. Он сидел в удобном белоснежном кресле. Рядом точно в таких же, словно слепленных из облаков креслах важно восседали Паша и Леня Фомин.

— Вот это да! — сказал Паша и засмеялся. — Димка, тебя ТОЖЕ НЕ БЫЛО?

— Ничего не поделаешь, друзья. — Из-за стола поднялся молодой человек, круглолицый, с очень светлыми волосами и удивительно черными мохнатыми бровями. — Ничего не поделаешь, защита. Электронный лифт — наша защита... Ну, давайте знакомиться, Верхомудров...

— Вы и есть самый главный профессор? — спросил Димка.

— Почему же самый главный? Обыкновенный профессор.

— А нам сказали, что вы волшебник, — сказал Паша.

— Волшебник и есть.

— А скажите, профессор,—Леня встал, и выяснилось, что рядом с высоченным профессором он, человек довольно высокий, кажется мальчишкой, — скажите, нас и в самом деле НЕ БЫЛО?

— Видите ли, вас НЕ БЫЛО, но в то же самое время вы БЫЛИ...

— Как же так?

— Электронный лифт, включившись, разложил каждого из вас на мельчайшие электрические частицы, пронес по проводам и МАТЕРИАЛИЗОВАЛ, то есть вернул вам ваш прежний облик, вот ЗДЕСЬ, у меня в кабинете. Понимаете теперь, почему в институте нет охраны: ведь сюда есть только один путь — через электронный лифт. И отсюда тоже.

— А если к вам попытается пробраться вражеский разведчик?

— Невозможно. Он просто станет ЭЛЕКТРОТОКОМ. — И уже совсем другим, добродушным тоном спросил:—Ну, рассказывайте, что с вами произошло?

В который раз пришлось Димке вспоминать о встрече с Зеленобородым и обо всем, что случилось после.

Профессор задумчиво покачивал головой, потом, совсем как доктор из детской больницы, достал из ящика стола трубку, выслушал по очереди каждого из невидимок, засунул в рот одному и другому чайную ложечку и потребовал:

— Скажи «а»...

— А-а-а-а...

— Так, так, так, так. Теперь скажи «бе»...

— Бе-е-е-е...

— Так, так, так. Совсем хорошо. Теперь затаи дыхание... Так, так... Теперь дыши... Так. Ну, что же вам сказать? Случай, конечно, трудный. Но ничего такого, что было бы недоступно науке, на свете не существует. А пока вам нужно немного перекусить и отдохнуть с дороги.

Он чуть измененным резким голосом произнес, ни к кому не обращаясь:

— Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Симпампон!

— ГОТОВ.

— Комната двести семьдесят три. Четыре прибора.

— КОМНАТА ДВЕСТИ СЕМЬДЕСЯТ ТРИ. ЧЕТЫРЕ ПРИБОРА, — повторил Симпампон.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой выясняется, из чего сделаны котлеты, и в которой многие знакомые встречаются вновь

Бесшумно открылась и закрылась дверь.

В комнате не было окон. Легкое сияние лилось с потолка, все было залито мягким, ровным светом — и стол, выдвинувшийся из стены, и красные пластмассовые стулья, и стены, украшенные голубоватыми пейзажами в тёмных — тоже пластмассовых — рамках.

— ЖДУ ВАШИХ ПРИКАЗАНИЙ.

Профессор Верхомудров улыбнулся: Симпампон был его детищем, и профессору нравилась несколько старомодная манера речи, на которую был настроен робот-секретарь.

— Ну-с, друзья, что мы будем есть?

— А можно пирожков? — попросил Паша.

— Конечно.

— А мне бы котлет,—мечтательно сказал Димка.

— И это можно. А вам, товарищ Фомин?

— Мне бы, — сказал Леня, — а мне бы... Впрочем, я ведь не знаю, что у вас здесь есть в столовой, а чего нет...

Профессор теперь уже не улыбался, а громко хохотал. Симпампон тоже игриво покашливал.

— Смелее, смелее! — сказал профессор.

— Ну, тогда мне бы тарелочку борща.

— Симпампон! Вы слышали?

— СЛЫШАЛ. ИСПОЛНЯЮ.

Все было удивительно вкусным, особенно пирожки. Паше казалось, что еще никогда он не едал ничего подобного.

— Теперь скажите, — спросил профессор, — что вы сейчас едите?

— Как — что? — удивился Димка. — Котлету, и очень вкусную.

— Правильно. А из чего, по-вашему, сделана эта котлета?

— Конечно же, из мяса, — сказал Леня Фомин.

— А вот и нет.—Лицо Николая Тимофеевича—так звали Верхомудрова — стало таинственным, он даже понизил до шепота голос. — А вот и нет, не угадали!

— Из чего же тогда?—Димка даже перестал жевать котлету, пытаясь разгадать секрет.

— Ни за что не угадаете.

— Из рыбы, наверное, — на всякий случай сказал Павлик.

— ХА! — сказал Симпампон. — ХА! ИЗ РЫБЫ! ХА!

— Нет, — возразил Леня Фомин. — На рыбу не похоже. Видимо, из курицы.

— Так и быть, скажу, — сжалился профессор. — Из воздуха.

— Из воздуха?! — вскричали все трое. И было в этом возгласе и удивление, и недоверие, и восхищение.

— Да, — подтвердил профессор, — из воздуха. Химическим путем.

Верхомудров встал.

— Извините, я должен уйти. Много дел. Нам с вами предстоит вечером трудная работа. А днем вас должны обследовать специалисты из «Лаборатории невидимости» и «Лаборатории СИЧ». Мне надо приготовиться, а вам — поспать. Совсем неплохо, а?

— Не хочется, честное слово. Мы не устали, — заговорили мальчики.

Но профессор сказал серьезно:

— Сейчас захотите.

Он нажал одну из кнопок на стене. Растаяли пластмассовый стол и стулья. Комната опустела. Потом появились три белоснежные постели. Погас свет, стало чуть прохладно. И когда наши друзья взглянули вверх, там висело синее, усыпанное чуть мерцающими крупными звездами небо.

— Вы проснетесь через три часа, — сказал профессор и вышел.

А наши друзья почувствовали вдруг, что им смертельно хочется спать.

...Ровно через три часа в комнате раздался приятный, мелодичный звон. Запели птицы. Мальчики открыли глаза — над ними висело залитое солнцем легкое утреннее небо. И соцветия облаков плыли медленно-медленно. И щелкал соловей, которого ребята никогда не слышали. Ведь в Сибири, к сожалению, пока еще нет соловьев.

— Вставайте, дружочки, — заволновался Леня Фомин. — Вставайте, начинается самое главное.

И только он это сказал, как знакомый голос прозвучал откуда-то с неба:

— ДРУЖОЧКИ! ДРУЖОЧКИЧКИ! ДРУЖБА... ДРУГ...

ДРУЗЬЯ... ДРУЖОЧКИ... КРУЖОЧКИ... ПОНЯЛ. ДРУЖОЧКИ—МАЛЕНЬКИЕ ДРУЗЬЯ! ТОВАРИЩ ФОМИН И ДРУЖОЧКИ, ВАС ЖДУТ В «ЛАБОРАТОРИИ НЕВИДИМОСТИ». ПРОФЕССОР КАЛАМБУРОВ. КАБИНЕТ СТО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ. ВЫЙДЕТЕ В КОРИДОР, НАЛЕВО ВОСЕМНАДЦАТАЯ ДВЕРЬ. ПОКА.

— Законно! — воскликнул Паша.

— СОВЕРШЕННО ЗАКОННО, — сказал Симпампон.

Когда раскрылась черная, из шлифованного камня дверь, друзья ахнули: в комнате, обставленной странными аппаратами и приборами, их ждал молодой человек в сером пальто. Да-да, тот самый, который на глазах всей честной публики исчез и снова появился во время суда над Петуховой.

— Не удивляйтесь, — сказал он и по очереди протянул каждому свою худощавую тонкую руку. — Профессор Каламбуров.

Гости назвали себя.

— Вас ждет еще один сюрприз,—торжественно произнес Каламбуров.

И тогда из-за ширмы вышел... пионервожатый Сеня — «Всадник без головы». Мальчикам он казался совершенно нормальным—они ведь видели его голову, а Леня, вытирая вспотевший лоб, сел на стул, вовремя подставленный Каламбуровым. К невидимкам он как-то привык, но к такому...

— Ну, беглецы, — сказал Сеня, — вот мы и встретились.

— Итак, — потер руки Каламбуров, — сейчас мы вас увидим! Будете вы уже не невидимками, а увидимки... Выпейте-ка по глоточку этой вот бесцветной и безвкусной жидкости.

«Безвкусная жидкость» обожгла рот и малюсеньким шариком прокатилась куда-то вниз.

И Леня Фомин увидел мальчиков. Сперва стали проступать их легкие контуры, они становились полупрозрачными, потом приобрели объем. И вот уже оба наших героя стали обыкновенными мальчишками, такими, как были всегда.

— Уррррра!—закричал Павел, взглянул на Димку — и осекся.

Да, они стали видимыми, но... совершенно зелеными. У них были зеленые уши и зеленые глаза, у них были зеленые руки и зеленые зубы, у них были зеленые щеки и зеленые волосы.

— Онтянопен! — упавшим голосом сказал Каламбуров. — Онтянопен! Тут отч от ен кат!

Волнуясь, он всегда произносил слова наоборот.

— Еогурд отчен меуборпоп!

Он налил в пробирки розовой жидкости, добавил туда воды, бросил в каждую по маленькому серебристому шарику. Шарик, достигнув дна пробирки, вспыхивал, и по комнате разносился запах дыма.

Снова выпили по маленькому глотку. И стали невидимками. А потом снова превращались в «увидимок» зеленого цвета. Как ни менял препараты Каламбуров, ничего не помогало.

Наконец он устало прошептал:

— Есв! Ястеачулоп ен! Выбирайте — или вы останетесь невидимками, или будете — тоже пока — зелеными.

— Будем зелеными! — в один голос закричали мальчики.

— Быть по сему!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ,

проведенная зелеными пациентами в «Лаборатории СИЧ». В ней же рассказывается третья легенда о старике озорнике

Вечером Димка написал песенку. Спел ее Павлику и Лене. А к утру ее распевал уже весь сверхнаучный институт. Даже робот-секретарь Симпампон. После каждого куплета он покряхтывал — смеялся.

А песенка была такая:

Мы не липы, мы не клены,
Не деревья из тайги —
Ты зеленый, я зеленый.
Вот какие пироги!

Нас узнают еле-еле,
Станут лица так строги:
—Что же вы позеленели? —
Вот какие пироги!

Что сказать и что ответить?
Перевернуты мозги:
—Зелены, поскольку — дети. —
Вот какие пироги!

Мы гуляем по аллеям, —
Лес зеленый, помоги!
Поживем, авось дозреем.
Вот какие пироги!

Заведующий «Лабораторией СИЧ», напевая эту песенку, заглянул в комнату мальчиков.

— Мммм!... — повторял он мелодию.—«Ты зеленый, я зеленый...» Мммм... А вас уже ждут... Мммм... «Вот какие пироги!...» Мммм... Да, один очень знакомый вам человек... Мммм... «Поживем, авось дозреем...» Так что пошли...

В лаборатории их встретил профессор Верхомудров.

- Проходите, — сказал он. — Тут вас очень хотел видеть мой отец.

— Он ученый? — спросил Паша.

— Он даже поважнее ученого... Он...

— Дедушка! Дедушка Тимофей Митрофанович — закричал Димка. — Так вот это кто!

— Ой, какие вы зеленые... Интересно-интересно... Кто же из вас кто? А?

— А вы угадайте! — сказал Паша.

— Присмотритесь внимательно, и все ясно станет. Я лично сразу узнал, — засмеялся Леня

— Постой, проверим... Значит, так: глаза серые есть? Нету. Все, это самое, зелено. Нос прямой, над верхней губой родинка есть? Есть. Стало быть вот ты — Димка.

— Верно, я.

— Ну, здравствуй, Димка. А ты, стало быть, Павлик?

— Ага!

— Ну, здорово, Павлик. Как-то ты вроде подрос...

Разговору не было бы конца, если бы не заведующий лабораторией.

— Пора начинать... Мммм... — напомнил он.

— Да, пора! — взглянул на часы профессор Верхомудров.

— Вы уже знаете, что лаборатория наша занимается проверкой всевозможных сказочных чудес. Поэтому она и называется «Лаборатория СИЧ», то есть «Лаборатория сказок и чудес». Нам известно, что мальчики стали невидимками с помощью волшебной галоши. Мы перебрали все сказочные сюжеты о галошах, но галоши, превращающей людей в невидимок, в нашей картотеке не оказалось. Есть «галоша счастья» Ганса-Христиана Андерсена, числящаяся у нас под номером двадцать миллионов сто сорок три, есть волшебная галоша, в которой плавают герои многочисленных лесных сказок, есть, наконец, галоша, в которую подчас садятся те или иные персонажи. Но, повторяю, галоши, о которой рассказывает пациент Смирнов, — нет. Это, видимо, неизвестная нам, а значит, непроверенная сказка.

— Может быть, все-таки старик озорник и есть Зеленобородый волшебник? — спросил Сеня. — Ребята ведь рассказали вам все, что они слышали о Кузьке.

— Возможно, возможно. Но мы ведь не знаем конца легенды. Ммм... «Зелены, поскольку—дети». Ммм... Вот привязалась эта песенка... Ммм... «Перевернуты мозги...» Мы специально и пригласили Тимофея Митрофановича, чтобы услышать, что было дальше... Ммм... «Вот какие пироги...» И проверить... Ммм...

— Ну что ж, доскажу...

— Только нам бабушка Варвара маленько уже рассказала.

— Это докудова?

— Как старик у Кузьки Васюту захотел отобрать...

— А! Ну, ну. Так вот, значит как дело-то было...

ТРЕТЬЯ ЛЕГЕНДА О СТАРИКЕ ОЗОРНИКЕ

Много ли, мало ли времени прошло — кто его считал? А только плыл как-то Кузька по озеру, печальный такой, невеселый. И видит: колечко сверкает меж камней. Подплыл ближе, а кольцо-то огнем переливается. Взял Кузька кольцо, попробовал примерить. Едва надел он кольцо на плавник — как разыгралась буря на озере, заходила вода волнами чуть не до неба, хлопнула Кузьку о какой-то камень. Зажмурил он глаза от страху: «Ну,—думает,—пропал!» Ан нет. Ничего с ним не делается. Открыл глаза — понять не может, куда попал. Сидит Кузька снова в том дворце, где с волшебником пировал. А перед ним на столе кольцо лежит, которое он в озере-то нашел.

Глядит на него волшебник злыми глазами и говорит:

— Ну что? Сам пришел?

— И чего ты ко мне привязался? — отвечает Кузька. — Не хотел я вовсе приходить сюда. Вот кольцо надел, и началась кутерьма.

— А зря ты, Кузька, отказался меняться. Васюту ты никогда не увидишь. Ведь рыба ты. Рыба, и больше ничего. Подцепит тебя какой-никакой рыбак в сеть и — попал в уху. А я тебя сделаю волшебником. Только согласись.

— Мало мне от того радости, — грустно сказал Кузька. — Кабы помогло это Васюту повидать на прощание — все отдал бы. И то, что есть, и то даже, чего нет.

— Хорошо! — хлопнул в ладони волшебник. — Сегодня вечером ты увидишь Васюту!

— Тогда и меняться будем. Только мне бы до вечера отдохнуть малость, устал я, по воде плаваючи.

Волшебник повел его в комнату, уложил в постель. Радуется сам, что Кузьку уговорить удалось. Кузька-то чуть не плачет. А только больше жизни дорогá ему Васюта, и как спасти ее от волшебника, он не знает. Притворился он спящим, а как увидел, что, кроме него, в комнате никого уж нет, достал потихоньку кольцо, то, что в озере-то нашел, и написал на нем слова тайные.

Пришел вечер. И поплыли вдвоем волшебник и Кузька к берегу. Часа два, почитай, добирались и вынырнули как раз против Васютиного дома. Подкрались тихонько к окошку. Видят: сидит Васюта у стола, слезами горькими заливается. Мать ее успокаивает:

— Что ты, — говорит, — доченька, по ему, шалопутному, убиваешься? Озорник ведь, чистый озорник был.

— Как же не убиваться мне, коли я его погубила. Ведь от любви озоровал он, от молодости, от силушки, которую девать некуда было. Поняла я, да поздно. Нету мне без него жизни. Утопиться впору.

— Ишь чего задумала! — в испуге замахала руками мать. — И мыслить про это не смей, из головы-то выкинь. Мало ли парней на деревне, найдется и тебе пара, да еще получше Кузьки-то твоего.

А Кузька стоит под окном, и сердце его кровью обливается. Чуть не плачет. А сам на волшебника косится. Поднял Кузька камень да и швырнул его потихонечку в старика. Тот оглянулся назад, а Кузьке только этого и надо. Бросил он в тот же миг колечко в форточку.

— Ай, маменька никак что упало! — вскрикнула Васюта.

— Показалось!

— Нет, я все же посмотрю. — И Васюта подошла к окну.

— Увидят нас, — испугался Кузька. — Пойдем отсюда.

Ну, волшебник-то и рад. Побежали они к озеру да и нырнули в глубину.

Выглянула Васюта в окно — никого. А вроде кто-то разговаривал. Вышла на улицу — тихо.

Прошло много времени, легли они с матерью спать. А девушке все не спится. Ворочается она с боку на бок, грустные думы думает. Вдруг замечает, светится что-то на полу возле окна. Встала Васюта, подошла и видит: лежит на полу перстень

цвета морской волны. Играет, переливается. Подняла его девушка, смотрит, а на перстне три слова нацарапаны, хоть и не совсем ясно, а прочесть можно: «ЖДИ МЕНЯ, КУЗЬКА».

— Жив! Жив мой Кузьма — закричала Васюта и упала без памяти.

В ту ночь на дне озера обменялись ростом волшебник и Кузька.

— Раз уж ты такой добрый, — сказал волшебник, — я тебя тоже волшебником сделаю. Не таким, как я, чином пониже, а все же чудеса производить сможешь.

— И на том спасибо.

— Чтобы стать волшебником, тебе придется прочитать вот эти одиннадцать книг. Узнаешь все премудрости. А двенадцатую книгу, черную с золотым обрезом, — видишь? — ее трогать нельзя: навек останешься рыбой.

— Так разве не навек?

— Нет, конечно.

И рассказал старик Кузьке, что может того спасти, да только мало чем обрадовал.

— Не дождаться мне такого, — загрустил озорник.

— Кто знает, может и случиться. Чего на свете не бывает...

Засел Кузька за волшебные книги. Одну прочитал — месяц прошел, другую — второй месяц. И так миновал почти год.

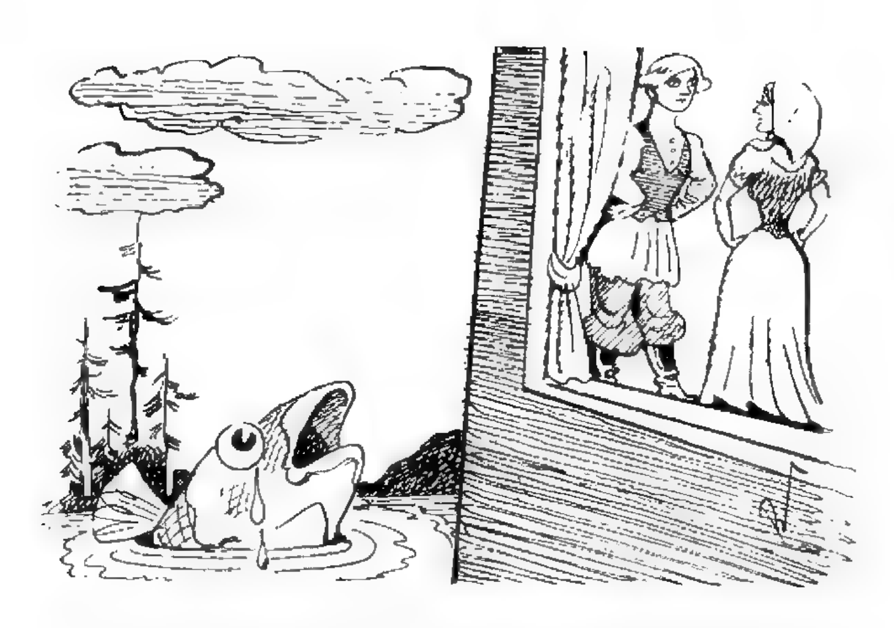
А волшебник тем временем все к Васюте сватается. Уж таким красавцем ей представляется, что и не сказать. И щедрые подарки приносит, и в глаза заглядывает, а она и слушать его не желает: все дружка своего пропавшего ждет. И решил тогда волшебник обмануть девушку—принять Кузькин облик.

А озорник изучил одиннадцать книг да и позабыл о наказе волшебника, принялся за двенадцатую—черную с золотым обрезом.

Открыл он книгу, да и оторопел. Открылись ему все замыслы хозяина дворца. Узнал он, что хочет тот свататься, Кузьмой прикинуться, девушку обмануть.

«Что делать? — думает Кузьма. — Как выручить Васюту, а негодяя этого наказать?»

Листает он, листает книгу. Дошел до двенадцатой страницы, хочет перевернуть ее—ан ничего не получается. Пригляделся Кузька к странице. Видит, на черной бумаге золотыми буквами написано:

А ЕСЛИ ЗАХОЧЕТ КТО ХОЗЯИНА ОЗЕРА ЛИШИТЬ ВОЛШЕБНОЙ СИЛЫ, ПУСТЬ СНИМЕТ С ЕГО ПРАВОЙ РУКИ ПЕРСТЕНЬ.

Захлопнул Кузька книгу, выплыл из каморки. Поджидает хозяина. А того все нет и нет.

Поплыл Кузька к Васютиному дому. Видит сквозь окошко: стоит радостная Васюта, а перед нею он — Кузька. Молодой такой, да статный, да красивый. «Пропала, судьба моя, пропала ягодиночка!»— подумал так, и слезы на глаза навернулись. А Васюта как раз взглянула в окно, страшно удивилась: заглядывает в дом рыба, а из круглых ее глаз — слезы текут.

«Что-то здесь неладно, — подумала девушка. — Дай-ка попытаю я своего женишка».

— Скажи, — говорит, — дорогой Кузьма, как это удалось тебе весточку мне послать из далека далекого?

— Какую такую весточку? — спрашивает жених.

— Нешто не помнишь? На колечке алого цвету.

— Ах, эту, которая на колечке? Как же, как же! Помню, как сейчас помню... Это ты, должно быть запамятовала. А я-то помню...

Васюта чуть не попалась на хитрость, чуть не вскрикнула было, что она помнит все три слова радостных. Да спохватилась. И говорит:

— И впрямь запамятовала. А слова хорошие были. Напомни, милый.

Сказала так и обмерла: позеленел гость, глаза стали злющими-презлющими. И поняла Васюта, кто перед ней.

— Нет — сказала она. — Нет! Теперь ты меня не обманешь. Ступай-ка подобру-поздорову, пока я мужиков деревенских не позвала.

А Кузька уже в подводном дворце сидит, ждет хозяина. Ну, тот долго ждать себя не заставил.

— Ну как дела, Кузька? — спрашивает. — Одолел хоть одну книгу?

— Да что дела́? Вот прочитал одиннадцать книг. Научился кое-чему. Попрощаться с тобой хочу. Уплыву куда глаза глядят. Али, может, мне задержаться малость, прочесть еще и двенадцатую?

— Что ты, что ты! — вскричал в испуге хозяин. — И думать даже не смей! Можешь таких бед наделать, что потом и не исправишь.

— Это уж точно. Так что же, отпразднуем расставанье-то?

— Отчего же нет.

— Только мне подводные твои вина все же не по душе. Вот у нас в деревне вино делают так вино! Выпьешь шкалик, словно у печки погрелся.

— Не пробовал я такого,—говорит хозяин.

— Так за чем дело стало? Я мигом слетаю.

— Э! Нет! Хитришь ты чегой-то. По глазам вижу, хитришь. Лучше уж я сам.

Запер хозяин на тайные замки волшебные книги, сплавал за вином; не преминул, конечно, и к Васюте заглянуть, да все безрезультатно.

— Ну ладно, — сказал он девушке. — Испытывал я тебя, красавица, верность твою проверял. Вижу, верна ты Кузьке. Жди его завтра.

— Уж как жду! Как жду! — ответила Васюта. — Только его, а не тебя.

Безрадостный вернулся он во дворец: неужто и завтра не удастся обмануть ее?

Сели за стол. Кузька наливает по полному стакану. Сам только делает вид, что пьет, а на самом-то деле вино выливает. А хозяину земное вино пришлось по душе. Пьет он и пьет. А

Кузька все подливает да подливает. Опьянел волшебник да и свалился под стол. А Кузька подождал, пока он захрапит, и снял с его правой руки черный перстень.

Через некоторое время проснулся волшебник. Пьян еще свыше мер. Смеется над Кузькой.

— Эх ты! — говорит. — Чудак. Потерял ты свою Васюту. Завтра станет она моей женой.

— Да уж знаю, что ты решил прикинуться другим, мой образ принять хочешь.

— Откуда знаешь? — С волшебника мигом слетел хмель.

Взглянул он на руку, а на ней нет колдовского перстня.

— Отдай перстень! Слышишь, отдай!

— Дудки!

— Отдай! Превращу тебя в человека! Все верну тебе, Васюту не трону. Отдай, прощу!

— Ну, нет. Хотел ты превратиться в Кузьку, а превратишься в рыбу!

Стукнул Кузька по столу перстнем. Замахал руками волшебник, закричал, забился и стал большим черным тайменем. Прошли по дворцу волны, закружилась вода. Завертела Кузьку. Зажал он в кулаке перстень, зажмурил глаза. А когда открыл их — исчез и подводный дворец с золотыми фигурами, и лестница белоснежная. Словно ничего и не было на дне озера. Только бьет хвостом по воде черный таймень да гоняется за неведомо откуда появившимися золотыми рыбками.

С тех пор и поселились в озере два тайменя. Один зеленый — Кузька, другой черный — бывший волшебник. Один любит поозоровать — подбросить рыбакам вместо улова какую-нибудь чепуху. А второй, сердитый, обгрызает крючки, рвет сети: боится в уху попасть.

Вот вам и весь сказ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ,

в которой разговаривают рыбы и оживают сказки и в которой выясняется, что на плечах у Сени не голова, а целая академия

– Мммм, — сказал начальник «Лаборатории СИЧ». — «Мы не липы, мы не клены..» Мммм... У сказки нет конца!... Мммм...

— Видать, она не кончилась, значит,—покачал головой Тимофей Митрофанович.

— Стало быть, — сказал Сеня, — нужно искать.

— Мммм.., Мудро!

Заведующий нажал кнопку, погас свет, и загорелись на стенах пестрые таблицы — различных цветов, с яркими рисунками.

Он притронулся к рычажку, спрятанному в рамке одной из таких таблиц — на ней была нарисована рыба, — таблица исчезла, и появился большой светлый экран. И тут все присутствующие услышали легкий запах йода, неспокойный и влажный ветер ударил в лица, послышался шум прибоя.

Бушевало море До горизонта простиралась его взбудораженная синева. Молнии вздрагивали и падали в темную глубину, и было слышно, как они шипят, угасая.

Но вот чуть улеглось волнение, и появилась в волнах золотая рыбка. Появилась и спросила:

— Чего тебе надобно, старче?

— Мммм...— сказал заведующий.— Это я-то старче?.. Мммм?

— И вообще говорите со мной стихами,— потребовала рыбка.

И заведующий заговорил:

— Ммм... Смилуйся, государыня рыбка,
Выручай, если можешь, конечно.
Жил на свете парнишка Кузька,
Озорник, баловник и задира,
Был наказан он стариками:
Брошен в море, непослушный.
И с тех пор он сделался рыбой,
Пучеглазым зеленым тайменем... Мммм....
— Чего тебе надобно, старче?
— Ммм... Чтобы ты разыскала Кузьку,
Помогла нам найти тайменя.
— Не печалься, ступай себе с богом, —

сказала рыбка и исчезла.

А рядом с креслом, в котором сидел заведующий, появилось новое корыто.

— Вот так штука! — закричал Димка. — Корыто вместо тайменя!

— Ммм... — улыбнулся заведующий. — Ничего не сделаешь. Уж очень точно запрограммировано... Мммм... Попробуем еще.

Он снова нажал рычажок.

Море успокоилось. Какое-то огромное черное пятно появилось на экране. Оно стало четким, вырисовалось на фоне синих волн гигантское чудовище — чудо-юдо рыба-кит.

— Ох и чудовище! — с восторгом сказал Паша.

— Из «Конька-горбунка», — сказал Леня Фомин.

— Мммм... — сказал заведующий. — Мммм... Как вы угадали?..

— За далекими лесами,
Под пустыми небесами,
На воде, не на земле,
Я давно лежу во мгле.
Мой покой никто не будит...
Кто вы, люди? Где вы, люди?
Где Иванушка, мой свет?
— Мммм... Здесь его в помине нет.
Ты ведь плаваешь не в ванне,
А в Великом океане,
Не встречал ли там, средь тьмы,
Ты волшебника, Кузьмы?

— Послушайте, что вы задаете мне вопросы не по правилу? — сказал кит. — Не хочу больше с вами играть. Уходите из моей сказки.

— Дела! — почесал за ухом Тимофей Митрофанович.

— Да, — сказал Сеня. — Все-таки ограниченные люди — эти герои сказок.

— Ммм... Мудро! — сказал заведующий. — Ну-с, еще одна попытка... «Вот какие пироги!..» Ммм...

Он снова нажал рычаг. От экрана повеяло холодом. Мелкая поземка мельтешила перед глазами; через минуту возле каждого стула белели высокие, курящиеся снежной дымкой сугробы. Теперь перед глазами стыла под ледяным одеялом река, и только прорубь парила и дышала, не желая поддаваться стуже.

И вдруг из проруби выскочила щука.

— По вашему хотению, по моему велению я уже здесь. Ой, вы знаете, этот карась решил жениться на белорыбице. Ну и дурак! Она же совсем не хозяйка. Постирать и то не может, а уж чтобы зажарить на завтрак червяка — ни боже мой! Ах, эти молодые люди! О чем они только думают!

— Мммм... Извините, нам бы хотелось узнать...

— Послушайте, молодой человек, неприлично перебивать старших. Просто не дают развернуться... Ну и ну!..

— Ммм... Видите ли, нам хотелось бы узнать: не знакомы ли вы лично или, так сказать... мммм... через кого-нибудь с волшебником Кузькой — зеленым тайменем?

— Кузька? Емелю знаю, Кузьку — нет. Так вот, я и говорю карасю: ну, зачем тебе белорыбица?..

Заведующий щелкнул выключателем. Экран погас.

Можно было подумать, что все это сон, если бы не лужи, которые остались у каждого кресла от только что растаявших сугробов.

— Может быть, попробуем, — несмело сказал Сеня, — поискать в другой области?

— Мммм... то есть?

— В сказках о невидимках?

— Ммм... Мудро! Да у вас не голова — академия... Мммм... «Вырастем — созреем...» Ох, эта песенка...

Чего только не перепробовали! И волшебное питье, и шапку Черномора, и чародейский платок — все зря. Надели и шапку-невидимку — и снова стали невидимыми. Правда, когда сняли ее, они уже не были зелеными. Вернее, были, но наполовину — вторая половина стала синей. Но на это уж никто не обратил внимания — так все устали.

Именно тогда Сене пришла самая правильная идея: с помощью «Локатора СИЧ» поискать Кузьку в озерах Сибири.

И начались поиски. Установили дежурство. Через каждые два часа сменяли друг друга у локатора.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ,

более грустная, чем веселая

— Он! Он! — закричал Димка не своим голосом.

— Ммм... Где?

— Видите, видите, таймень зеленый в глубину уходит? Кузя! Кузя! Кузьма Озерыч, что же вы от нас прячетесь? Не бойтесь!... Мы вам ничего плохого не сделаем!..

— Это я-то боюсь? — Таймень повернул к экрану голову, Паша Кашкин сразу узнал привидение, которое он видел на озере. — Это я-то боюсь? Не на таковского напали.

— Кузьма Озерыч! — сказал заведующий «Лабораторией СИЧ». — С помощью вашей галоши... ммм... эти мальчики стали невидимыми. Только вы знаете секрет, как им вернуть прежний облик.

— Знаю, да только секрет-то теперь бесполезен.

— Почему? — спросил Сеня.

— Потому, что может стать видимым только Вадим Смирнов — тот, кому я подарил галошу. А остальные... Вадим должен сказать те же слова:

Ахалай-махалай,
Крони-брони-чепухай,
Эки-веки-чебурек...

и только в конце — иначе:

Стань обычным, человек!

Но дело в том, что когда я дарил галошу мальчику, который так много для меня сделал, я думал, что он ОДИН станет невидимкой. А он сделал невидимыми ТРИДЦАТЬ ТРИ ЧЕЛОВЕКА. Теперь галоша перестала действовать. Он может стать видимым один... Один...

— А чем мы вам можем помочь? — спросил Паша.

— Вы и можете и не можете... Мне нельзя объяснить вам это: иначе я навсегда останусь рыбой. Скажу вам еще загадку, может, пригодится она вам. НЕ ВИДЕН ПАЛЕЦ, ДА ВИДЕН КУЛАК!..

И уплыл Кузька в темную глубину.

— А ведь он нам подсказал выход,—сказал Леня Фомин. — Только какой?

— Мммм... Пожалуй, вы правы... Поищем в отгадках... Ммм... Нет, ничего нет.

— Мне кажется, — несмело сказал Сеня, — что он посоветовал нам собрать всех невидимок вместе. Один — палец, все — кулак.

— Верно, — обрадовался заведующий. — ОДИН — ПАЛЕЦ, ВСЕ — КУЛАК!

И хотя на экране была видна гладкая, как стекло, поверхность горного озера, а Кузька был далеко-далеко, показалось Димке, что, спрятавшись под водой, хитро улыбается зеленый таймень.

Каждый день с аэропорта Домодедово вылетают самолеты: простые, тридцати-сорокаместные, огромные, звонкогудящие реактивные. Здесь начинаются пути, связывающие столицу с самыми дальними уголками страны и земного шара.

Сегодня среди пассажиров, стремящихся на восток, среди провожающих можно было встретить и многих наших знакомых. Был здесь и полковник Логинов с женой и маленькой дочкой. Был и лейтенант Фомин, и милиционер Степан Аванесов со своей невестой — сестрой Алены-Малены; профессор Верхомудров, и заведующие лабораториями, и даже Степан Петухов с мамашей своей, продавщицей пирожков.

Вокруг странно раскрашенных мальчиков толпились любопытные, и Димка тотчас же вспомнил, что уже слышал когда-то те же самые слова:

— Гляди-ка, какую рекламу придумал цирк!

И вот в репродукторе раздался звонкий девичий голос. Он категорически предлагал пассажирам, вылетающим в город Прибайкальск, занять места в самолете.

Мальчики заторопились. Им было и весело и грустно. Весело потому, что через семь часов они будут дома; грустно потому, что приходилось расставаться с людьми, которых мальчики успели полюбить всей душой. Подумать только! Семь часов, и все трое — Димка, Паша и вожатый Сеня — будут пожимать руки друзьям, говорить с Анатолием Петровичем, но раньше всего — увидят родителей.

Бабушка Варвара всплакнула и посоветовала не открывать форточку, Леня просил писать, а Степка Петухов протянул друзьям на прощание большой пакет. Мальчики разверну-

ли его уже в самолете: там лежали удивительного вкуса домашние пирожки.

Вихрь вырвался из камер сгорания, оторвал самолет от земли и бросил в синее, на редкость для Москвы безоблачное небо.

— Ну вот, — хлопнул Леню по плечу Василий Михайлович.—А ты говорил «фантастический роман». Видишь, все оказалось значительно проще.

Леня молчал. Ему было грустно.

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ,

которая обычно служит эпилогом и в которой волшебник перестает быть волшебником

Их встречала вся школа.

А когда они пошли с вокзала, весь город высыпал из домов, остановились автомашины и трамваи, опустели магазины. Еще бы! Такого зрелища никто никогда не видывал: впереди, рядом с учителями шагал молодой человек, видимо, вожатый, потому что над плечами у него не видно было головы, потом шагали два паренька, раскрашенные, словно клоуны из цирка: половина лица синяя, половина — зеленая. Потом шли невидимки — о них знал весь город, поэтому им кричали «ура», хотя увидеть не могли. Просто над улицей летело звонкое и торжественное: тра-та-та-та-та! Тра-та-та-та-та!

Они пришли в сто семнадцатую школу, вошли в свой пятый класс. У Димки и Паши просто сердце защемило, когда увидели они и ребят, и родителей, и учителей.

Вера Сокольникова открыла заседание штаба невидимок. Наши друзья рассказали о своих московских приключениях, об институте профессора Верхомудрова, о разговоре с Кузькой.

— Ребята! — сказала Вера. — Ребята! У одного из нас, у Димки Смирнова, есть возможность снова стать видимкой. Он единственный, кто связан с волшебником Кузькой, поэтому, став видимым, он сможет нам помочь. Об этом сказал Сене и мальчишкам на прощание профессор Верхомудров. Он расшифровал разговор с Кузькой и сказал Димке, что многое зависит от его решения. Больше он ничего сказать ему не мог, потому что иначе мы НИКОГДА не станем видимыми. Он смог бы сделать нас только зелеными, как вот Димка и Павлик сейчас.

— Давай, Димка! Становись видимым...
— Ребята! Мне...
— Ладно, ладно! Не рассуждай. Чего там!
— Ну хорошо...

Ахалай-махалай,
Крони-брони-чепухай!
Эки-веки-чебурек —
Стань обычным, человек!

— Ребята! Ребята! — закричала вдруг Вера Сокольникова. — Куда же вы пропали?! Я вас НЕ ВИЖУ! Ребята!

— Зато я тебя вижу, — сказал Анатолий Петрович. — Ты уже становишься видимой...

— Ой, как здорово, ребята!.. Постойте! А как же Димка?

— А я остаюсь со всеми. Я не могу быть видимым и не хочу, пока хоть один человек в классе остается невидимкой... Ведь это все произошло по моей вине. Значит, мне... Ну, в общем, если бы я воспользовался единственной возможностью стать видимым только для себя — какой же я тогда пионер? А Вера — она молодец... Ну вот...

И тогда над партами стали сгущаться легкие облачка. Вот они все плотнее и плотнее. А еще через минуту сидели в классе тридцать три ученика, стоял вожатый, на плечах у которого появилась голова, снова «выросли» усы у Анатолия Петровича. И только Гипотенуза Сергеевна удивленно вскрикнула и... упала в обморок.

...Отец Павлика Петр Николаевич Кашкин выполнил свое обещание. В воскресенье друзья отправились на Байкал.

Под вечер остановились в небольшой — дворов на пятьдесят — деревушке. Ночевать в деревне не стали, отъехали чуток в сторону — к рыбацкому стану и подошли к костру.

Рыбаки ушли уже в море, и только две женщины подбрасывали дрова в костер. В большом закопченном котле варилась уха.

Одна из женщин была совсем старой. Темное обветренное лицо ее изрезали морщины, руки, немало переделавшие на своем веку, тряслись.

— Эй, Васюта! — говорила она той, что помоложе. — Ты бы гостей хоть омульком угостила. Чай, из города, стало быть, давно настоящего не пробовали. Омуль что, — обратилась она к Петру Никаноровичу, — омуль, он — рыба нежная. Пока до-

везешь куда али так полдня пролежал — уж и вкус другой. Нет, кто на Байкале не побывал, тот настоящего омуля не едал.

Та, кого старуха назвала Васютой, молча подошла к костру, большим острым ножом распластала жирную, чуть не на килограмм весом рыбину, проткнула ее палочками — рожнами — и приспособила у огня.

Мальчики заметили, что палец на правой руке у нее перевязан, должно быть порезала.

— Эй, ходи,—раздалось с моря.

Это рыбаки закончили травить невод и направили баркас к берегу. В ту же минуту лошадь, привязанная к круглому барабану, заходила. Барабан-вертушка натянул канат, прикрепленный к неводу. А время шло.

Когда поблекли звезды на небе, сгустилась предрассветная темнота, дежурный подал сигнал: невод близко. И вот уже ухватились рыбаки крепкими руками своими за концы сети, уперлись крепкими ногами в землю, тянут изо всех сил. А на море Байкале начиналась буря. Волны били в берег, словно хотели захлестнуть рыбаков. Притонили улов да и удивились сами: сроду такого богатства не было. Билось в неводе омуля видимо-невидимо. А промеж омулей тяжело шевелился и хвостом бил огромный, темный, отливающий зеленью таймень.

— Ну вот, — сказала Васюта, — добрая к утру будет уха. Такого тайменя на всю бригаду хватит.

— А вдруг это Кузька?—шепотом спросил Паша у Димки.

— Ага! Может, и он...

— Жалко, понимаешь, ведь попадет в уху — и конец.

И только сказал он это, как сверкнула зарница над Байкалом, гром прогремел В Иркутске даже землетрясение зарегистрировали. Таймень подпрыгнул высоко вверх, упал на землю у самого костра. Лопнула от огня толстая рыбья кожа. Не то пар, не то дым пошел из того места, где лежал таймень. А когда развеялся дым — исчезла рыба. У костра стоял красивый парень, кареглазый, высокий, широкоплечий, кучерявый.

— Васюта! — радостно закричал он.

Оторопевшая девушка взглянула на него, заплакала вдруг и побежала к парню.

— Кузьма! Дорогой, долгожданный! Что же так долго не шел?

— Вот их благодари,—ответил Кузька и показал на мальчиков.—Три человека должны были пожалеть меня, не зная, что я —это я. Этот вот пожалел меня, когда стариком я был

смешным да плешивым. Девочка московская пожалела Кузьку из сказки. Ну, а в третий раз вот второй паренек помог зеленому тайменю, посочувствовал. А не то попал бы я в уху — и конец.

Пока тянула Васюта вместе с рыбаками сеть, слетела тряпка, которой был обмотан палец. И теперь увидели все, что на пальце у девушки сверкает необыкновенной красоты, голубой, как Байкал, перстень.

ПРОЛОГ,

в котором папа Спиридонов удивляется, но понять ничего не может

Петр Васильевич Спиридонов проснулся внезапно. Ему чудились какие-то голоса, негромкий скрип — точно кто-то осторожно открывает окно, чудился еще какой-то звук — тонкий, противный, похожий на вой сирены. Говорят, что комары — существа совершенно безобидные, а все дело в комарихах — их кровожадности нет предела. Петр Васильевич стукнул себя по носу — и вой сирены смолк. «Так тебе и надо, кусучка проклятая!» — подумал Петр Васильевич, нащупал на тумбочке пачку сигарет, зажигалку. Посыпались искры, вспыхнул огонек, неярко осветив комнату — темные бревенчатые стены, покрашенный белой масляной краской потолок, кровати детей — Кольки и Милочки. И тут-то папа Спиридонов удивился: постели были пустые.

— Хо хо! — сказал Петр Васильевич и поднял зажигалку повыше. — Это уже становится интересным!

Он сунул ноги в шлепанцы, подошел к постелям детей, еще не веря себе, пощупал одеяла, взглянул на часы — они показывали пять минут четвертого — и забеспокоился не на шутку. Тут увидел он, что окно распахнуто, подбежал и посмотрел растерянно на тайгу, черными зубцами уходящую в небо. Роса со звоном скатывалась с листьев, где-то пробовала охрипший

заспанный голос птица, лес, казалось, разминал затекшие за ночь плечи — шорохи, хруст, потрескивание.

Испуганный папа Спиридонов стал будить жену:

— Аня, — говорит он, — Аннушка, да проснись же!

— Что тебе не спится?—рассердилась жена.—Ночь-полночь, а все тебе покоя нет.

— Понимаешь, Аннушка, они это самое...

— Кто? Что? Ты уж говори яснее.

— Исчезли они, Аннушка, сбежали, пропали!

— Ой, господи! Да кто пропал-то? Можешь ты мне сказать, в чем дело?

— Дети пропали!

— Послушай, Петр Васильевич, тебя вчера, случаем, никто чайком покрепче не угостил? Или, может, приболел, а? Дай-ка я лоб пощупаю.

— Ну что ты, Аннушка, право. Дети, говорю, пропали, а ты со всякими пустяками.

— Какие дети?

— Она еще спрашивает, какие! Да наши же — Коля и Милочка!

Жена все же пощупала лоб Петра Васильевича, взглянула на него сочувственно, как на тяжелобольного.

— Не мели чепухи, Петя, — сказала она, покачивая головой. — Вон же они спят.

Петр Васильевич повернулся к постелям детей, и его глаза округлились от удивления. Он даже ущипнул себя на всякий случай: дети и в самом деле мирно спали. Тут папа Спиридонов почувствовал боль в пальцах — зажигалка, которую он все еще продолжал держать в высоко поднятой руке, раскалилась, бензин в ней догорал.

Прошел час и второй, а папа Спиридонов все не мог прийти в себя. Недоуменно пожимая плечами, он поставил на тумбочку будильник, который ненароком уронил на пол, и закурил.

Отвернувшись к стене, новый сон рассматривала жена. Спал, уткнувшись носом в подушку, Колька, Милочка причмокивала губами.

«Окно! — вдруг подумал Петр Васильевич. — Окно! Оно-то оказалось раскрытым, а я сам с вечера его запирал, чтоб комары не налетели».

Он нашарил в темноте шлепанцы, подбежал к окну. Оно было добросовестно закрыто на все запоры.

Петр Васильевич рассеянно сунул сигарету горящим концом в рот, вскрикнул.

— Что? — сквозь сон проворчала мама. — Опять исчезли?

— Да здесь они, здесь... Спи.

Петр Васильевич, стараясь не шуметь, добрался до кровати, улегся и подумал:

«Пожалуй, завтра надо зайти к врачу».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БОГИ В ПИОНЕРСКИХ ГАЛСТУКАХ

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой Кольке Спиридонову приходится доказывать свою храбрость

Возможно, друзья, вы помните тот знаменательный и нашумевший футбольный матч между командами «Синий лопух» и «Ураган», о котором вот уже несколько лет с улыбкой вспоминают в Прибайкальске. Вратарем «Синего лопуха» был Димка Смирнов, но, поскольку сделался он невидимкой, в воротах его сменил Колька Спиридонов. Паренек он был неприметный, даже в футбольной команде был всего лишь запасным, но после прошлогодних событий его не называли иначе, как «краса и гордость нашего класса».

Дело в том, что сразу же после истории с Волшебной галошей, когда с помощью невидимок команда «Синий лопух» одержала блистательную победу, Колька Спиридонов так загордился, что подал заявление капитану команды Феде Тузикову с требованием перевести его, Кольку, из запасных в основной состав. Затем он стал рассказывать о матче такие небылицы, что вскоре уже все школьники от первого до четвертого класса были уверены: если бы не Колька — победа досталась бы «Урагану». И тут, в самый разгар своей славы, Колька Спиридонов побил рекорд по плаванию: десять минут плыл он стилем «топор» по могучим волнам родного языка, пока учитель Анатолий Петрович не сказал:

— Ладно, Спиридонов, краса и гордость нашего класса, ставлю тебе, так и быть, тройку. За храбрость. Храбро плаваешь в незнакомой стихии.

«Краса и гордость» с пунцовым от стыда лицом протянул дневник. Он сейчас бы предпочел заслуженную, честную двойку.

На некоторое время Колька Спиридонов притих, да и вся история с невидимками и зеленобородым волшебником стала забываться, как вдруг...

В начале августа папа Спиридонов достал четыре путевки в дом отдыха «Елочки», погрузил чемоданы на попутный грузовик, помог маме и Милочке забраться в кабину, захлопнул дверцу, а сам вместе с Колькой забрался в кузов.

И навстречу им выплыли горы. Горы, покрытые лесом.

Сосны и березы взбегали по крутым склонам, но, вероятно, не хватало им силенок добраться до вершины, взлететь на каменистый белый, ослепительно чистый гребень. И они остановились — кто почти у самой вершины, кто пониже, а другие и совсем у берега речки Кынгырги. Берег был забросан валунами, похожими на чисто вымытых спящих свиней. Кынгырга по-бурятски значит «сигнальный барабан». Она и впрямь гремит и гремит неумолчно. Резкой дробью будит и тайгу, и горы, и дом отдыха «Елочки», примостившийся в этой глуши. Его корпуса, точно светлые цветные кубики, затерялись среди величественного сине-зелено-розового мира.

События, которые вновь сделали Кольку героем дня, начались утром. Как всегда, с пронзительным свистом он выскочил из засады — дверей домика. Как всегда, запутался в шнурках — незавязанные, они болтались маленькими черными змейками, — упал, поднялся, снова засвистел и крикнул:

— За мной!

И тогда с большой алюминиевой кружкой в руке и полотенцем через плечо выбежала из дома Милочка. Рядом со своим долговязым братом-шестиклассником она казалась совсем маленькой, хотя была всего на полтора года младше и уже перешла в четвертый класс.

По тропинке, что петляла в тайге, перепрыгивая через растопыренные корни деревьев, прячась в мохнатой, обрызганной капельками солнца — так сверкала роса! — траве, бежали Колька и Милочка к реке Кынгырге, бежали, размахивая полотенцами.

И тут из кустов — будь она проклята! — выскочила, как ошалелая, кошка и бросилась под ноги Кольке. Тот в ужасе замер, потом испуганно топнул ногой и закричал:

— Рррысь! Бррысь!!!

Милочка засмеялась:

— Мурка, Мурочка, мур-мур-мур... — позвала она. И кошка подошла и стала тереться о ее ноги.

Да, такого конфуза Колька не ожидал. К реке ему уже не хотелось бежать, но что поделаешь — с грязными руками за стол не сядешь, мама так высмеет, что и рад не будешь. И чего это все мамы только и делают, что заставляют мыть — то уши, то руки, то шею намыливай, беда. Он зачерпнул ладошкой воды, размазал ее по щекам и носу и мрачно стал чистить зубы. Зато Милочка была довольна — уж теперь-то она отыграется за все!

— А все-таки ты трус, — сказала она, — самый настоящий.

— И вовсе не трус. Просто от неожиданности.

— У тебя все от неожиданности... Трус и только. Вот ребята-то будут смеяться: Колька рыси испугался и от кошки убежал!

И тут Милочка поняла, что у нее получилась хорошая дразнилка:

Колька рыси испугался,
побелел и задрожал,
Колька рыси испугался
и от кошки убежал!

— Ты еще дразниться! — закричал Колька, зачерпнул в ладошки воду и вылил ее Милочке за ворот. На удивление сестра не заорала, а только вздохнула:

— Эх... А еще старший брат...

Кольке стало стыдно.

— Ну, ладно, — пробормотал он, — не сердись. Я же просто так. Просто так я... — И вдруг разозлился снова: — А чего ты дразнишься?!

И тут Милочке пришла в голову одна забавная мысль:

— Знаешь что? — предложила она.

— Ну...

— Я-то тебе верю, что ты смелый человек, но ребята, понимаешь...

— А что ребята? Ребята-то что?

— А ребята ведь не отстанут...

— Да они же и не узнают ничего.

— Узнают. Еще как узнают!

— Попробуй только расскажи!

— А ты не грози... Тоже мне храбрец посреди овец. Вот что я придумала. Я повешу на старой лиственнице свою косынку. Если ты ночью, в три часа ноль-ноль, принесешь ее, — я по-

верю, что ты не трус и никому-никому не скажу про Мурку. Ладно?

— Ладно,—снисходительно бросил Колька, хотя, сказать по совести, на душе сразу стало как-то муторно, как при взлете или посадке самолета.

Старая лиственница. Ей пятьсот лет! Старому городу Прибайкальску только триста лет. А в те дни, когда появился в нем первый дом, не дом даже, а малюсенькое зимовье, лиственнице было уже два века. Стоит эта древность глубоко в тайге, почти в километре от дома отдыха «Елочки». И днем-то к ней пройти нелегко — по тропинке все в гору, а ночью... Но ничего не поделаешь: назвался груздем — полезай в кузов.

Колька снова наступил на собственный шнурок и растянулся под кустом черемухи. Сверху полился на него дождь прозрачных крепких капель.

— Это тебе за меня!—засмеялась Милочка.— Будешь знать, как обливаться!

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой рассказывается, чем заканчиваются ночные прогулки в лесу

В двенадцать часов вечера в Доме отдыха выключали свет. Помигав немного, чтобы те, кто не успел юркнуть под одеяло, улеглись, гасли фонари перед корпусами, затем в одно мгновение погружались во тьму, сливались с лесом и горами деревянные коттеджи, и наступала тишина.

Перед тем, как лампа мигнула в последний раз, Милочка негромко, чтоб не слышали родители, окликнула Кольку, показала ему три пальца, отвернулась к стене, натянула повыше одеяло и притворилась спящей. На самом деле она лежала и подглядывала: пойдет Колька в лес или нет?

Наконец она услышала скрип — Колька осторожно раскрывал створку окна. Милочка взглянула — не проснулись ли родители — и отбросила одеяло: оказывается она так и легла в платье. Тихонько, почти бесшумно, Колька влез на подоконник, мягко спрыгнул вниз. Он так был сосредоточен, что не заметил, как створка растворилась вновь и на землю спрыгнула его сестрица.

Тропинка, по которой он сейчас шел, была такая же, как и та, по которой перебежала ему дорогу противная кошка. Да,

тропинка была такой же, но как неузнаваемо все вокруг! Узловатые сучья деревьев похожи на скрюченные руки. Вот-вот они схватят за плечи. Корни ставят тебе подножки, и ты плюхаешься носом в мокрую траву. Хорошо еще, если в траву! А шорохи? Они идут следом, не отставая. А всхлипывания ветра?

Да, надо сказать, что не каждый согласился бы отправиться в ночной лес. Вот вы, например, отправились бы? Наверное, нет. А Колька пошел. Что ему лес! Что ему ночь!

Все бы хорошо, если бы не эти зловредные шнурки. Есть же на земле люди, мастерски умеющие их завязывать. У Кольки никогда не хватало времени осилить эту премудрость. Он наступил на шнурок, но в темноте показалось ему, будто кто-то схватил правую ногу и не отпускает.

— Ой, мама! — вскрикнул Колька, рванул ногу изо всех сил и упал, крепко ударившись о корень. В глазах поплыли цветные круги, а над головой раздался вдруг негромкий, но очень странный — тревожный и ехидный свист. Он то смолкал, то звучал вновь и вновь, становился громче. Колька замер, вобрав голову в плечи. И когда свист пронесся еще раз, уже совсем близко, наш храбрец вскочил на ноги и бросился наутек. Он бежал напрямик, без тропы, через чащу, ветки хлестали его на спине. А лес наполнялся все новыми и новыми голосами, шумел, ухал, хохотал.

Милочка едва поспевала за братом. Ей тоже вдруг стало страшно, она всхлипывала и кричала:

— Стой! Стой! Коля! Колечка, миленький, остановись!

Но где там! От этого крика, оттого, что кто-то топочет позади, Колька Спиридонов только набирал скорость. Он мчался с первой космической, а может быть и со второй. И если бы не поваленное дерево, кто знает, не стал ли бы Колька Спиридонов, «краса и гордость» шестого «В» класса 117-й школы города Прибайкальска спутником Земли. Но дерево, поваленное давным-давно грозою, преградило ему путь. Крепко ударившись о ствол, наш герой перекувыркнулся через голову и с отчаянным криком упал на траву. А на спину ему упал еще кто-то и тяжело задышал прямо в ухо...

«Медведь, — подумал Колька, и ему стало вдруг все безразлично. — Медведь так медведь. Ешь меня, медведь, закусывай, старик: сам виноват. И чего это я так расхвастался?»

А медведь всхлипывает, шмыгает носом, точно сам испугался.

— Ты что? — спросил Колька.

И медведь ответил Милочкиным голосом:

— Да, сам от меня убежал... А мне страшно...

Они поднялись, сели на коварную валежину. У Кольки отлегло от души, и перед сестрой он себя почувствовал мужчиной.

— Что же это вы, миледи, вместо того, чтобы спать, разгуливаете ночью по лесу? Тут, между прочим, опасно. За мной вот сейчас бродяга какой-то гнался, и не один. А свистели, свистели!

— Так это же сова свистела...

— Ну да, сова! Скажешь... Будто я совы никогда не слышал. А топала тоже сова?

— Так это же я топала, и кричала я...

— Небось страшно было?

— Ага.

— Вот видишь, сама испугалась, а мне всякие слова говоришь.

— Мне простительно: я ведь женщина... — примирительно сказала Милочка. — Ну, хорошо! Пойдем домой. Я никому не расскажу, ладно? Пойдем.

Они поднялись с валежины, огляделись.

В тайге посветлело. Словно кто-то сквозь черное сито просеял робкие тонкие лучики. Вроде, видно уже все и, вроде, ничего не видно. Место, где оказались брат и сестра, было им совершенно незнакомым. Таежные тропы петляют между кустами, вокруг камней и деревьев, — у каждой свой характер и свой рисунок, но прямых дорог в горных лесах не бывает. А Колька с Милочкой летели по прямой каким-то чудом: справа хлюпает болото, высокие мокрые травы качаются на кочках, как украшения на головных уборах древних индейцев, налево — гарь: черные, обглоданные огнем стволы, малиновые султаны кипрея, позади — отвесная белая скала, впереди — густое сплетение кустарников.

— Мы заблудились, — всхлипнула Милочка. — Мы заблудились. А все ты. То кошки он пугается, то совы...

— Я виноват, я, да? Сама придумала чепуху: принеси косыночку, принеси косыночку... Вот тебе и принеси.

— Мы заблудились! — уже в голос заревела Милочка. И эхо ответило ей ее же голосом:

— За-а-блу-удились!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой Милочка обнаруживает таинственный люк, а Колька нажимает на все рукоятки

Усталые, промокшие, они разожгли костер на вершине горы, стали греться у желтых языков огня. Искры летели в небо, оно стало темней и сумрачней, едва вспыхнул костер. Хорошо, что Колька догадался спички с собой захватить: худо в тайге без огня. Снова над головой засвистела сова, филин захохотал, провожая ночь, но Колька даже не обратил на них внимания — то, что случилось,— похуже лесных страхов: они действительно заблудились.

Колька достал из кармана курточки фонарик. Совсем позабыл о нем, когда бежал через лес! Тонким лучом пошарил по деревьям. Сова зажмурилась от света, взлетела и скрылась в чаще.

— Противная полуночница! — погрозил ей кулаком Колька и проводил птицу взглядом, пока ее не скрыла тень.

А над горами уже набирало силу солнце. Оно тяжелым мохнатым шаром катилось по вершинам, окрашивая их известковые шапки в алый, потом в лиловый, потом в голубовато-розовый цвет.

Солнце выпило туман в распадке. Все слабее, все прозрачнее становился он, и тогда, как на фотобумаге, опущенной в проявитель, начало постепенно проявлятся внизу, за деревьями какое-то строение.

— Это же «Елочки» — закричал Колька.— Урааа!

— Миленькие «Елочки»! — закричала Милочка. — Урааа!

— Э-ге-гей! Мы нашлись!

— Мы нашлись! Мы нашлись! Вот они мы!

— Э-ге-гей!

— Э-ге-гей! — ответило им эхо. И как мячик начало швырять этот крик с горы на гору. — Э-ге-гей!

Брат и сестра скатились вниз по песчаному склону, как обычно скатываются с новогодних ледяных гор: садятся и летят вниз. Перебрели через неширокий ручей. Остановились. Полуразрушенное здание, которое они увидели теперь совсем рядом, и отдаленно не напоминало дом отдыха «Елочки». Стены его были сложены из розового мрамора, точно такого же, как чаша одного из водопадов на реке Кынгырге: уж не оттуда ли неведомые строители брали камень? Там бутылочно-зеленая вода падает на отшлифованную ясно-розовую скалу и

сверкает на изломах необычными красками — точно светится изнутри. Здесь мрамор суровый, потемневший от времени, пыли и дыма. Взрыв снес крышу дома, разрушил толстую надежную кладку стен, прорезав ее трещинами. Розовый мрамор. Черная сажа. Зеленая трава. Красиво и загадочно.

Они ходили по этажам полуразрушенного дома, разглядывали обгорелые стены — на них нанесло земли, и теперь сюда вскарабкались цветы. Даже невысокая березка примостилась на красном карнизе. Как только она там прижилась?

— Э-ге-ге-гей! — крикнул Колька.

Посыпалась пыль со стен, обвалились комья земли, упали на бетонный, бугристый от затянувшей его глины, пол.

— Ты что швыряешься? — хмуро спросила Милочка.

— Я?

— Что же я сама в себя комок бросила?

Милочка пнула ногой комок глины, и вдруг там, где он только что лежал, сверкнула полоска металла. Милочка разгребла пыль, осколком камня соскребла глину и увидела блестящую, словно только что изготовленную, стальную плиту.

— Коля, сюда! Сюда! Здесь какие-то буквы!

На плите и в самом деле было что-то написано! Буквы, старинной вязки, складывались в слова:

Коль праздным любопытством ты влеком,
то не входи и сей плиты не трогай,
иди, блаженный муж, своей дорогой,
СЧИТАЙ, ЧТО Я С ТОБОЮ НЕЗНАКОМ.
Но если целый мир тебе — загадка,
чтоб оный разгадать, путей не ищешь
кратких,
и свой живот не жаль познанию отдать —
ВХОДИ. ДА БУДЕТ НАД ТОБОЮ
БЛАГОДАТЬ!

— Наверное, там запрятано что-нибудь вкусненькое, — глотая слюнки, мечтательно сказала Милочка.

— С чего это ты взяла?

— А вот про живот написано. Сам же прочитал.

— Хо-хо! Про какой живот? Это про жизнь написано, ясно? «Не пощади живота своего», ясно? Давай-ка лучше откроем, посмотрим.

— А как же насчет праздного любопытства? Ведь тогда нельзя.

— А у нас не праздное, мы заблудились, нам деваться некуда.

Однако поднять плиту было не так-то просто: она точно вросла в пол.

Помог ржавый прут, толстый, похожий на длинный ломик. Он лежал поблизости. Кое-как просунули его под плиту, камень подставили, навалились на конец прута — плита завизжала на шарнирах и подалась.

По винтовой лестнице, темной и пыльной, посвечивая себе фонариком, они спустились вниз. Комната, где они очутились, слабо светилась. Они поискали глазами окна — нет окон! Пошарили фонариком по стенам — ни щелочки. У самого люка, который, едва они ступили на лестницу, захлопнулся сам собой, они увидели чуть заметную кнопку, и Милочка — ей было ближе — нажала ее. Стало светлее. Но лампы не появились, а просто стены стали похожи на текучую радугу — по ним струился красный, оранжевый, желтый, голубой, синий, фиолетовый свет, краски смешивались и вновь отделялись одна от другой, стены, казалось, жили, дышали.

Почти половину комнаты занимало какое-то сооружение — прибор не прибор, машина — не машина. Беспрестанно вспыхивало и гасло множество циферблатов, дрожали и прыгали стрелки, мелькали миниатюрные молнии, зеленые и красные, гулко стучал метроном, словно это билось большое-большое сердце. Милочка даже прижала руки к груди. Ей показалось, что это и не дом вовсе, а живое существо.

Перед машиной удобно расположились два зеленых кресла, похожих на большие лопухи. Против сидений — экран и две рукоятки.

— Вот это да! — только и мог сказать Колька.

Он уселся в одно из кресел, кресло запружинило под ним, и Колька стал покачиваться, как птица на ветке.

Милочка уселась на второе и тоже стала покачиваться.

— Ой как интересно! — сказала она. — Как ты думаешь, куда это мы пропали, а, Коля?

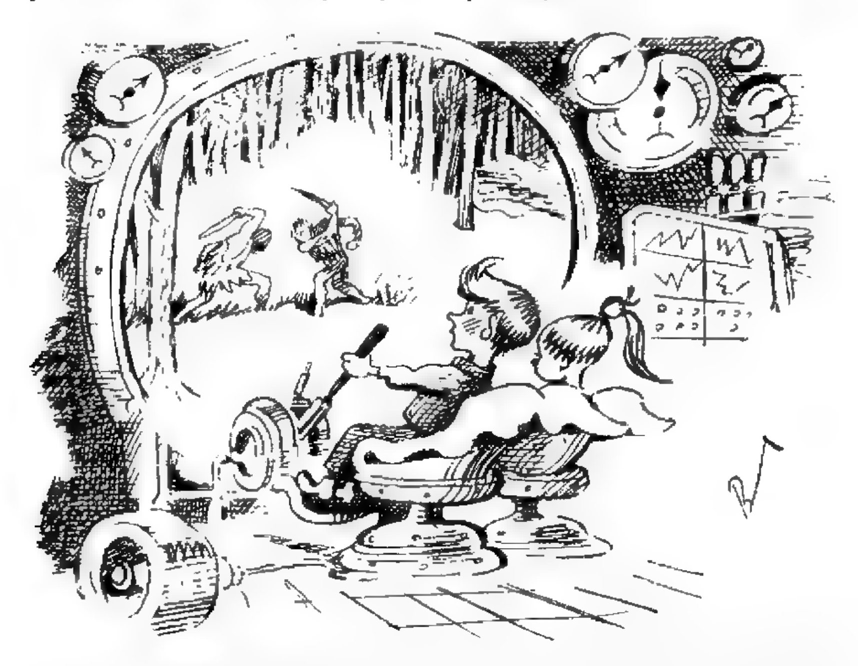
— Куда? На марсианский корабль! Нет, правда. Они прилетели на землю, а тут еще ничего не было — лес, река Кангырга да горы. Поговорить не с кем, дорогу узнать не у кого. А машина-то их при посадке потерпела аварию. Вот они разрезали гору на камни, сложили из мраморных кубиков дом вокруг машины, чтобы ни зверь, ни человек их тайны не разведал, а сами отправились сквозь лес и горы, туда, где предполагали найти жителей нашей планеты. И заблудились. На Марсе там каналы — линеечка, иди вдоль нее — и все ориентиры, а тут — мы и то заблудились. А машина стоит, ждет, все

включено. А кто-то разузнал в чем дело — и в дом. А дом-то марсиане заминировали. Трах-бах! Взрыв. И остался гость с носом. А может даже и без носа.

— Нет, Коля, какие же марсиане, если надпись на люке на русском языке, это что-нибудь другое.

— Что другое?

— Лаборатория какая-нибудь. Наверное, ученый тайком построил в тайге, чтобы не мешали ему работать. А когда была в Сибири гражданская война, то сюда попал случайно снаряд или в самой лаборатории взрыв произошел.

— Интересно, что будет, если повернуть рукоятку? — как бы раздумывая произнес ей в ответ Колька. — Сразу все станет ясно.

— Колечка, миленький, не надо. А вдруг еще взорвется!

— Хо-хо! Взорвется!

— Не трогай ничего, Коля! Не трогай!

Но Коля взялся за рукоятки, с силой повернул одну из них до отказа. Стук металлического сердца стал резче, отчетливее, торопливее. На экране вспыхнули и погасли расплывчатые картины: какие-то бородачи рубили лес, ставили избы, дере-

вянной сохой вспарывали пласты земли, вскакивали в седла, дрались на мечах. Потом женщины у чумов пели грустные песни, костяной иглой сшивая оленьи шкуры. Картины появлялись и исчезали с такой быстротой, что ничего толком нельзя было разглядеть.

Радуга на стенах замельтешила и смешалась. Пятна трепетали, все пошло кувырком, комната кружилась. Испуганно расширились глаза у Кольки. Он пытался повернуть рукоятку, вернуть ее в прежнее положение, но она не поддавалась никак. Силы оставили Кольку. Мир исчез. И только резкий давящий на перепонки вой, и только мелькание радуг, словно толчет их в ступе огромная безжалостная рука.

И вдруг — тишина. Все смолкло, все остановилось.

Милочка и ее храбрый брат в глубоком обмороке лежали на сиденьях кресел-лопухов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой автор раскрывает некоторые секреты, а странный господин съедает свой бифштекс

Может, кто-нибудь из вас видел в Прибайкальске на Подгорной улице двухэтажный деревянный дом, который вот уже два века красят только в темно-бордовый цвет. Белые деревянные кружева — балясы, вырезанные старинными мастерами, украшают верхний этаж, балкончики и террасы, а на ставнях резчики вырезали розы и необычных птиц с человечьими головами. Много лет назад в одной из комнат этого дома жил необщительный, немолодой угрюмый человек. Остальные жильцы дома, да и многие горожане считали его ненормальным, относились к нему с насмешкой. Но те, кто знал его хоть чуть-чуть поближе, рассказывали о нем бог знает какие нелепости. Даже говорили, что он, если захочет, может остановить время.

В небольшом ресторане «Крит», что был на углу той же Подгорной улицы, подвыпившие горожане рассказывали такую историю:

— Заглянул он как-то вечером в ресторан, уже перед закрытием. И попросил бифштекс. Ну, если бы зашел уважаемый в городе человек или, скажем, кто-либо из постоянных посетителей ресторана «Крит», хозяин, может быть, и сделал бы та-

кое одолжение, накормил бы гостя. Но ради какого-то сумасшедшего торчать здесь лишние полчаса — дудки!

— Прошу прощения, но до закрытия ресторана осталось пять минут, и даже мои опытные повара, — хозяин не преминул похвастаться, — не успеют ничего сделать. Разве подогреть что-нибудь из готовых блюд. Не желаете почки по-критски или порцию требухи.

— Нет. Я хочу бифштекс.

— Не успеем. К сожалению, не успеем. — И хозяин с улыбкой посмотрел в сторону подвыпивших клиентов, как бы приглашая их в свидетели.

— Господа, — сказал тогда странный человек, — будьте любезны посмотреть на свои часы. Если за пять минут, которые остались до закрытия ресторана, повара успеют приготовить блюдо...

— Не успеют! Уж я то знаю! — вставил хозяин.

— Повторяю: если за пять минут повара успеют приготовить бифштекс, — хозяин платит мне сто рублей. А если не успеют, — я плачу ему двести.

Посетители засмеялись. Еще бы: хозяину ничего не стоило выиграть это пари. Вот если бы условия его были другими и хозяину надо было бы торопить поваров — тут бабушка надвое сказала, а так... Двести рублей — не шутка!

Все посмотрели на свои часы, заметили время.

Хозяин ушел отдавать распоряжение поварам и вскоре вернулся, весело напевая: «Ямщик, не гони лошадей, мне некуда больше спешить». «Вот и прошло пять минут, — решил он. — Все высчитано: до кухни две минуты, из кухни — две минуты, да минуту пробыл там. Сведем сальдо-бульдо. Все. Пять минут секунда в секундочку»...

Но часы, массивные старинные часы с боем не торопились отсчитать пять минут. А эти часы у стойки, к гордости их владельца, считались самыми точными часами в городе. Но сейчас они показывали то же самое время, что и пять минут назад. Хозяин подбежал, подкрутил серебряным ключиком пружину. Маятник забегал веселее, но стрелки не сдвинулись с места. У посетителей на их ручных часах время тоже осталось неизменным.

— Так как насчет бифштекса-с? — пряча в усах улыбку, спросил странный посетитель.

— Готовится-с, готовится-с... — растерянно ответил хозяин и натянуто улыбнулся.

Уже все гости доели свой ужин, допили вино. А часы как

будто замерли, оцепенели. Кое-кто ушел, другие из любопытства остались, снова заказали шашлыки, снова попросили по бутылочке, снова все съели и выпили, а часы показывали все то же время.

От нечего делать гости начали играть в вист. И судя по количеству партий, которые они успели сыграть, прошло уже не менее пяти часов. Так что давным-давно уже должен быть рассвет, но заря сегодня, видимо, заблудилась где-то в горах и не желала появляться на горизонте, за окнами все еще висела глухая душная ночь. И — удивительно — никому не хотелось спать. И по улицам, как всегда бывает после полуночи, проезжали редкие коляски с веселыми седоками.

И еще раз гости заказали по шашлыку. И еще по бутылочке. И все съели. Но часы словно кто-то заколдовал.

Как там ни тянули повара, как ни старался хозяин, а бифштекс пришлось подавать, да еще и расстаться в придачу с сотенной бумажкой.

А странный человек спокойно съел свой ужин, раскланялся молча и вышел. И в ту же минуту бешено заходили стрелки на всех часах, заглохли голоса прохожих, и после секундного рассвета прямо на середину неба бодро подпрыгнуло веселое солнце. Его лучи заглянули в окно ресторана «Крит». Повалившись на стойку, спал хозяин; уткнувшись носами в недоеденные шашлыки, спали гости.

Можно представить себе, как назавтра хохотал весь Прибайкальск. Правда, рассказам об остановившихся часах мало кто верил, но хозяин ресторана «Крит» надолго стал посмешищем в глазах горожан. А к странному человеку, что жил в старом, окрашенном в бордовый цвет доме на улице Подгорной, стали относиться с опаской. И хотя местный врач — большой знаток новейших достижений науки — уверял всех, что странный человек просто-напросто всех загипнотизировал, ему не очень-то поверили.

В одно прекрасное утро странный человек исчез из Прибайкальска. И тогда-то страсти разгорелись. Всем от мала до велика захотелось побывать в его квартире, и владельцу дома, где снимал квартиру человек, остановивший время, пришлось нанять наряд полиции, который с оружием наперевес денно и нощно стоял у ворот. Наконец была создана специальная комиссия из горожан, ей было разрешено открыть опечатанную полицией дверь. И вот тогда среди старых, не имеющих никакой ценности бумаг была найдена непонятная карта. На ней — уголок тайги, маленькая речка со множеством водопадов, гор-

ная цепь, идущая с востока на запад. И в одном из распадков заштрихованный красным карандашом четырехугольник и надпись по латыни, которую перевел все тот же многознающий местный врач: «Машина Времени».

Кроме того, была обнаружена визитная карточка. На одной стороне прямоугольничка из толстой, высшего качества бумаги был напечатан адрес, а на обороте значилось: «Профессор многих наук Николай Тимофеевич Спиридонов».

Да, он был тезкой нашего героя.

И полуразрушенное здание в тайге, куда случайно попали шестиклассник Колька Спиридонов и его сестра Милочка, как вы уже, должно быть, догадались, было той самой Машиной Времени, что была обозначена на карте заштрихованным четырехугольником.

О! Каких только совпадений не бывает на свете!

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой происходит неравный бой, а приемы борьбы самбо оказываются бессильными

Легкий туман развеялся, и стала видна комната с мягкими, покрытыми мерцающей тканью, разноцветными стенами и прозрачным, удивительной прочности колпаком вместо потолка. Передняя стена, возле которой находился пульт управления, казалась совсем воздушной — сквозь нее ворвались в Машину Времени запах свежести и шум деревьев. Этот ветерок освежил Кольку и Милочку, но окончательно привел их в себя резкий удар — толстая, увесистая палка ударилась о переднюю стену и отлетела, не причинив никакого вреда Машине.

Они долго всматривались в незнакомый ландшафт — куда-то исчез ручей, через который они перебрели какой-нибудь час назад, и песчаная осыпь, и кедры, и белые березки. За стеной кабины росли теперь незнакомые деревья — лес не лес, непонятное что-то, и тяжелые птицы, чем-то напоминающие гигантских летучих мышей, неторопливо кружились над макушками почти безлистых крон.

Колька заметил нечто похожее на дверь и направился было к выходу, но Милочка удержала его:

— Не ходи. А вдруг там звери! Давай лучше посидим тихонько, понаблюдаем...

— Есть сильно хочется...

На поляне никого не было. Но если бы Колька взглянул попристальнее наверх, на вершины деревьев, ему вряд ли захотелось бы покинуть гостеприимную кабину Машины Времени. В ветвях деревьев притаились люди. Они были очень похожи на обезьян, эти люди, но их темные глаза смотрели осмысленно и мрачно. На самом близком к Машине Времени дереве расположен был наблюдательный пункт главаря. Сам предводитель мало чем отличался от своих собратьев, разве только тем, что мохнатая шкура, темно-бурая, медвежья, была на нем поновее да сам он потолще других.

Колька и Милочка вышли из Машины. И только захлопнули они дверь, как увидели: на поляне дерутся коричневые - ух, как загорели!—мальчишки.

А ведь ни брат, ни сестра не догадывались еще ни о чем: не знали они о том, что путешествуют против своей воли на Машине Времени, никогда не слышали о странном человеке, профессоре многих наук Николае Тимофеевиче Спиридонове, и, тем более, не догадывались, что неосторожный поворот рукоятки занес их в каменный век. Тем более, что мальчишки, дерущиеся на поляне, очень напоминали некоторых Денькиных одноклассников.

— Эй, ребята! — закричал Колька Спиридонов. — Не знаете, где дом отдыха «Елочки»? А то мы заблудились...

Но мальчишки, едва увидев его, с дикими криками бросились наутек.

— Куда же вы, мальчики?! — стала стыдить их Милочка. — Разве так поступают? Это же нечестно!

Но мальчишек и след простыл. И в ту же секунду лес ожил.

Главарь дважды ударил каменным кинжалом по стволу, и множество мохнатых, едва прикрытых шкурами фигур свалились с деревьев и бросились к Машине Времени.

Колька пытался отбиться, но крепкие руки схватили его так, что он не мог двинуться с места и только кричал Милочке:

— Беги! Скорее в машину!

Но путь был отрезан.

Колька вспомнил вдруг приемы знаменитой борьбы самбо, изловчился и перекинул одного из дикарей через голову. Но первобытные, видимо, не знали правил борьбы, а может быть, им было безразлично, по правилам они сражаются или нет, и на голову Кольке набросили вонючую, пропахшую по́том и еще чем-то неприятным шкуру. У Кольки закружилась голова, он упал на землю, и тогда его, как малого ребенка, запеленали в шкуру и связали кожаными веревками.

Здоровенные детины с дубинками подняли наших незадачливых путешественников на плечи и под гортанные крики толпы понесли в глубину леса.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой ужин становится несъедобным, а побежденные превращаются в победителей

Их положили под высоким деревом.

Вечер прикрыл лес синей мохнатой шкурой с блестками рыжих звезд. Потрескивал костер, и женщины вокруг него, взявшись за руки, мерно покачивались в бесконечно-длинном танце. Тени их плыли по траве, по стволам деревьев, по лицам Кольки и Милочки: одна за одной, одна за одной... И долетали хриплые голоса, и чудилось в непонятных и визгливых звуках что-то такое, от чего становилось вдруг холодно, зябко, и руки невольно пытались разорвать крепкие ремни.

А чуть поодаль, у другого костра, собрались мужчины. Один из них — немолодой уже, обросший почти до глаз седой бородой, вышел на середину круга и стал чертить на земле — Колька с трудом следил за ним глазами — кружочки и черточки... «Точка-точка-запятая, минус рожица кривая», — с горькой усмешкой подумал Колька и вдруг догадался, что старик рисует их с Милочкой. И едва их весьма условные портреты были завершены, как мужчины выстроились в одну линию, от нее отделился один, второй, третий. Они бежали к рисункам на земле и на ходу вонзали в них остроконечные палки, похожие на копья. Когда пронесся последний, чуть не свалив торчащий теперь у костра частокол, главарь издал какой-то нечленораздельный звук, и все собрались около него.

«О чем, интересно, они совещаются?» — подумал Колька, и вдруг, перехватив взгляд главаря, понял, что дело принимает для них с Милочкой весьма недвусмысленный оборот.

Милочка, видимо, тоже поняла, что их ждет, задергалась, пытаясь сбросить шкуру. Но ремни были крепки, и узлы на них надежны.

Два человека подняли Кольку и Милочку и понесли их к костру. Пленники отчаянно извивались, но это вызывало только восторг у племени, и не было сочувствующих глаз. Впрочем, нет: один из мальчишек — он был среди тех, что дрались перед Машиной Времени, — смотрел на пленников с явным желанием помочь им. Он стоял, крепко обняв ствол дерева,

тело его было напряжено, как перед прыжком. Но Колька его не видел. И когда до рисунков на земле и частокола из копьев остался всего шаг, из кармана Колькиной курточки вдруг выпал на траву фонарик. Мальчишка ринулся к нему, схватил, стал вертеть в руках и случайно сдвинул кнопку выключателя. Вспыхнул яркий голубоватый свет. Глаза мальчишки остановились. С диким ужасом, как загипнотизированный, глядел он на тонкий ослепительный луч, потом пронзительно закричал и бросился наутек.

Фонарик покатился к главарю, но тот мгновенно вскочил с мамонтового позвонка, на котором только что величественно восседал, и через секунду был уже на самой верхушке дерева. За главарем бросились врассыпную и все остальные, а человек двадцать, ослепленные страхом, очутились на том же дереве, что и главарь. Непрочный ствол, съеденный изнутри гнилью, хрустнул и обрушился прямо в костер. К счастью, никто не поджарился — подлетая к огню, главарь прыгнул в сторону, его прыжок в наши дни мог бы сойти за олимпийский рекорд, попрыгали и остальные.

Тем временем, Колька, извиваясь, кое-как подполз к Милочке и попытался перегрызть ремень, связывающий ей руки. В рот набилась грязная вонючая шерсть, Кольку затошнило. А ремни оказались, как говорится, не по зубам. От злости и бессилья Колька даже заплакал. И тут кто-то ударил его в спину, и он почувствовал, что руки свободны. Тот самый мальчишка, что поднял и случайно зажег спасительный фонарик, что-то шепнул на ухо Кольке и скрылся в тени. А рядом с собой Колька увидел камень, заостренный с одной стороны, и понял в чем дело. Он разрубил им путы на затекших ногах, поднялся, распеленал Милочку, разрезал ремни и только после этого поднял фонарик.

Мужчины и женщины молча столпились под деревьями. Они смотрели с напряженным ожиданием на Кольку и, видимо, думали о том, что их сейчас постигнет та участь, какая только что ожидала этих грозных пришельцев с неба. Потом, поняв, что «боги» не собираются ими закусывать, по крайней мере сейчас, немедленно, они двинулись к костру. Но огонь уже погас.

Позабыв о своем страхе и об освободившихся пленниках, они бросились в пещеры, выволокли оттуда нескольких женщин и детей — тех, кому поручено было хранение огня. Среди них был и тот самый мальчишка, который несколько минут назад так выручил наших друзей.

Мужчины схватили копья, выдернув их из ненужных уже рисунков на земле, женщины подняли камни.

— Не смейте! — закричала Милочка, схватила мальчишку за руку и вытащила его из толпы. Мужчины зашумели, стали размахивать копьями, но стояли на месте. Женщины бросили камни к ногам.

Колька вспомнил неожиданно о старой, растрепанной, зачитанной донельзя книге, где описывалась жизнь первобытных людей, борьба за огонь... И его осенило: «Или мы оказались на неизвестном материке, где все сохранилось в первобытном состоянии до наших дней, или... Или мы попали в древние времена... И значит... Значит странное сооружение, обнаруженное нами в тайге — Машина Времени?»...

Тогда Колька жестом мага и волшебника достал из кармана спички, чиркнул по коробку. Загорелся огонек. Маленький-маленький. Но без него — гибель. Без него нет костра, нет

тепла, нет жизни. Он поджег веточку, и первобытные зажмурились в восторге. А когда вспыхнул костер, они упали ниц перед нашими путешественниками и, не поднимая лиц от земли, поползли к Кольке на животе.

Кто знает, возможно, это Колька Спиридонов случайно виноват, что люди выдумали бога. По крайней мере, этому племени первобытных он и Милочка показались детьми самой Молнии, сжигающей леса, убивающей людей, но зато дающей им огонь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой рассказывается о необычной картинной галерее и рождается новый воинственный клич

Они спали тут же под деревом, накрывшись шкурами. Новые шкуры не пахли пóтом, они были мягкими и пушистыми.

А ранним утром брата и сестру посадили на стулья, если можно назвать стульями позвонки мамонта. И каждый из членов племени с большой радостью и — чего скрывать — с большой опаской положил к их ногам подарки — бусы, выточенные из костей и зубов северного древнего оленя, браслеты из мамонтового клыка, куски мяса, шкуры...

Так молчаливо племя выбрало Детей Молнии своими вожаками.

Потом вышел вперед старик — его лоб был светлее и выше, чем у других, глаза смотрели приветливо, но внимательно и чуть настороженно. Он поклонился, придерживая оленью шкуру, служившую ему одеждой, потом протянул к незнакомцам руки, показывая, что в них ничего нет.

— Это он хочет, наверное, сказать, что он с добрыми намерениями? — спросила Милочка.

— Ага! — глубокомысленно произнес Колька. — С добрыми.

— А зачем они нас посадили на эти кости?

— Чудачка, не знает. Не поняла, что ли? Мы у них теперь вожди. Вот вернемся — я книжку напишу: «Колька Спиридонов — последний из дикарей».

— А что мы теперь должны делать?

— Как что? Руководить!

— Мы еще этого не проходили.

— И мы не проходили. Но надо же с чего-нибудь начать...

Колька почесал в затылке и обратился к старику:

— У вас есть план работы?

Старик развел руками, давая понять, что язык пришельцев ему неведом. Он прокричал что-то своим столпившимся сородичам — и те исчезли в мгновение ока, точно растаяли за деревьями и кустами.

— Вот видишь, — улыбнулся Колька, — все в порядке, они до вечера займутся, чем заняты обычно, а там мы что-нибудь придумаем.

Старик, между тем, тоже отправился к ближним кустам, но шел неторопливо, время от времени оборачиваясь, точно приглашал Кольку и Милочку с собой. И когда они догадались в чем дело и поднялись с мамонтовых позвонков, старик радостно улыбнулся, а друзья наши убедились, что поняли его верно.

Хорошо утоптанная тропа вела их сквозь колючие, липкие кусты, сквозь заросли папоротника в гору. Она обрывалась у глубоких расселин, через них были переброшены стволы деревьев. Идти по узким круглым мосткам было опасно, но и отставать было нельзя.

Старик первым перебегал по стволам на противоположную сторону ущелья или расселины, останавливался и с нескрываемым любопытством ждал: что же произойдет. Колька переползал на четвереньках, Милочка дрожала, но пыталась идти боком, отодвигая одну ногу и медленно приставляя к ней другую. Внизу пенился поток, у нее кружилась голова. И однажды, когда ей показалось, что все обволакивается туманом и плывет вместе с бревном, на котором стоит она, куда-то в тартарары, ее поддержала маленькая, но крепкая рука. Это был все тот же мальчик.

— О-гей! — сказал он и улыбнулся. Потом обменявшись мнением со стариком, он пошел впереди, за ним еле поспевала Милочка, за ней—Колька, он, наконец, завязал шнурки и двигался увереннее. Старик шел последним, и когда приближался очередной ствол-мост, бесцеремонно хватал брата и сестру под мышки и с необыкновенной легкостью, как цирковой канатоходец, перелетал через пропасть. Он понял, что надежды его не оправдались: Дети Молнии или не умели летать, или не хотели делать этого при посторонних.

— Ой, как красиво! — закричала Милочка, едва они оказались на вершине горы. И в самом деле отвесные стены скал, залитые светом утреннего солнца, были покрыты необычайны-

ми рисунками — заломив рога, во всю прыть мчались олени, настороженно шагали лоси, мамонты отбивались от тощих, похожих на палки с руками, человечков. Человечки были вооружены луками и копьями, и бедному мамонту, видимо, приходилось нелегко. Лося тоже ждала неприятность: несколько человечков прятались в засаде там, куда лось этот должен был вот-вот прийти. На скале рядом плыли какие-то рыбы. И птицы с длинными шеями, похожие на лебедей, казалось, кричали, подняв к небу головы с короткими клювами.

— О-гей! — сказал мальчишка, пытаясь обратить на себя внимание. Он стоял у подножия скалы и сильными ударами, короткими и напряженными, бил по камню, видимо, очень крепкому: на скале оставался неглубокий желобок.

Старик тоже поднял тяжелый, темный камень, заостренный с одной стороны, приставил к тому месту, где начиналась рваная волнистая линия, и другим камнем изо всей силы ударил по резцу. Узкий след-канавка остался на сером, поблескивающем на солнце известняке. Прошло немало времени, пока Колька и Милочка увидели, как постепенно волнистые линии приобрели смысл — среди деревьев пасется лось, а рядом — маленький лосенок.

— О-гей! — радостно закричал мальчишка.

— Знаешь,—сказала Милочка, ты все повторяешь это слово. Хочешь, я буду называть тебя Огей?!

— О-гей! — крикнул мальчишка и хлопнул в ладоши.

Потом он подвел Милочку к скале поближе. Несколько раз пальцем показал на фигуру человека и сказал:

— Мян...

— Мян, — повторила Милочка. И показала на себя, на Кольку, на старика.

— Мен.. — Огей прикоснулся к мамонту.

— Мэн.. — повторила Милочка.

Пока шел этот первобытный урок древнечеловеческого языка, старик закончил рисунок. Из костяной цилиндрической коробочки насыпал он в углубление, сделанное в глыбе, лежащей у скалы, красный пылевидный порошок, в ладонях принес воды из ручья, шумящего рядом, затем стал макать кусок мохнатой шкуры в краску и заполнять ею линии рисунка. И лось и лосенок стали красными.

— Да вы же замечательный художник! — воскликнула Милочка.

И хотя старик не понял ни словечка, до него все же дошла восторженная интонация. Не то испуганный, не то польщенный

похвалой он сложил руки на груди и бухнулся перед Милочкой на живот.

— Да что вы? Что вы? — закричала Милочка. — Я же не бог! Я же пионерка!

Она взяла в руки инструмент — острый камень и камень, похожий на молоток. Еле-еле подняла их и попыталась тоже что-то высечь. Но «инструмент» оказался непослушным, упал, больно стукнув ее по ноге. Тогда она мелом — какая же девочка не имеет в кармашке мела для игры в классы — начертила свое имя.

— Ми-ла... — прочла она по складам. — Ми-ла...

— Ми-ла... — повторил за ней Огей,—Ми-ла...

— О-гей! — сказала девочка, показывая на него.

— О-гей! — повторил мальчик.

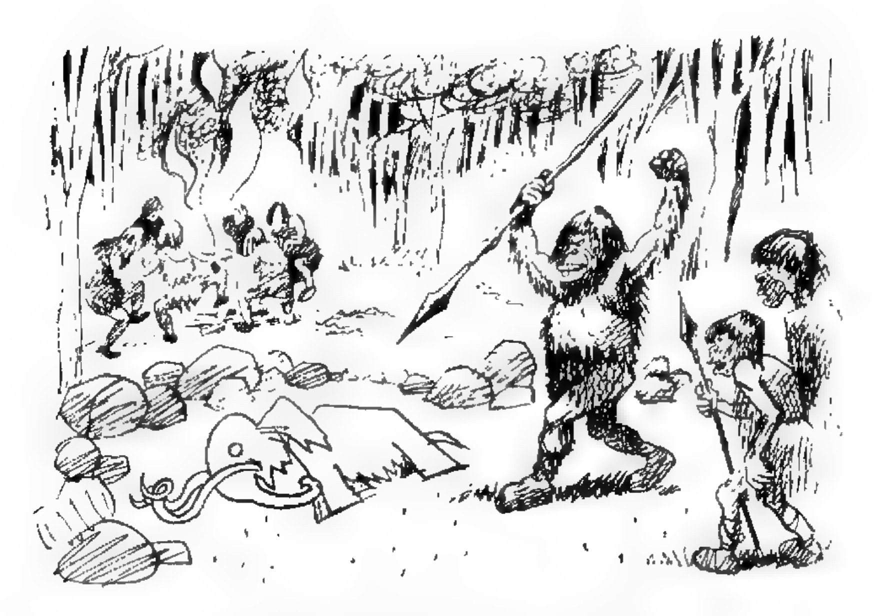
И Милочка рядом со своим именем написала на камне — ОГЕЙ.

Колька не слушал их разговора: ему было не до этого. С вершины открывался широкий ландшафт: но Кольку интересовали не кущи деревьев, качающих птичьи гнезда, не заросли папоротника, похожего на зеленые кружева, не белая пена водопадов, летящих с гор. Он искал хоть намек, хоть маломальский намек на Машину Времени. Но ее не было видно ни слева, ни справа, ни позади, ни впереди.

Они уже подходили к стойбищу, когда старик поднял руку и, жестом предложив им остановиться, прислушался. На лице его появилась улыбка — он явно услышал что-то приятное. Огей тоже вслушался и тоже улыбался. Колька и Милочка недоуменно глядели на них, но как ни напрягали слух—ничего, кроме шелеста листьев, различить не могли. Внезапно старик схватил наших друзей под мышки, перескочил одним махом через довольно широкую расселину, спрятался за обломком скалы. Огей юркнул за ним, показывая брату и сестре, что нужно молчать. Теперь и они услышали неотчетливый шум. Он нарастал, стали слышны крики, визг, свист, стук, топот. Через минуту на поляну перед скалой, за которой прятались старик и трое ребят, вылетел мамонт. Под ногами гиганта вздрагивала земля, валились стволы от ударов его хобота. Но люди настигали зверя, все чаще копья их ударялись в толстую, поросшую бурой шерстью тушу. Ревел зверь. Кричали охотники, чувствуя близкую победу.

Но тут мамонт, разъяренный погоней, остановился вдруг и повернул назад, он решил принять бой.

Теперь побежали люди, спасаясь от его гнева, и только от-

чаянные смельчаки спрятались за деревьями, чтобы сзади, сверху, с боков на близком расстоянии поразить зверя. А мамонт голосил на весь лес, глаза его побагровели, пена и пот стекали на землю. Они были окрашены кровью: уже немало ран получил гигант в тяжелой многочасовой схватке.

Перед разъяренным зверем мельтешил вошедший в азарт главарь. Он бежал, держась на приличном все же расстоянии от мамонта, увлекал его под стрелы и камни притаившихся за стволами соплеменников. Он все приближался к скале, за которой скрывались Колька, Милочка, Огей и старик. Силы мамонта убывали, охота шла к концу, но вдруг, зацепившись за скользкий корень, главарь упал под ноги зверю.

И тут Колька не выдержал. Он выскочил из-за скалы, схватил отлетевшее в сторону копье главаря и ударил им мамонта в бок. Зверь развернулся — этого мига было достаточно, чтобы главарь вскочил на ноги и, все еще чувствуя над собой тяжеленную тушу, бросился назад, к лесу. Колька бежал со всех ног, за ним мамонт, за мамонтом — орущая толпа охотников, за ней — позади всех главарь.

Ничто так не развивает способности бегуна, как игра в футбол. А Колька, как вы помните, был заядлым футболистом. Футбол развивает и еще одно немаловажное качество: умение ориентироваться на бегу. Летя во весь опор, Колька увидел

вдруг вывороченное с корнем дерево и глубоченную яму. Должно быть ураганный ветер вырвал гигантский ствол вместе с комом земли. Мгновенное решение пришло к Кольке. Он повернул к яме, на бегу воткнул копье в землю и в один мах перепрыгнул и через ствол и через яму. Мамонт слепо ринулся за ним, споткнулся о дерево и рухнул в яму. Но едва Колька коснулся земли, кто-то схватил его за ногу. От неожиданности он упал и закричал истошно:

— Ой, кто это?!

А первобытные, приняв его крик за воинственный клич, радостно закричали:

— Ойктоэто!!!

О, эти роковые шнурки! Наш герой снова наступил на свой собственный шнурок, и это ему чуть-чуть не стоило жизни.

Однако мамонт был побежден, охота окончена.

Первобытные подхватили Кольку на плечи и с оглушительным воплем «Ойктоэто!» понесли к стойбищу.

Только главарь устало плелся в хвосте процессии. Недобрым взглядом смотрел он на нового правителя.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой назревает заговор, а веселый Огей поет песенку

Огей выглянул из пещеры.

Убедившись, что никого поблизости нет, он схватил инструмент старого художника и отправился к реке. Женщины у костра окликнули мальчишку, озираясь — не видит ли кто из мужчин — сунули ему кусок мяса, горячего, выхваченного прямо из огня. Аппетитно чавкая, Огей вприпрыжку промчался по тропе, перемахнул реку по бревну, заменяющему мост, остановился у скалы, где рядом с гигантским лосем и маленьким лосенком, краснеющими на сером известняке, мелом были написаны два имени.

Колька видел, как уходил из стойбища их новый друг. Он тоже решил незаметно выскользнуть из своей пещеры. Но не тут-то было. Несколько крепкотелых парней с горящими глазами— не то от страха, не то от гордости, что им доверена жизнь нового вожака, — подставили Кольке свои плечи: садись, мол, друг Колька Спиридонов, садись, мы готовы везти тебя хоть на край земли! Колька попытался объяснить им, что он — пионер, что он не какой-нибудь буржуй, готовый кататься на своем ближнем, но, едва он повысил голос, парни упали животами на землю и протянули к нему руки.

— А ну вас! — в сердцах сказал Колька, сел на гибкие носилки, ловко сделанные из жердей и шкур, великаны подняли его и замерли, ожидая дальнейших указаний.

— Туда! — сказал Колька и указал на вершину горы, где помещалась Каменная Третьяковка.

И еще один человек отправился по той же тропе. Шел он крадучись, прячась за стволы деревьев, укрываясь в мокрых от росы кустах. Он шел и думал, что жизнь стала совсем невыносимой, и все из-за этих Детей Молнии, отнявших у него власть.

Гортанно и пронзительно кричали звери, гремела в камнях река, стадо оленей, пофыркивая, перебредало поток, но, вспугнутое запахом человека, опрометью бросилось на берег — и только треск пошел по кустам.

Носилки плавно покачивались, шаг великанов был хотя и быстр, но равномерен, Кольку тянуло в сон. Казалось, поскрипывает гамак, натянутый меж двух сосенок в доме отдыха «Елочки», качается небо над головой... Вот-вот мама крикнет. «Коля! Пора обедать!»... Колька прогоняет сонливое, вяжущее состояние — нужно примечать путь, уточнить ориентиры. Когда взобрались на гору, Колька увидел маленькую точку на скале, там, где они недавно были со Старым Художником. Было непонятно: что делает Огей на святом месте, куда нисходят боги. Наверное, заметив процессию, он мгновенно исчез, а Кольку опустили на землю у самого подножия скалы. И тут Колька увидел, что рядом с рисунком мамонта, чуть пониже красного лося и маленького лосенка, высечены на камне два слова:

МИЛА ОГЕЙ

Потом он посмотрел вниз, снова глаза его поочередно останавливались на кущах деревьев, на реке, на дыме, что стоял над верхушками леса, указывая место стойбища. И снова, как и в прошлый раз, ему не удалось обнаружить даже намека на Машину Времени. Над горой взошло солнце, скалы отбросили на лес, лежащий внизу, тени — темные и длинные они были похожи на пики, воткнутые в тело зеленого гигантского мамонта. И вдруг там, где одна из этих пик уперлась в светлое пятно поляны, что-то сверкнуло

Теперь Колька яснее и яснее различал вдалеке обтекаемые формы Машины Времени, это солнце сверкало на ее прочных стеклянных стенах, и Колька все точнее определял ее местоположение: если стать спиной к горе — от стойбища нужно идти прямо в сторону группы деревьев, где убили мамонта, Машина Времени находится почти посредине этой прямой, ближе к стойбищу.

Колька даже зажмурился от удовольствия, представив себе как скоро они с Милочкой будут дома, и как удивятся родители, пациенты дома отдыха «Елочки» и все ученики от первого до десятого класса, когда вдруг среди бела дня посреди Прибайкальска появится невиданная Машина Времени. Вот она вынырнула из утренней дымки на центральной площади, вот весть о необычных путешественниках разнеслась по городу, и все побросали свои занятия, работу, плиты, на которых готовится завтрак, и все помчались к площади. Корреспонденты всех газет расчехлили на бегу свои фотоаппараты, а учитель Анатолий Петрович раздает автографы и говорит: «У него по русскому языку, конечно, тройка, но это твердая,

надежная тройка. И вообще в нем есть что-то эдакое, не зря же его всегда называли «краса и гордость нашего класса!»

Чтобы не выдать радости, Сын Молнии потребовал каменный резец и молоток. Великаны-носильщики поняли его с большим трудом и сперва принесли ему кремневый нож, которым режут мясо, потом, уразумев его намерения, доставили все, что нужно. К их удивлению, Сын Молнии не высек огонь из камня, не вырезал на скале мамонта, оленя или человека, а пробил странные, непонятные черточки и засмеялся. Надпись на скале теперь выглядела так:

МИЛА+ОГЕЙ=ЛЮБОВЬ!

И снова Кольку понесли на плечах.

Из кармана его курточки торчал, поблескивая на солнце, фонарик, носилки раскачивались, и фонарик все больше высовывался наружу, пока, наконец, не плюхнулся в траву.

И тотчас же из леса коричневой тенью мелькнула фигура главаря, он схватил фонарик, опрометью бросился в кусты и тут заметил, что за ним следят. О, обмануть его было не так-то просто, он сделал вид, что не видит пристальных немигающих глаз, бесшумно побежал к стойбищу, спрятав за пазухой драгоценную и опасную находку. Ему все казалось, что вот-вот Сын Молнии спохватится, поймет, что потерял волшебный огонь, скажет тайные слова и Молния насквозь прожжет грудь похитителя. Но ничего такого не произошло, главарь благополучно добрался до своей пещеры задолго до того, как появились в толпе великаны, несущие Кольку.

Спрятав волшебный огонь под шкуры, главарь отодвинул полог и стал следить за тропой. Через некоторое время, крадучись, из леса вышел Огей и побежал к пещере, где жили Дети Молнии.

«Это он видел!» — подумал главарь, бросился наперерез Огею, схватил мальчишку и стал бить тяжелыми своими кулачищами. Но Огей вырвался, а за спиной главаря раздался голос Милочки:

— За что вы его? За что?! — кричала она грозно, надвигаясь на главаря и заслоняя от него Огея.

Главарь произнес что-то нечленораздельное и скрылся в своей пещере.

— Безобразник какой! — кричала ему вслед Милочка. — Дерется, дерется, только и знает, что кулаками размахивать!

Она отвела Огея в пещеру, уложила его и стала успокаивать:

— Сильно он тебя? Сильно? Ну, ничего! Я ему покажу.

Ишь какой! Маленьких обижает. Хочешь, я тебе песенку спою. Это я сама придумала:

Вставай, пионер на рассвете,
походный рюкзак собери, —
там утро надело планете
трепещущий галстук зари.
А песня, легка и крылата,
зовет нас в неведомый путь,
и хочется очень, ребята,
и хочется очень, ребята,
в грядущие дни заглянуть!

—О-гей! — улыбнулся мальчишка.

Он всегда произносит это свое «О-гей!», и Милочка поняла, что у слова не одно, а много значений. Вот сейчас «О-гей» прозвучало как, скажем, «о, ты и петь, оказывается, умеешь!»

— О-гей! — сказала она и тоже улыбнулась. И тогда Огей тоже запел. Вот его песенка:

Оны-двоны,
троны-чороны,
пянер-мянер, —
Чок!
Анзы-дванзы,
тринзы-волынзы,
чуер-муер,
Чок!

— О, — сказала Милочка, — я же знаю эту песню. Какая же она первобытная? Это же обыкновенная считалочка. Когда мы в жмурки играем, то всегда ее говорим.

«Кто знает, — подумала Милочка, — а вдруг эта считалочка дошла до наших дней с древних времен. Только вот у Огея она что-нибудь да значит, а у нас это просто бессмысленный набор слов».

Не успел Огей закончить свою песенку, как в пещеру вошел обеспокоенный Колька Спиридонов.

— Ты знаешь, — шепнул он Милочке, — фонарик пропал.

— Поищи-ка получше.

— Да нет же, я его брал с собой. Ну да ладно, батарейка в нем все равно кончилась.

Спиридонов вывернул карманы — на шкуру посыпались гвоздики, рыболовные крючки, коробок спичек, завернутый в полихлорвиниловый лоскуток — чтоб при случае не промокли спички, перочинный нож, сосновая шишка, чего там только не было... Не было только фонарика.

— У тебя, оказывается, есть крючки! — сказала Милочка.

— Ты не помнишь: есть в реках рыба, ты ведь уже учил все про древний мир...

— Рыбы? Рыбы есть... Ты знаешь, это — идея!.. Урра! Эге-гей! Ай да я! Ай да мы!

— Чу-чу-бо! — сказал Огей, тронув Кольку за плечо. — Чу-чу-бо-огей.

— Что он говорит? — спросил Колька у сестры, которая знала уже много слов языка первобытных.

— «Чу-чу» — огонь, «бо» — так называют главаря. Огонь — главарь, какая-то бессмыслица... Постой-постой, а за что главарь его бил?

— Огонь-главарь? — задумался Колька. — Уж не украл ли он фонарик?

Огей говорил что-то взволнованно, но так быстро, что даже Милочка не могла понять ни одного слова. Тогда он замолчал и стал изображать. Вот Колька восседает на носилках. На лице его — блаженство. Огей так точно изобразил Спиридонова, что невозможно было не рассмеяться: он зажмурил глаза, растянул в улыбке рот, выпятил грудь, левое плечо выдвинул вперед... Носилки трясутся, подпрыгивая в такт с шагами великанов, фонарик падает на траву, его хватает «бо». Огей бежит за ним, «бо» бьет Огея...

Колька вышел из пещеры и остановился, заслышав в кустах разговор. Прислушался. Главарь убеждал кого-то, грозил, приказывал. Много бы отдал Колька, чтобы понять, о чем идет речь. Он осторожно раздвинул колючие ветки, подкрался поближе и понял, что главарь задумал недоброе: в его руках поблескивал фонарик, и он давал пощупать еще недавно такую страшную и священную «молнию» своим друзьям. Они протягивали руки сперва с опаской, потом, осмелев, сжимали фонарик в ладони, затем разглядывали ее, отыскивая следы небесного огня, но ладонь оставалась чистой. Главарь нажимал кнопку («Ишь ты, и это подглядел!»—подумал Колька), но фонарик не горел, и это обстоятельство, по-видимому, смущало заговорщиков.

За спиной Кольки хрустнула ветка, он вздрогнул, оглянулся, опасаясь засады, и увидел Милочку. Она стояла на тропе, ведущей на поляну, и выговаривала Огею, как это обычно делала мама:

— Опять ты сегодня не мылся! Ну разве можно так? Ведь чистота — это залог здоровья? Понял?

Огей скалил зубы, преданно глядел на Милочку, но понять ее не мог.

— Ми-ла! — произносил он в ответ на каждое ее слово.

— Да ты сам взгляни на себя, — и Милочка протянула ему круглое зеркальце, с которым никогда не расставалась. Огей взглянул в зеркальце, увидел свой приплюснутый нос, большие удивленные глаза, смуглые щеки с грязными бороздками от недавних слез, испугался, бросил зеркальце на землю и убежал.

Колька негромко позвал Милочку, раздвинул кусты, знаками предупредив ее, что нужно молчать.

— Видишь? — и он показал ей на главаря и его приятелей, все еще вертящих в руках фонарик.

— Они что-то задумывают?

— Конечно. Главарь понял, что наш фонарик не страшен, что в нем нет никакой молнии.

— Ах, никакой! — рассердилась Милочка. — Я ему покажу!

— Тихо-тихо! Не связывайся с ними.

Но Милочка бесшумно выползла на поляну, спряталась в густой траве, поймала зеркальцем солнечный луч. Зайчик запрыгал по лицам заговорщиков, и вдруг ослепительный свет ударил в глаза главарю. Он испуганно заслонился рукой, отбросил фонарик и пустился наутек.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой Колька становится врачом, а рыбы ходят посуху

Еще густой, как взбитые сливки, туман висел над рекой, а наши герои были уже на берегу. По просьбе Милочки, Огей принес из своей пещеры тонкую прочную нить — ее свила мать Огея из жил мамонта, Колька привязал к ней крючок, небольшой камешек — для груза и кусок коры — поплавок. На счастье поплевал Колька на крючок, забросил его подальше от берега и не успел мигнуть, как леска задергалась, поплавок ушел в воду. Подсек Спиридонов и вытащил на берег огромную трепещущую рыбину. Он никогда еще в жизни не видел таких: широкий хвост, чуть оперенный, похожий на киль самолета. Тело покрыто крупными чешуйками, на голове тоже чешуйки, что-то похожее на них, но только большого размера, казалось, голову слепили из темных листочков слюды. Плавники рыбы скорее походили на хвосты, словно из тела росли не легкие полупрозрачные крылышки, как у омуля или щуки, а присосались к нему половинки небольших рыб.

Спиридонов отбросил чудовище за спину, снова закинул удочку и снова вытащил буквально через секунду такую же рыбину.

— Две, — сказал он, радостно потирая руки. — Штук двадцать поймаю, — и хватит.

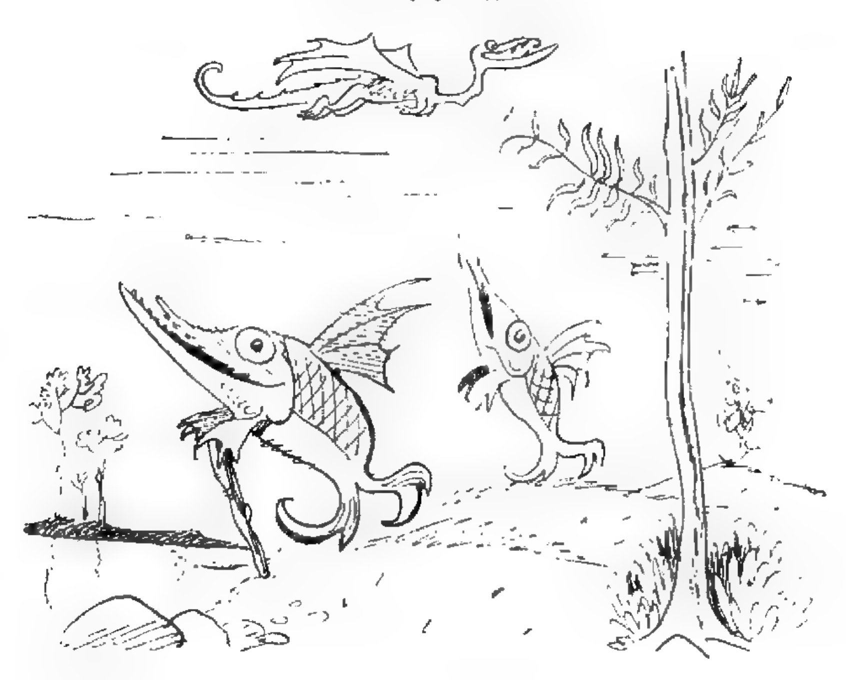
И подумал: «Вот бы у нас в Кынгырге было столько рыбы! Я бы чемпионом мог стать».

И еще одна громадина попалась на крючок. А четвертая — чуть не утащила рыбака в реку. Колька и эту бросил за спину.

Но рыба встала вдруг на свои плавники-ноги и как ни в чем не бывало зашагала посуху к реке. Колька оторопел. И вторая, и третья рыба, и первая тоже заторопилась к воде. Если бы Огей не прибил их крепкой дубинкой, не видеть бы Спиридонову улова.

— Вот уж чудо так чудо!—закричала Милочка и запрыгала, припевая:

Тили-тили-тили-тили,
Рыбы посуху ходили...

А Кольке вспомнился вдруг урок зоологии, и он так явственно услышал голос учителя, что даже вздрогнул.

...Учитель расхаживал у доски и говорил про древние времена:

— Вам теперь покажется удивительным, что рыба запросто шагает по земле. А в те времена, давным-давно, водились на белом свете двоякодышащие рыбы. Были у них и жабры, было и нечто отдаленно напоминающее легкие. В те времена климат на земле менялся, реки порой пересыхали, моря, окруженные молодыми, все время формирующимися горами, меняли очертания своих берегов. И рыбам приходилось приспосабливаться. Чтобы не погибнуть, они научились ходить по суше, перебираясь из водоема в водоем. Переходы все увеличивались, и каждое новое поколение имело все более крепкие легкие, пока рыбы не перестали быть рыбами, а превратились в земноводных. Вот какая история.

Так легко и так подробно врезался в память урок. А помнится, слушал Колька тогда невнимательно. И вдруг ему стало грустно-грустно. И в школу захотелось сейчас же, немедленно!

Он довольно толково рассказал Милочке о ходящих рыбах, хотя и не знал о них многого. Не знал он и того, что рыба, которую поймал он, называлась кистеперой — такое имя дали ей ученые, — не знал и того, что человечество долго-долго думало, будто все эти кистеперые и двоякодышащие — уже история. И вдруг в 1938 году в рыбацкие сети попалась кистеперая латиметрия — морской хищник, живущий в океанских глубинах, и двоякодышащая рыба — цератодут. И ученые тогда были удивлены не меньше, чем теперь Колька и Милочка.

Огей исчез, но через некоторое время вернулся с короткой, похожей на дубинку палкой. К ней он привязал такую же, как и у Спиридонова, жильную леску, маленький отточенный плоский камешек заменил ему грузило, а вместо крючка он приспособил кривой коготь хищной птицы — крепкий и острый.

Теперь они вытаскивали рыб попеременно — Колька одну и Огей одну, Колька три и Огей три. Но вот у Кольки клев кончился, а Огей все снимал и снимал с когтя рыбу за рыбой.

Спиридонов помрачнел — чемпионом ему не суждено было стать даже здесь. Милочка ехидно улыбалась — она явно болела в этот миг не за брата. Но Огей, глянув на вытянутую Колькину физиономию, подошел к нему и молча протянул свою удочку...

С трудом перетащили они весь улов к костру.

Рыбу накалывали на толстые палки, втыкали их в землю у самого костра, над рожнами клубился парок, запах несся такой, что у всех просто слюнки текли.

Жадность никогда не была лучшим качеством человека. Даже в каменном веке. Но бывший вожак был жадиной и себялюбцем. Пока никто не видел, он торопливо выгреб из костра огромную полусырую рыбину и, широко раскрыв рот, вцепился в нее зубами. И вдруг он взревел: тонкие, но крепкие кости вцепились в язык, одна даже застряла в горле. Отбросив дымящуюся, горячую рыбину, вожак прыгал на одной ноге, орал, кому-то грозил кулаками. Он думал, что это подстроили ему Дети Молнии, захотевшие его наказать.

Колька подошел к вожаку, жестом приказал ему лечь на землю и раскрыть рот. Дрожа и обливаясь пóтом, перебыгный лег, уже не надеясь подняться: сожрут его сейчас Дети Молнии — и все дела.

«Великий хирург» Спиридонов начал свою первую и последнюю в жизни операцию. Он осторожно выдернул кости из языка, но едва просунул руку поглубже, главарь чуть не откусил ее и взвыл от страха и боли. Колька зажег веточку, поднес ее ко рту пациента поближе, чтобы разглядеть: где же все-таки кость. Но пациент ловко вскочил на ноги и скрылся в кустах.

— Куда же ты? — в гневе произнес хирург.

— Ойкудажеты! — как воинственный клич подхватило племя, а Колькины телохранители ринулись в кусты и вскоре приволокли упирающегося главаря, распростерли его на земле перед Спиридоновым. Колька расщепил веточку — получился примитивный пинцет. Осторожно вытащил из горла главаря кость. Знаком он приказал отпустить пациента. Тот вздохнул облегченно: все кончилось пока благополучно, боль прекратилась.

— Ойкудажеты! — кричали мужчины, женщины и дети. Они плясали с этим воинственным кличем вокруг костра, потом расхватали рожны с рыбой и начался пир.

Надо сказать, что несколько дней, проведенных в стойбище, позволили брату и сестре настолько освоить древний язык, что Колька Спиридонов решился даже — на радостях после успешной операции — кое-что рассказать окружавшим его ребятишкам о себе.

Рассказ этот выглядел примерно так:

Горы. Горы. Горы.

Среди густого леса — дом отдыха «Елочки».

Колька и Милочка выбегают из дома, перекинув через плечо полотенце.

Спиридонов наступает на свой собственный шнурок, падает. А когда поднимается — над головой на ветке сидит барс.

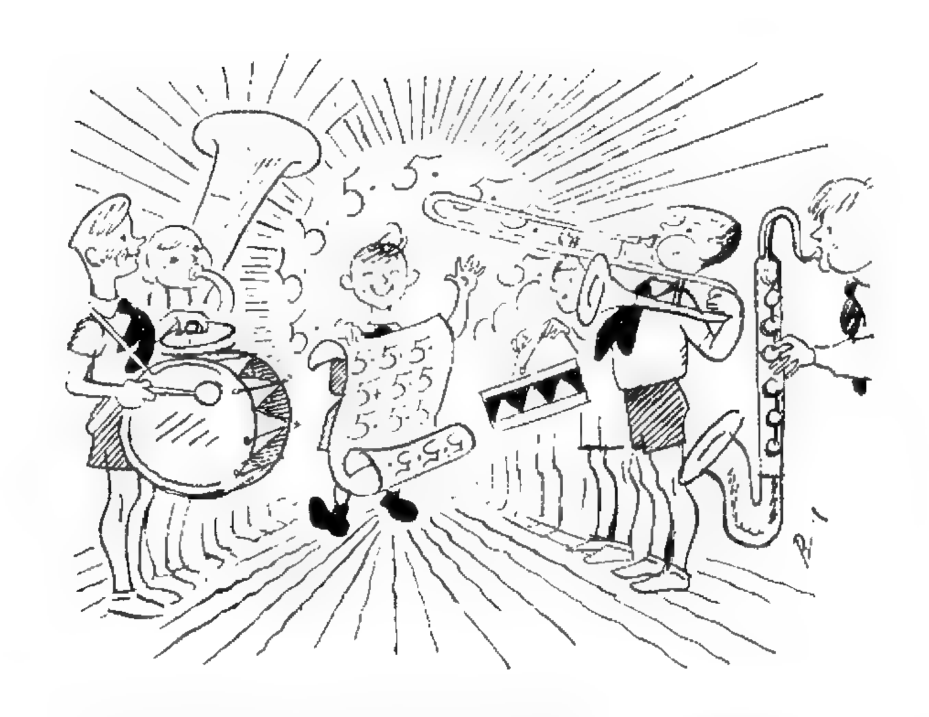
— Брысь! — кричит Милочка и падает без сознания.

Но Колька не таков. Он смело глядит в глаза барсу.

Зверь прыгает на Спиридонова, он отскакивает в сторону,—зверь падает на землю.

Колька, воспользовавшись моментом, вбегает во двор дома отдыха «Елочки», запахивает за собой ворота, но зверь уже пришел в себя, почесал лапой ушибленное место и прыгнул через забор. Отдыхающие бросились врассыпную, они улепетывают, забыв в шезлонгах полотенца и очки. Колька тоже бежит. И тут он видит качели — доску, перекинутую через чурбачок.

Осененный неожиданной догадкой, Спиридонов становится на один конец доски. Барс, конечно, прыгает на ее другой конец, отчего Колька подлетает вверх и хватается за толстенный сук лиственницы. Он раскачивается, как хороший циркач

на трапеции, а внизу, на доске, подняв вверх оскаленную морду, сидит барс. И даже вроде улыбается.

Руки Колькины занемели, наконец, они не выдерживают, он обрывается, падает на доску, от сильного удара она подбрасывает барса, и зверь, пролетев над деревьями, падает в речку Кынгыргу.

А все кошки, как известно, не любят воды.

И вот Колька идет по школьному двору. Здесь выстроилась вся пионерская дружина. Гремит оркестр. Девочки смахивают умиленные слезы и глядят на Спиридонова восторженными глазами. Директор школы вручает ему сверкающую на солнце медаль — «За отвагу на пожаре», — другой не оказалось. А потом директор подносит на белом, расшитом красными цветами рушнике свернутый трубкой свиток с семью сургучными печатями.

Колька взламывает их, развертывает свиток. Это школьная ведомость за пятый класс. Стройными рядами заполнили ведомость пятерки. А за поведение даже стоит шестерка!

— Ну, знаешь, «краса и гордость», ври да не завирайся! —

раздался над ухом Спиридонова Милочкин голос. — Тоже храбрец нашелся. Она запрыгала на одной ножке и запела:

Колька рыси испугался
и от кошки убежал!

— Ладно уж... Запела... — Колька не заметил, как сестра подошла к костру, и теперь досадовал на себя за эту оплошку. Сказать по совести, так он даже малость покраснел.

— И еще интересно: у кого из нас пятерки?

— У тебя, у тебя. Молчи.

— А у «красы и гордости»?

— Подумаешь, две четверки!

— И только-то? — засмеялась зловредная сестра.

— Ну, по русскому языку тройка, конечно, но зато — твердая.

— Давай уж до конца.

— Ну ладно тебе! Пристала! Двойка у меня по географии. Вот что!

— То-то! — торжественно произнесла Милочка. — Поняли? — обратилась она к ребятишкам.

— Ни-ни! — отвечали они. Что в переводе с языка первобытных людей означало «нет».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой рассказывается о том, как легко быть изобретателем, когда изобретаешь уже изобретенное

Колесо. Миска. Лук и стрелы.

Кому теперь придет в голову заняться их изобретением?

С самого малого возраста встречаемся мы с тысячами предметов, даже не подозревая, что было время, когда человеку не у кого было спросить «который час?», потому что он и понятия не имел о часах, что вилки и ложки не так-то уж и давно появились на нашем столе и что обычная ученическая ручка сменила гусиные перья каких-нибудь сто двадцать лет тому назад. И разве, отправляясь на прогулку на легкой «Волге», вспоминаем мы человека, придумавшего колесо? И разве садясь за стол, чтобы съесть тарелку вкуснейших сибирских пельменей в бульоне, думаем мы о тех, кто изобрел тарелку или построил первую мельницу, чтобы размолоть зерно? На обложке школьной тетради помещена таблица умножения,

2+2=
?

А разве математик, установивший некогда, что дважды два — четыре, а пятью пять — двадцать пять, не величайший из математиков всех времен? Но мы заучиваем таблицу наизусть, пользуемся ею всю жизнь, и кажется нам, что она всегда была.

А Колька и Милочка попали в мир, где открыты пока очень важные, но простые вещи: огонь — горяч, на нем можно готовить пищу, острый камень может резать мясо и шкуру, а другой камень, привязанный к палке, — и топор, и молоток, и копье...

Об этом задумался Колька Спиридонов в пору дождей. Вот уже неделю небо покрыто серыми, как шерсть дикого оленя, тучами, в лесу темно и мокро, дождь, бесконечный и проливной, осатанело бьет холодными струями в землю, вздувает реки, превращает ручейки в мятежные потоки. Спрятались звери, рыба не клюет. Огонь перенесен в пещеры — главная забота о нем: только бы сберечь живительное рыжее пламя. Лишь теперь узнали брат и сестра, что значит потерять огонь. Колька впервые подумал, что коробок спичек, тех самых, что стоят сущий пустяк и продаются в Прибайкальске на каждом углу, достоин того, чтобы его изобретателю люди в каждом городе поставили памятник.

Холодно в пещерах, голодно. Надо срочно что-нибудь предпринять. Зверя сейчас не найти. Реки вышли из берегов, несутся со скоростью невообразимой, рыбы на дне закопались в ил, спрятались под камнями, даже самые прожорливые не проявляют к крючку с наживкой никакого интереса.

Вожак собрал в своей пещере всех мужчин племени. Они расселись на камнях, на гранитном полу и стали ждать, что он скажет.

— Люди, — сказал вожак, — вот уже много раз было светло и было темно, а вода с неба все течет и течет. Дети Молнии могли бы попросить огонь вернуться на небо, но они не могут сделать этого или не хотят. Нам нечего есть, нечего есть нашим женщинам и нашим детям. У нас есть пища, но мы почему-то боимся ее съесть. Мы боимся Молнии, которая у них в руках. Но я прикасался к ней — и со мной ничего не случилось, она меня не убила. Подумайте обо всем, что я сказал.

Мужчины задумались, опустив кудлатые подбородки на кулаки.

Тогда к костру вышел старый художник. Он недобрым взглядом поглядел на вожака и сказал:

— Когда погас наш Большой огонь и нам грозила беда, Дети Молнии вернули нам огонь в ладонях своих. Помните?

— Помним, — понуро ответили мужчины.

— Когда нашему Бо, — он указал на вожака, — пришла пора стать звериной едой, они отвели разъяренного зверя от Бо, а мамонта мы съели. Они приносят нам удачу. Подумайте обо всем, что я сказал.

Через несколько минут мужчины вышли из пещеры вожака. Они несли три внушительных размеров шкуры. Миновав черный круг кострища, они направились к реке. Колька, накинув на голову куртку — чтобы не так промокнуть, пошел за ними следом. Мужчины, разделившись на группы, вошли, придерживая друг друга, в поток. Он валил их с ног, но они удерживались каким-то чудом, и, поставив шкуры против течения, пытались перегородить реку у берега. Вскоре, вконец измотанные, они вынули свои примитивные неводы из воды. В шкурах трепыхалась рыба. Ее было немного, но она была. Подпрыгивая и выкрикивая радостные слова, мужчины двинулись к стойбищу. А Кольке припомнился вдруг тонкий капроновый невод, что всегда сушился на гвоздиках, вколоченных в стену дома. Как редко снимал его отец — только по воскресеньям, да и то не всегда. Вот бы сюда невод! И Колька понял, что если и дальше придется оставаться здесь — кто знает: цела ли Машина Времени, можно ли на ней вернуться в будущее? — то ему придется изобретать все, что давным-давно изобретено. Но тут же сознался себе, что это все легче, когда вещь знакома тебе, когда она уже кем-то придумана, кем-то была изготовлена, и ты держал ее в своих руках. И еще он подумал, что пора приняться за дело. Он попросил Огея собрать в их пещеру всех женщин.

Вскоре, по его требованию, принесли ему женщины звериные жилы, высушенные, превращенные в тонкие нити, которыми сшивали обычно одежду. Колька показал, как надо ссучивать жильные нити в нетолстые веревки. Он привязал веревки к длинному копью, попросил нескольких женщин удержать копье на месте. Второй конец каждой веревки Спиридонов привязал к другому копью, натянул и тоже закрепил. Словно огромные гусли легли на каменный пол пещеры. Тогда, привязав жильную нить к продолговатому, заостренному куску дерева, стал Спиридонов протягивать эту импровизированную иглу то над, то под основой, связывая места перекрещения нитей так, что получились небольшие клетки. Потом он провел еще ряд. И предложил женщинам делать то же. Они начали с другого конца невода, и, надо сказать по совести, у них получилось лучше, чем у самого «изобретателя».

Сеть была готова только на следующий день. Получилась она не ахти какой, клетки — неровные, но Колька решил попытать счастья. Привязали к нижнему краю камни — для груза, привязали к верхнему краю куски дерева — поплавки — и забросили невод в клокочущую реку, перегородив течение. Сеть натянулась, но не лопнула. Через некоторое время ее попробовали вытащить — и не смогли. Собрали все племя. Мужчины и женщины, даже малыши, даже совсем-совсем старики, — все вцепились в концы невода, и он медленно пополз на берег. Заколесила в нем рыба, забилась. И грянул в честь великого изобретателя воинственный клич: «Ойктоэто! Ойкудажеты!»

В этот вечер впервые за всю неделю люди наелись досыта. Было весело в каждой пещере. И в каждой пещере, кроме одной, говорили о том, как хорошо, что живут вместе с племенем пришельцы с неба. И только вожак да друзья его были мрачны: теперь не заставить первобытных съесть своих богов.

Однако ни Колька, ни Милочка не подозревали, что дождь грозит им нежданной бедой. Их врагом оказался не дикий пещерный медведь, часто пугающий племя своими набегами, и не гигантский носорог, ростом с доброго слона, не наводнение, не пожар. Их врагом оказался невидимый малюсенький вирус гриппа, который занесли они на своей одежде из двадцатого века в век каменный, из века атомного в век каменного ножа и каменного топора. Даже в далеком двадцатом веке, в котором еще так недавно и так беззаботно жили Колька Спиридонов и его сестра, на границах государств стояли посты биологической службы, которая запрещала перевоз из страны в страну животных и растений, чтобы случайно не завезти незнакомые вирусы и микробы. И когда космонавты доставили с Луны первые пробы лунных пород, то и самих космонавтов и все, что доставили они на Землю, довольно долго держали в карантине, нужно было проверить: нет ли в лунных камнях микроорганизмов. И это в двадцатом веке, когда есть и пенициллин, и биомицин, и нафтизин, и тетрациклин, и даже варенье из малины. А что же тогда говорить о каменном веке?

Вирус попал, наконец, на благодатную почву. Всякие болезни были у первобытного человека, и жил он, обычно, недолго. Но, кажется мне, гриппа у него никогда не было. В первую очередь коварный враг, как всегда бывает, сразил того, кто его доставил через века и версты.

— Апчхи!

Колька вытер нос рукавом, но через секунду снова:

— Апчхи!

— На здоровье!—сказала Милочка брату, и вдруг тоже:

— Ааа-апчхи!

Вошел Огей. Он с улыбкой посмотрел на брата и сестру, которые вели себя так странно: они держались за носы и произносили одно только слово:

—Аа-пчхи!

И вдруг Огей почувствовал, что у него защекотало в носу, слезы набежали на глаза, и тогда он тоже радостно и протяжно чихнул:

— Аaaaa-пчхи!

К вечеру дождь прекратился, выглянуло солнце, но радости никому не принесло: все племя чихало.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

в которой Огей проявляет благородство, а Колька опять нажимает на все рукоятки

Утром вожак, чихая и кашляя, обошел все пещеры. Он понял, что время его настало. Маленький невидимка-вирус творил свое злое дело — на шкурах в каждом жилище метались в жару люди.

— Это они накликали беду... — говорил вожак. — Это они сперва показались добрыми, а теперь хотят нас всех уничтожить...

И больные люди, хоть и не верили ему до конца, но все же начинали сомневаться: а вдруг он прав?

— Видите, им-то ничего, а нам плохо, — говорил вожак.

— Ах, этот грипп! — вздыхала Милочка. — И откуда он только взялся, проклятый?!

Она отправилась в лес, бродила в нем почти до обеда и принесла большую охапку узколистой травы, пахнущей чем-то знакомым.

— Что это у тебя? — спросил Колька. — Знаешь, колбасой пахнет.

—Колбасой? — засмеялась Милочка. — Скажи лучше чесноком!

— Дикий чеснок, что ли?

— Похоже. Ходила, ходила, срывала травинку каждую незнакомую. Я подумала: разотру, понюхаю, а вдруг лекарст-

вом каким-нибудь знакомым пахнет. И запахла одна травинка чесноком. И вправду: кто ищет, тот всегда найдет!

И она запела:

Я рано утром в лес пойду,
Я закричу: Ау! —
и непременно я найду
целебную траву.

— Распелась, — сердито проворчал Колька. — Сегодня нужно обязательно до Машины добраться, вожак опять затевает что-то. Главное, у нас никакого оружия нет, даже рогатки паршивой.

— А ты сделай.

— Ха-ха! Из чего? Из твоей ленты, что ли?

— Почему из ленты? А что у тебя на курточке в пояс продернуто? Голова! Погоди, погоди выдергивать, сперва навар из чеснока сделаем.

Милочка сбегала в соседнюю пещеру и принесла довольно вместительную чашу из грубо обожженной глины. Следы прутьев были видны на ее красных боках, как видны на бетонных стенах порой следы опалубки. Милочка налила воды, бросила в нее чеснок, предварительно разрезав его на малые кусочки, поставила чашу в костер, плотно закрыв ее глиняной крышкой. Крышку она обмазала глиной, чтобы пар не выходил и настой получился покрепче. Через час она отодвинула костер, оставив чашу на горячем камне— чтоб долго не остывала, раскупорила ее — резкий чесночный дух наполнил пещеру.

Налив полную флягу, сделанную из мамонтовой кости, Милочка побежала в пещеру, где жил Огей. Она увидела мальчика лежащим на шкурах. Он был раздет донага, и старый художник натирал его пучком красноватой травы. Огей кричал и вертелся, пытаясь вырваться, но увидев Милочку, замолчал и лежал покорно.

Старик замотал Огея в теплую пушистую шкуру и оглянулся.

— Выпей, Огей! — сказала Милочка. — Это должно помочь.

Огей улыбнулся и глотнул горячий острый напиток. Он уморительно сморщился, но тут же снова на лице его появилась улыбка.

— Огненная вода? — спросил он.

Тогда старик тоже попробовал питье, причмокнул и одобрительно кивнул девочке.

— Я сделала много огненной воды, — сказала Милочка. — Нужно, чтобы все больные выпили. Это поможет...

— Хорошо. Они придут, — ответил старик.

Милочка надела на шею Огею ожерелье из чесноковинок, нанизанных на жильную нитку, и вернулась к себе.

Вслед за ней в пещеру вошел вожак и его приятели. Чихали они немилосердно, но пить отвар отказались наотрез. Хмуро постояли они у входа и ушли. Зато все остальные входили, выпивали по нескольку глотков огненной воды, возвращались в большую пещеру, где старый художник натирал их жгучей красной травой и укутывал в шкуры.

...К вечеру брат и сестра собрали свои нехитрые пожитки и приготовились к побегу.

— Так, — подводил итоги Спиридонов, — рогатка, крючки, фонарик. Фонарик выбросим, лишняя тяжесть... Перочинный нож — Огею... Спички. Спичка одна осталась, последняя... Жаль.

— Ну ничего, дома их полно.

— Ха-ха! Домой еще вернуться надо.

У входа в пещеру раздался шорох. Осторожно отодвинув полог, вполз Огей. Плотно закрыв шкуры, чтобы свет костра не был виден снаружи, он выпрямился. Вид у него был совершенно здоровый, но мальчишка был явно встревожен.

— В чем дело? — в один голос спросили брат и сестра.

— Плохо. Вожак и его люди спрятались недалеко от вашей пещеры. Дай мне свою курточку...

— Я еще плохо понимаю по-ихнему, — сказал Колька Милочке, — он в самом деле куртку просит. Зачем?

Милочка негромко перекинулась с Огеем несколькими фразами, потом сказала брату:

— Он не хочет объяснить, но так нужно. Значит, у него есть причина.

Огей погладил Милочку по плечу, притронулся к Колькиному. Спиридонов протянул ему нож, Огей улыбнулся, хотя в глазах его стояли слезы. Он набросил куртку, сунул в карман нож и, уже не прячась, резко распахнул полог и вышел в темноту.

Брат и сетра залили костер, чтобы не видно было, как они выйдут из пещеры, и с легким сердцем покинули жилище, потому что тревога тревогой, а домой все-таки хочется. Они удивились, что погони нет, и все же заспешили, заторопились — кто знает, как все обернется?

А погоня летела за ними в другом конце леса. Злой вожак Бо видел как из пещеры вышел Колька — сквозь раздвину-

тый полог он явно узнал Сына Молнии по странной тонкой шкуре неизвестного зверя — гладкой и без меха, в которую тот всегда был одет. Странно только, что побежал он не к Дому из Твердой Воды, на котором они с девчонкой прилетели с неба, а к Священной горе. С разбойничьим криком «Ойкто-это!» вожак и его верные приятели неслись за Колькой. Внезапно погоня остановилась, и раздалось громкое:

— Апчхи!

И снова преследователи устремлялись вперед.

Вот уже близко Сын Молнии в светлой шкуре непонятного зверя. Вот он уже рядом. Бо хватает его за куртку, поворачивает к себе, в злобе сжимает кулаки. И тогда преследователи останавливаются, отступают и падают на землю: Сын Молнии превратился в Огея.

Так, ногами вперед, и поползли они, потом вскочили и бросились наутек. А Огей остался один. Он лежал на траве и плакал. Чувство, которое родилось в нем, было ему раньше неведомо — он еще мало жил на свете, Огей, и немногое знал в свои годы. Это было больше, чем страх перед вожаком, и важнее, чем самый жаркий костер у пещеры. Он понял, маленький Огей, что такое дружба!

...Когда между деревьями заблестела, отразив звезды, полированная кабина Машины Времени, Кольку остановил подозрительный звук. Он схватил за руку Милочку, прикрыл ей рот ладонью.

— Прислушайся.

Они замерли. И тогда в темноте раздалось отчетливое и протяжное:

— Аааа-пчхи!

Оказывается у Машины Времени все время дежурили люди хитрого Бо.

Они уже чуткими ушами охотников уловили хруст веток под ногами и легкий шум раздвигаемых кустов. Они уже приготовили копья, чтобы выставить их навстречу Детям Молнии, не пустить их в Дом из Твердой Воды. Но тут Сын Молнии поднял кверху руки, и в них вспыхнула маленькая молния...

— Стреляй в них из рогатки, — крикнул Колька сестре и смело пошел к Машине, размахивая горящей веткой.

Огонь и нивесть откуда сыплющиеся удары вконец напугали стражу. Она расступилась. Схватив за руку сестру, стрелой подлетел Колька к двери, нажал кнопку, и дверь распахнулась перед ними. Колька схватился за рычаги.

— Коля! Что ты делаешь, Коля? — закричала Милочка. — Не спеши. Разберись что к чему... Не трогай, не трогай!..

Но Колька изо всей силы отвел рычаги до отказа влево.

Снова замелькали экраны, застучал метроном, как большое искусственное сердце. Расплылась за окном чья-то прильнувшая к стеклу физиономия, понеслись бешено и неразборчиво смутные видения. И наступила темнота.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КОЛЬКА ОБРЕТАЕТ КРЫЛЬЯ

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

в которой мальчишки остаются мальчишками, а Вилю запрещается выполнять домашнее задание

Очнулись они на просторной площади удивительного полупрозрачного, похожего на призрак города. От площади в разные стороны расходились восемь широченных проспектов, застроенных высокими ромбовидными, кубическими, округлыми зданиями из алюминия, стекла, бетона, цветных полированных блоков. Дома были облицованы ярчайших раскрасок керамическими плитами, мозаичными картинами из цветных камней был украшен каждый глухой торец строения. Особенно поражали высокие башни, похожие на окаменевшие деревья — центр их представлял из себя стометровый ствол, а на расходящихся в стороны ветвях-этажах были подвешены... домики. Каменные, деревянные, пластмассовые, они напоминали дачный поселок, оторванный ветром от земли и в живописном беспорядке брошенный на крону гигантского сказочного дуба. Да и вообще город, в который попали Колька Спиридонов и его сестра Милочка, ничуть не напоминал родного и снова ставшего недосягаемым Прибайкальска. Ажурные переплетения этажей как бы вырастали из радужных клумб, из кустов и деревьев, зеленым кольцом охватывающих дома. Каждый проспект был застроен по-своему, и деревья на нем росли совсем не такие, как на соседнем. На север уходила улица сосен. Высокие, одна к одной, они подняли кроны к блеклому небу, а за ними стояли дома из розового, серого, белоснежного мрамора, отделанные орнаментом из темно-серого гранита, из синего, как августовское небо, лазурита, из благородной яшмы. Между соснами и домами лежали поляны, заросшие

жарками и саранками, ромашкой и гвоздикой, кукушкиными сапожками и желтыми пахучими лилиями. А на юг уходила прямая линия пальм, за колоннадой которых в тени виноградных лоз, душистого жасмина и миндаля поднимались, горя на солнце, постройки из светлого легкого туфа с огромными — во всю стену — окнами, с мозаичными картинами, напоминающими искусство древнего мира.

На запад лежал дубовый проспект, на восток — березовый. На остальных четырех росли вишни, белые акации, кипарисы, напоминающие готовые к взлету зеленые ракеты, ажурные медоносные липы.

Над площадью кружилась легковая машина, несколько похожая на «Москвич», на котором ездил директор дома отдыха «Елочки». Только над ее кабиной весело крутились два пропеллера и на красном борту были выведены ясно-голубой краской две буквы: НИ. Отовсюду на площадь слетались люди, они приземлялись прямо над скамейками и, почти на лету складывая крылья, садились на эти скамейки, тут же вступая в оживленный разговор с соседями.

Налево, над строениями, возвышалась устремленная ввысь эстакада из пластмассы и нержавеющей стали, на ней висел плакат:

«ЛЮДИ ЕДИНОЙ ЗЕМЛИ, ЗАПОМНИТЕ ЭТОТ ДЕНЬ – 20 АВГУСТА 30 970 ГОДА. ПЕРВАЯ ЗЕМНАЯ РАКЕТА ДОСТИГЛА ГРАНИЦЫ НАШЕЙ ГАЛАКТИКИ!»

Итак, если верить этому плакату, наши друзья перемахнули свой двадцатый век. Да как перемахнули!

Но не зря говорится: «Пуганая ворона и куста боится». Наученные горьким опытом, Колька и Милочка не торопились покинуть Машину Времени. Прежде чем открыть дверь, они решили пообстоятельней осмотреться. И тогда увидели они, что перед самой Машиной... дерутся мальчишки Это было настолько поразительно, что Милочка как раскрыла рот от удивления, так минут пятнадцать не могла его закрыть Да, все на свете меняется, и все, как говорится, течет, а вот мальчишки всегда остаются мальчишками!

Тем временем к драчунам подошли взрослые, стали им что-то растолковывать. Это уже становилось любопытным, и наши путешественники вышли из кабины.

— Да, а чего он спорит, если не знает? Закончил третий класс, а космонавтики не усвоил... Ведь он доказывает, что это — ха-ха-ха — ракета с Венеры.— Мальчишка показал на Машину Времени. — Ведь любой первоклассник знает, что ра-

кета должна иметь идеально обтекаемую форму. А это же просто-напросто летающий остров!

— Вот что, Виль, – прервал его высокий седовласый человек в легком комбинезоне из оранжевой пластмассы.— Сегодня ты наказан: за плохое поведение я тебе запрещаю выполнять домашнее задание. А завтра в школе поговорим.

У Кольки аж дух захватило. Вот это да! Вот это наказание! Расскажи кому-нибудь — не поверят, да что там — лгуном назовут. Вот какая история!

Между тем людей на площади становилось все больше.

Раздвинулись мозаичные картины на зданиях, вспыхнули экраны, спрятанные за ними. На экранах тоже были видны толпы людей, радостных, праздничных. По очертаниям зданий можно было узнать и Лондон, и Париж, и Вашингтон — города, города, города — столицы Объединенных Стран.

Вокруг Машины Времени выросло кольцо любопытных, оно становилось все плотнее, кое-кто из самых любознательных взлетел: над прозрачной крышей кабины кружилось человек пятнадцать.

Раздался мелодичный механический голос, он как бы пропел: «Паа-пра-шу!» — и толпа расступилась. К нашим путешественникам подошла белая машина с красным крестом на дверцах — моментальная помощь. Из крыши выдвинулись вверх несколько трубок, заканчивающихся широкими круглыми сетками, казалось, будто на гибких стеблях покачиваются над машиной блестящие никелированные подсолнухи. Стебли продолжали расти, подсолнечные головы повисли теперь над Колькой, над Милочкой, над Машиной Времени, летающие над кабиной горожане с явным неудовольствием вернулись на скамейки, а из подсолнухов прозрачными фонтанчиками ударила бесцветная, не имеющая запаха жидкость. Она обволокла ребят и Машину подвижным, струящимся облачком, и растаяла. И тот час же люди бросились к брату и сестре.

Теперь Колька понял, что произошло: это — дезинфекция. На них уничтожили всех микробов и всех вирусов, чтобы они и сюда не занесли случайно гриппа или, скажем, коклюша.

В тот же миг по радио раздался резкий прерывистый сигнал, и люди начали исчезать, словно сквозь землю проваливаться.

— Вот чудеса! — удивилась Милочка.

— Никаких чудес! — услышала она глуховатый красивый голос. — Никаких чудес! Немедленно в укрытие, если хотите видеть финиш.

К ним подошел тот самый пожилой мужчина в оранжевом комбинезоне, только что так странно наказавший драчунов

Он увел с собой ребят. Они спустились по короткой лестнице в подземный зал, стали на ковер — он двинулся и понес их по светлому невысокому коридору туда, где слышался говор толпы.

Посадочная площадка космодрома, растянувшаяся на многие километры, словно футбольное поле стадиона была окружена трибунами. От космодрома трибуны были отгорожены толстенной стеклянной перегородкой, прозрачной настолько, что ее, казалось, и вовсе нет. Более того, каждое твое движение позволяло изменить зону обзора - ты, не сходя с места, только повернув голову, мог видеть начало посадочной площадки, ее середину, ее конец, стапели с новыми ракетами, готовыми к взлету. Колька даже умудрился увидеть только что покинутую ими опустевшую восьмигранную площадь и сиротливо стоящую на ней Машину Времени. За трибунами вспыхнули экраны, жители Объединенных Стран теперь как бы собрались все вместе — их видели те, кто имел счастье попасть на космодром, а они на своих экранах в Токио и Мехико, Мельбурне и Варшаве видели все, что происходило здесь.

— Откуда вы? — спросил у Кольки человек, сидящий за пультом.

— Из Прибайкальска.

— Из дома отдыха «Елочки», — поправила брата Милочка.

Человек в оранжевом комбинезоне взял карточку из эластичной плотной бумаги и напечатал на ней: «ПРИБАЙКАЛЬСК. ДОМ ОТДЫХА «ЕЛОЧКИ».

Он опустил карточку в прорезь небольшой коробки, похожей на портативный радиоприемник. На ее серой ребристой поверхности светились две зеленые буквы «УС».

— Универсальный справочник,— объяснил Виль, оказавшийся рядом.

Через секунду металлический голос ровно, без интонаций произнес:

- Дом отдыха «Елочки». Еще двадцать восемь тысяч пятьдесят два года шесть месяцев три дня тому назад небольшой курорт, расположенный недалеко от Байкала.

— Так вы из двадцатого века! — закричал Виль.— Учитель, извините меня, — виноват перед мальчиками и неправ. Это не Летающий Остров, это — Машина Времени. Прошу вас дать мне направление в лабораторию антизазнайства.

«Хо-хо!» — мысленно произнес Спиридонов

— Направление тебе ни к чему, — улыбнулся человек в оранжевом комбинезоне.—Ты и сам все понял. Честно говоря, я очень рад. А теперь, друзья, по местам!

— Внимание, — произнес он уже другим голосом в микрофон.— До финиша ракеты, которую мы, земляне, ждем с замиранием сердца, осталось несколько минут. Звездоплаватели час назад вошли в плотные слои атмосферы. Внешняя оболочка корабля раскалилась и сгорела, поворотом рукоятки на пульте управления космодрома она была сброшена, корабль вышел из нее благополучно. Это остроумное предложение профессора Спиридонова, осуществленное впервые в истории звездоплавания, позволило космическому кораблю значительно резче тормозить в атмосфере, легко сбрасывать скорость, сберегая кабину космонавтов от перегрева.

— Поздравляю вас, граждане мира. Они приближаются. Даю разрешение на финиш!

Он надел на руки светлые перчатки, соединенные проводами с пультом управления. Тотчас две металлические руки гигантского манипулятора опустились на Машину Времени. Учитель повел своими руками, будто он поднимает какой-то тяжелый предмет, и, повинуясь малейшему его движению, механические руки подняли легко и бережно Машину Времени, унесли ее на свободную зеленую поляну к поросшему багульником, окаймленному соснами Северному проспекту.

— Послушай, Виль, — наконец решился спросить Колька у нового знакомца,— а почему тебе запретили выполнять домашнее задание?

— Как почему? Меня наказали за грубость.

— Но разве это наказание? Если бы Анатолий Петрович наказывал меня так — я бы ничего не имел против.

— И ты бы отказался от такого задания?

— От какого?

— Мне поручалось облететь вокруг Земли и снять учебный фильм о растительных зонах, а теперь мне просто придется пойти в фильмотеку и посмотреть то, что сняли другие.

— Хо-хо! Вот это задание! Да я бы от такого ни в жизнь не отказался!..

— Что-что? Я не понял.

— Хорошее задание, говорю... Скажи, Виль, а этот человек в оранжевом комбинезоне, он что — учитель?

— Учитель.

— А здесь что он делает? И почему он за пультом? И почему он командует всеми здесь?

— Как что делает? Ах, прости, я и забыл, что ты из прошлого. У нас каждый человек имеет несколько профессий и выполняет несколько работ, которые ему нравятся. Вот учитель, например, в школе преподает географию — он в дни молодости чуть не всю землю пешком обошел. Ему рассказывать о разных странах, о разных землях очень нравится. На ракетодроме он работает главным инженером пульта. Без него ни один экспериментальный взлет, ни одна посадка нового звездолета не производится — такой он специалист. А иногда вечерами он еще играет на УЭМ.

— Игра такая?

— Да нет, музыка — универсальный электронный мелофон. Вечером послушаем.

— Внимание! — загремело в сотнях репродукторов. — Они уже видны!

И действительно: в небе все росла и росла ослепительно яркая точка.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

в которой с Милочкой происходят странные превращения, а сливогрушебуз набивает Кольке шишку

Они ехали по городу на атомоходе.

Шофера в машине не было — она управлялась автоматически. Виль просто-напросто достал из кармана малюсенькую, размером с железнодорожный билет, пластинку из эластичной и прочной пластмассы, на ней с предельной точностью были нанесены улицы, проспекты, дома. Пластинка напоминала фотографию, сделанную с высоты птичьего полета, но так четко, что — и это самое странное — были видны даже отдельные деревья, даже узенькие переулки, шириной в два шага. Правда, для того чтобы разглядеть план города, нужно было пользоваться лупой, вмонтированной в металлический футляр. Нажмешь на кнопку — увеличительное стекло подпрыгнет на ножке-проволочке — и смотри, пожалуйста, сколько угодно.

Колька заглянул в стеклышко и увидел, что на миниатюрной карте против каждого дома видны цифры, а против улицы или площади стоят буквы. Стоит только в читающее устройство автошофера — специального прибора, ведущего атомоход по городу,— вставить карту-путеводитель, а затем на черном щитке нажать клавиши с буквами и цифрами, указы-

вающими адрес, и счетная машина, хитро запрятанная в передней панели, проследит все возможные варианты маршрута, выберет самый короткий, самый удобный, самый безопасный.

Вилль нажал две цифры, потом буквы «Ш» и «С», и машина плавно и бесшумно покатилась по улице.

Перед глазами наших путешественников проплывал такой чистый город, будто в нем только что вымыли полы. Машин на улицах было немного, горожане предпочитали небольшие расстояния преодолевать по воздуху, поэтому только и видно было, как прямо из подъезда выпархивали солидные добропорядочные горожане и летели по своим делам, а другие, видимо, уже свободные от работы, присаживались в уютных кафе на крышах, или просто так висели, ведя неторопливую беседу о том, о сем над улицей.

Въехали в новый, еще только строящийся район, здесь машины-автоматы строили дома без присутствия человека. В их читающее устройство были вложены чертежи будущих зданий, и программа, регулирующая последовательность операций. Не было вокруг заборов, гор кирпича и глины, не было видно ям, загородок, бетонных плит. К дому подходил десяток толстых и тонких разноцветных труб, и всякая масса, выходящая из одной, смешивалась по мере надобности с содержимым других труб, вспыхивал огонек, похожий на вспышки сварки, и дом рос. Машина-мозг следила, чтобы все было как полагается. И если где-то происходило случайное нарушение строительного процесса, в городском управлении архитектуры раздавался тревожный сигнал, вспыхивала у диспетчера красная лампочка, точно указывая, где именно случилась неполадка, выезжала дежурная машина, инженер осматривал стройку, устранял помеху, и все опять шло как по маслу.

Наконец атомоход остановился перед прозрачным кубом из нежно-желтой пластмассы и хрустального стекла. На фронтоне было написано:

ШКОЛА-СТУДИЯ № 2000117

Школа стояла в саду.

Свешивались с веток мясистые странного вида плоды, неизвестные брату и сестре. Колька в восторге потряс одно дерево — просто так, шутки ради, и тотчас же оказался на земле: груша, огромная, как арбуз, и синяя, как слива, стукнула его по затылку так, что Спиридонов на ногах не устоял.

Поднимаясь с земли, Спиридонов заметил привязанную к дереву табличку:

«СЛИВОГРУШЕБУЗ» — классная работа ученицы четвертого класса «Я» Людмилы Спиридоновой

Колька в недоумении потер зашибленный затылок:

— И здесь успела? Странно, мы же ни на минуту не расставались.

Он посмотрел на сестру, словно видел ее впервые, хотел что-то сказать, но промолчал.

— Мила! Мила! Вот ты где, оказывается! — раздались вдруг голоса. Из дверей школы выбежали девочки. Их было много, и все в одинакового покроя платьях, хотя и разных цветов — какой кому к лицу.

— Что же ты исчезла? — шумели они. — Мы тебя давно ждем!

— А почему ты не в форме?

— Девочки, девочки, смотрите, какое на ней платье! Красивое. Мы такого и не видели.

— Пойдем, Милочка, пойдем, нам пора лететь. Ты разве забыла?

Милочка и опомниться не успела, как девочки ее куда-то увели.

«Странно, — думал Колька, — и фрукты какие-то вывела, и подружиться со всеми успела. Когда же? Вот тебе задача...»

— А это наш опытный участок.—объяснял, между тем, гостю Виль.— Мы выводим новые сорта фруктов. Вот лимоноград, вот помидорины, вот свеклофель — специально для старинного блюда под названием «борщ». У нас его готовят по праздникам... Иногда, конечно, чепуха, получается; одна девочка скрестила перец с малиной — дала нам попробовать — ужас! Начинаешь есть — сладко, а потом так жечь начинает, словно тебе на язык уголь горячий положили. Но часто все же лучшие сорта у нас забирают на сельскохозяйственные плантации, и тогда их выращивают целые горы... Да вот Мила Спиридонова уже сколько интересных опытов поставила, она — самый талантливый растениевод в четвертом классе.

— Ничего себе фрукточки! До сих пор голова трещит!

Колька стал искать глазами сестру. И увидел ее: она стояла поодаль и разговаривала с учителем. Правда, успела она уже переодеться и даже прическу другую сделала. Ох эти девчонки! Только бы им платьице новое нацепить!

Пушистые волосы Милочки были схвачены легким золотистым обручем, платье, такое же, как у девочек, снующих по аллеям сада, из легкой, спокойного тона голубой ткани, удобного и красивого покроя.

Что за чудеса! — только и мог сказать Колька. — Ты где это вырядилась?! — дернул он сестру за рукав.

Мальчик, у нас не принято так обращаться с девочками.

— Что значит не принято? Ты что, того?... — Колька похлопал себя по лбу.

— А вот так. Не принято и все. В книгах пишут, что когда-то жили на свете дикие люди по имени «хулиганы». Они дергали девочек за косы, обливали чернилами парты, ломали деревья. Но ведь с тех пор прошло много тысяч лет.

— Что с тобой, Милочка? Миленькая сестреночка, не заболела ли ты? — И Колька пощупал ее лоб.

– Что вы, что вы? Я совершенно здорова.

— А платье где взяла?

— Как где? В гардеробе школы. Ты что, разве не знаешь, где переодеваются?

— Когда же ты успела, если ты только что была со мной на площади, потом ехала рядышком в атомоходе, потом смотрела этот самый сливогруше... эту, значит, петрушку?..

К ним подошел учитель. Он был уже не в оранжевом комбинезоне, а в удобном светло-зеленом костюме. Колька заметил, что в этом городе вообще любят светлые тона. Он тронул учителя за локоть и, показав на Милочку, сделал выразительный жест: дескать, не помешалась ли?

Милочка подошла к учителю с другой стороны и, что-то сказав шепотом, сделала точно такой жест, указывая на Спиридонова.

Ничего не понимаю, — развел руками учитель. — Да, кстати, где твоя сестра?

— Да вот же она! — закричал Колька, чувствуя себя и в самом деле обалделым. — Вот же она стоит! — И он указал на Милочку.

— Я? — удивилась она. — А я до этой минуты и не знала, что у меня есть брат.

Учитель пристально посмотрел на девочку, улыбнулся и положил руку на плечо Спиридонову:

— Ты разве еще не понял, в чем дело?

— Нет, — сказал тот, потирая затылок. — Ума не приложу!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

в которой появляются двойники, а учительница приходит в недоумение

Милочка летела на легких крылышках вместе с четвертым классом. Сперва она плохо владела крыльями, болтыхалась в небе, кувыркалась, а главное, просто боялась оторваться от земли.

— Ну, смелее же, смелее,— подбадривали ее новые подруги.

— Что с тобой сегодня? Ты какая-то не такая.

— И вовсе самая обыкновенная. Просто я никогда еще не летала...

— Ах, не летала!.. Может, тебя поучить?

— Очень прошу... А то у меня не получается.

— Ну и умеешь ты притворяться! Ладно уж, давай поучим! Ты не махай крыльями сильно, ты просто сосредоточенно подумай: «Хочу лететь вместе с девочками. Куда они — туда и я».

Они опустились на лужайку.

— Девочки, вы помните задание? — спросила учительница, собрав их в кружок.

— Помним! — зашумели все и разбрелись по лесу.

Милочка осталась стоять на поляне.

— А ты что стоишь, Спиридонова? — подошла к ней учительница — невысокая полная темноволосая девушка со смуглым лицом и большими блестящими черными глазами.

— А я не знаю, какое задание...

— Разве ты вчера не была на уроке?

— Вчера?.. Вчера мы с Колей были у первобытных...

Учительница разволновалась:

— Что с тобой, Милочка? Ты больна?

— Нет, я здорова.

— Почему же ты говоришь неправду?

— Я говорю правду. Правду! Вчера я была у первобытных, лечила их от гриппа, и мы от них еле-еле убежали. Если бы не Огей — мы бы пропали.

И тут учительница обратила внимание, что платье у девочки совсем не такое, как носят теперь, и прическа не похожа на прически других девочек.

— Постой, постой... Я, кажется, начинаю понимать, в чем дело!..

В тот же миг раздался тонкий мелодичный звон. Учительница нажала кнопочку на ручных часах — открылся миниатюрный приемник.

— Я вас слушаю.

— Это Марина Светова? — послышался голос учителя.

— Да.

— Очень прошу тебя вместе с классом вернуться к школе. Случилось забавное происшествие.

Через несколько минут стайка девочек приземлилась у опытного чудо-сада.

— Так ты все еще не догадался, в чем дело? — спросил учитель у Спиридонова, захлопывая крышку часо-приемника. — Сейчас все поймешь... Раз, два, три!

От стайки четвероклассников отделилась девочка и бросилась к Спиридонову:

— Коля! Колечка! Как я сейчас лете...— и осеклась.

Рядом с Колей стояла вторая Милочка, как две капли воды похожая на нее.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

в которой Колька и Милочка узнают о своих предках и потомках

Высокие гости из двадцатого века знакомились со школой.

В четвертом классе шел урок космонавтики.

Марина Светова рассказывала о планетах и звездах солнечной системы, а экран, заменяющий в классе доску, оживал. Ребята видели первый виток, сделанный вокруг Земли человеком, чье имя первым вписано на памятнике покорителям космоса — Юрий Гагарин. Они видели, как приземлился в Москве самолет и по красной ковровой дорожке четко и спокойно прошел этот человек, первым заглянувший в глаза вечности. Вместе с Германом Титовым ребята пережили семнадцать космических зорь, полюбили красивую мужественную Чайку — Валентину Терешкову, первую женщину-космонавта Земли. Они видели полеты в дальний космос русских и американцев, и космонавтов других стран, колонии землян на Луне, на Венере...

— Все это — история, — сказала учительница Марина Светова.—А теперь вернемся в наши дни.—Она нажала кнопку на учительском столе, скорее напоминавшем пульт управления,

чем привычное сооружение на четырех ножках, киноаппарат ушел в нишу, вместо него выехал миниатюрный телевизор, полоска света ударила в экран, и перед глазами школьников возник Марс. Круглое оранжевое пятнышко посреди экрана. Оно все приближалось, все вырастало и вот уже заняло весь экран, но не переставало увеличиваться. Космическое телевидение вело очередной урок о Вселенной. Заранее была известна программа, но каждый учитель в то же время мог использовать ее так, как ему было удобно и необходимо, мог вступать также в непосредственную связь с планетами и Летающими Городами. Именно поэтому обычный учительский стол был заменен в классе пультом со многими приборами, рычагами, рукоятками, кнопками настройки, пуска и выключения.

Голубовато-зеленые пятна расплылись, приблизились и стали голубыми низкорослыми кустами, прижатыми к желтой бугристой почве. Стало слышно, как беснуется над планетой ветер, на экране возникли столбы рыжей пыли, скрученной в смерчовые жгуты.

Среди кустов, листья которых варьировали все оттенки от синего до серовато-зеленого цветов, ютилась колония землян — домики из сверхпрочного материала, недавно синтезированного из новых химических веществ, найденных космонавтами на дальних планетах. Сатурнель — так назвали новый металл — не пропускал космических лучей, губительными потоками рвущихся из космического пространства, он не был подвержен влиянию атмосферы другой планеты, он не ржавел и был равнодушен к действию самых сильных кислот и щелочей.

Домики походили на большие белые коконы с цветными точками иллюминаторов.

Из одного такого кокона вышли люди в скафандрах, ведь, как известно даже первокласснику, воздух на Марсе хоть и есть, но он очень разрежен, как у нас на высоте двадцати тысяч метров, и содержание кислорода в нем мизерное. Вот и приходится запасать кислород в специальных баллонах из прозрачной, упругой, как резина, и крепкой, как сталь, пленки.

Ребята разговаривали с космонавтами и учеными, задавали им вопросы.

— Смотрите! Смотрите! Милочкин папа! - заволновались четвероклассники.

На экране появился космонавт, и Колька чуть не закричал: «Папа!», но вовремя спохватился, памятуя, какой конфуз уже был у него с двумя Милочками. А космонавт и впрямь был

точной копией, двойником Петра Васильевича Спиридонова.

— А у нас теперь две Милочки! — закричали ему ребята.

И верно, перед экраном встали две одинаковые девочки.

— Интересно! — изумился космонавт. — Откуда же вторая?

— Она из двадцатого века! — сказала Милочка-дочка.

— Да, мы с Колькой — это мой брат — из двадцатого века. Из Прибайкальска мы.

— Из Прибайкальска? Вот интересно! Там жили наши далекие предки. Профессор многих наук Николай Тимофеевич Спиридонов. Интереснейший человек был, гениальный, хотя и со странностями. У нас дома есть фотокопия его дневника. Когда в Прибайкальске во второй половине вашего века сносили старинные деревянные дома, дневник этот нашли в тайничке. Одно из бревен дома было выдолблено, в нем устроено дупло, сверху закрытое так ловко, что бревно казалось целым. Обязательно прочитайте. А потом там, в вашем Прибайкальске, жил кандидат технических наук Петр Васильевич Спиридонов. Он оставил замечательные расчеты по ракетостроению. Только рано умер.

— Почему умер? Он ведь несколько дней назад был живым! — заплакала Милочка.

— Не плачь, девочка. Он и сейчас жив в вашем двадцатом веке. Но ведь у нас сейчас 20 августа 30 970 года. Разве может человек прожить тридцать тысяч лет? Из какого года вы к нам прикатили?

— Из тысяча девятьсот семидесятого.

— Ну так что же ты волнуешься? Когда ты вернешься в свой двадцатый век, ты увидишь отца своего живым и здоровым. Вот и передай ему, что его чертежи и расчеты очень пригодились нам на Марсе.

— Ура! — закричали все.

— Ура! — ответили космонавты на Марсе.

...Перейдя в следующий класс, Колька и Милочка попали на урок танца.

Грациозно кружились мальчики и девочки, одетые в легкие одежды. Это был особый спортивный танец, он был похож на вольные упражнения гимнастов.

— Когда вы танцуете его, — сказал учитель, — все мускулы вашего тела получают нагрузку, стало быть — развиваются. Но усталости вы не почувствуете, наоборот — тело станет как бы легче, голова — светлее, уйдет накопленная в первой половине дня усталость, ваши силы обновятся.

Потом все окружили учителя, который вместе с Вилем водил гостей по школе, и попросили его подойти к инструменту. Он сел перед продолговатым ящиком, узким и плоским. Его верхняя панель была покрыта мягкой упругой пластмассой, пересеченной белыми, красными, желтыми, зелеными, синими и оранжевыми линиями. Это и был универсальный электронный мелофон, сокращенно — УЭМ.

Пригладив седые волосы, учитель задумчиво прикоснулся к переплетениям линий, и чистый, удивительно певучий, как человеческий голос, звук наполнил зал.

И хотя никто не произнес ни слова, Милочке казалось, что кто-то рассказывает ей сказку...

...Это было давно-давно. Сотни раз с тех пор отцветали деревья. А, может быть, тысячи... И самый первый человек садился в ракету, чтобы улететь не на Луну, не на Марс, а еще дальше, выше... К звездам, к золотым точкам, мерцающим так далеко.

Юноша стоял у стапелей, на бетонной площадке, и лицо его было просветленным. А девушка протянула ему цветок и сказала:

— Сбереги его там, в трудном пути.— Это — бессмертник. Он — частица меня. Он — частица твоей Земли, на которую ты вернешься. Обязательно вернешься...

И грянул стартовый гром, и молния вырвалась из дюз, и пронзила синеву безмятежного неба ракета... И ушла, навеки ушла. К звездам, к золотым точкам, мерцающим так далеко...

Когда приходило отчаяние от одиночества, от многолетних скитаний наедине с собой, юноша брал цветок бессмертника из прозрачного пенала, прикасался к жестковатым, упругим лепесткам его. И цветок словно бы стряхивал с себя оцепенение, становился прекрасной девушкой, ее улыбкой, ее голосом:

— Я — частица твоей любимой, я — частица твоей Земли, на которую ты вернешься. Обязательно вернешься...

Музыка вдруг оборвалась, а вместе с ней оборвалась сказка.

Лицо учителя было грустным.

— Вот и все... — сказал он.

— А юноша вернулся? — спросила Милочка.

— Какой юноша?

— Ну, тот, что улетел к звездам, к золотым точкам?..

— Да... да,— растерянно ответил учитель.

— А эта статуя, которую сделал Художник, оживет? — спросил Виль.

— Да... да... — задумчиво покачивая головой, сказал учитель. — Видите ли, дети... Каждый из вас видел свою сказку, они все разные, но, скажу вам по секрету, у них есть одно общее.

— А что общее-то? — спросил Колька, которому представился, пока учитель играл, деревянный дом в Прибайкальске, старый ученый, профессор многих наук Николай Тимофеевич Спиридонов, прячущий в потаенное место свой дневник. А кругом стояли полицейские, готовые ворваться в дом, но их не пускала, завалив всяким хламом дверь, подперев ее старой деревянной кроватью, дочь хозяина дома, очень любившая профессора...

— Что общее? — переспросил учитель. — А самое главное: у всех ваших сказок — счастливый конец... Да, кстати: а что умеют наши гости? Ты, Коля, не споешь ли нам песенку двадцатого века?

—Не... Мне медведь на ухо наступил. Как начну петь — пожарные машины приезжают, думают, что тревога, пожар... Лучше пусть сестренка споет. У нее получится.

— Милочка! Милочка! — закричали все. — Спой, пожалуйста! Мы очень рады будем услышать старинные песни!

Милочка не стала ломаться, она вышла вперед и сказала:

— Только я вам спою не старинную песенку, а самую новую, свою.

Нога в надежном стремени
лихого рысака:
летит Машина Времени
сквозь годы и века.
Девчоночка упрямая
на сказочном коне.
А где-то папа с мамою
скучают обо мне.
Вы так, мои родители,
заботливы всегда!
Со мною не хотите ли
в грядущие года?
Дела забудьте временно,
скажите им: «Пока!»
Летит Машина Времени
сквозь годы и века!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

в которой робот учится вести себя в обществе, а Колька некстати засыпает

В соседнем корпусе, куда вошли Колька и его новый приятель Виль, шел урок труда.

Поперек зала стояли длинные, покрытые белоснежным пластиком столы. А на каждом из них — буквально чудеса творились. Рыжеволосый шестиклассник собирал электрическую собаку. Он допаял последний проводничок, вставил и закрепил в клеммах батарейку, и собака вдруг запрыгала, завертела хвостом и заливисто залаяла.

Большая группа ребят монтировала миниатюрные радиостанции, такие же, как у Марины Световой и учителя. Они стояли у конвейера, каждый выполнял только одну операцию — схема была сложна и дела хватало всем.

— А на следующем уроке они поменяются местами. И так, пока все не освоят весь процесс: сперва изготовления деталей, потом сборки, потом окончательной регулировки, — сказал Виль.

У конца конвейера, где шла наладка микрорадиостанций, ребята переговаривались с соседними школами, с теми, где сейчас тоже был урок труда.

— Они что, то же самое делают?

— Нет. У них другие схемы и другое назначение передатчиков и приемников.

На большом белом столе посреди зала шестиклассники собирали робота. Он был почти готов. Оставалось допаять несколько проводничков, проверить схему, придумать и вставить в читающее устройство программу.

Кольке, как почетному гостю из древних веков, было предложено дать первое задание роботу. Для этого на карточке из плотного эластичного картона требовалось на специальной машинке напечатать некоторые правила поведения, чтобы электропамять робота их запомнила.

Колька сел за машинку, стал перепечатывать правила с бумажки, на которой было записано несколько параграфов и стоял заголовок: «Как вести себя в обществе».

Карточку вставили в прорезь, и после секундного замешательства робот стал творить что-то невообразимое: он лег на пол, сложил руки по швам и покатился из одного конца зала в другой.

Все шестиклассники забыли об уроке, о своих делах и сбежались подивиться на шуточки электрического человека, а робот увидел низенькую тележку, служащую для того, чтобы к столам-верстакам подвозить материалы, вскочил на нее и поехал, отталкиваясь от пола руками.

Когда он начал привязывать к ноге конец шпагата из клубка, лежащего на столе, ребята успели нажать кнопку на спине робота, и он замер в комической неестественной позе.

— Что-то не так, — сказал Виль. — Нужно проверить схему.

— Да, не получилось, — подтвердили ребята.

Они вынули карточку, взглянули на нее, расхохотались и передали ее Вилю. В первой строке ее было написано:

«Как везти себя в обществе».

Спиридонов покраснел до самой макушки и вспомнил тот злополучный день, когда старый учитель Анатолий Петрович поставил ему незаслуженную тройку и сказал: «Ладно, товарищ Спиридонов, краса и гордость нашего класса, ставлю тебе, так и быть, тройку. За храбрость. Храбро плаваешь в незнакомой стихии». Да, «стихия» снова подвела Спиридонова.

— Друзья, — попытался скрыть общее смущение Виль, — а что если смонтировать дополнительный контур и обойтись без письменных программ?

— Я сейчас сделаю расчеты, — предложил кто-то из шестиклассников. — Сначала он сможет воспринимать чьи-то мысли, а потом и сам научится действовать. Мы уже монтировали такого на Технической Станции из набора деталей «Электронноконструктор».

И вот робот готов окончательно.

И снова Кольке, как гостю, было предоставлено право первому испробовать работу электрочеловека.

Колька Спиридонов сел в кабину, надел на голову металлическое кольцо, попытался сосредоточиться... Видимо, усилия его были столь явственно видны, что юный конструктор крикнул Спиридонову:

— Зажмурь глаза, так легче думать.

И Колька закрыл глаза и стал думать.

Робот сидел напротив. Он тоже закрыл глаза и лицо его стало грустным.

Признаться по совести, Колька смертельно устал. Ночью он спасался от вожака и его компании, летел сквозь века, встречал звездолетчиков 30 970 года, знакомился с городом, со школой... И едва он закрыл глаза, как выплыли из сумрака лесно-

го огоньки дома отдыха «Елочки», какие-то люди спешили в тайгу, они волокли на плечах Кольку и Милочку, бросили их в подвал старого мраморного, разрушенного взрывом дома. И один, в серой непроницаемой маске, похожий на робота, написал на стене «Фантомас!»

Потом Фантомас-робот гнался за Колькой по улицам Прибайкальска, стрелял из автомата по окнам, ехал верхом на паровозе, нырял с высокой скалы в Байкал, но Спиридонов был парень не промах. Он тоже прыгал, тоже стрелял — только почему-то из рогатки, кружил над Фантомасом на вертолете, который размахивал крылышками, и вообще, вел себя не как вертолет, а как птица с корпусом самолета, с винтами летающего вагона, с головой сыщика Жюва. Поэтому не было ничего удивительного, что, пролетая над Фантомасом, вертолет испуганным голосом вопил: «Ку-ку!»

Спиридонов спал.

— Уууууу! — беспокойно рычал робот, ерзая на своем месте, — ууууу! — он явно рвался что-то делать, куда-то бежать.

— Все! Пять минут прошло! — закричал Виль. — Коля! Выходи!.. Э, ребята, да он уснул!

— Замаялся парнишка, устал. Шутка сказать — из каменного века да прямо к нам. Скажешь — и то голова кружится,— заговорили ребята.

Колька проснулся, вышел из кабины и тот час же... оказался на полу — сильным ударом робот сбил его с ног.

Затем электрический человек обыскал лежащего и даже не думающего подниматься испуганного Спиридонова, вытащил у него из кармана рогатку и произнес отчетливым, жутковатым механическим голосом:

— Ха-Ха-Ха!..

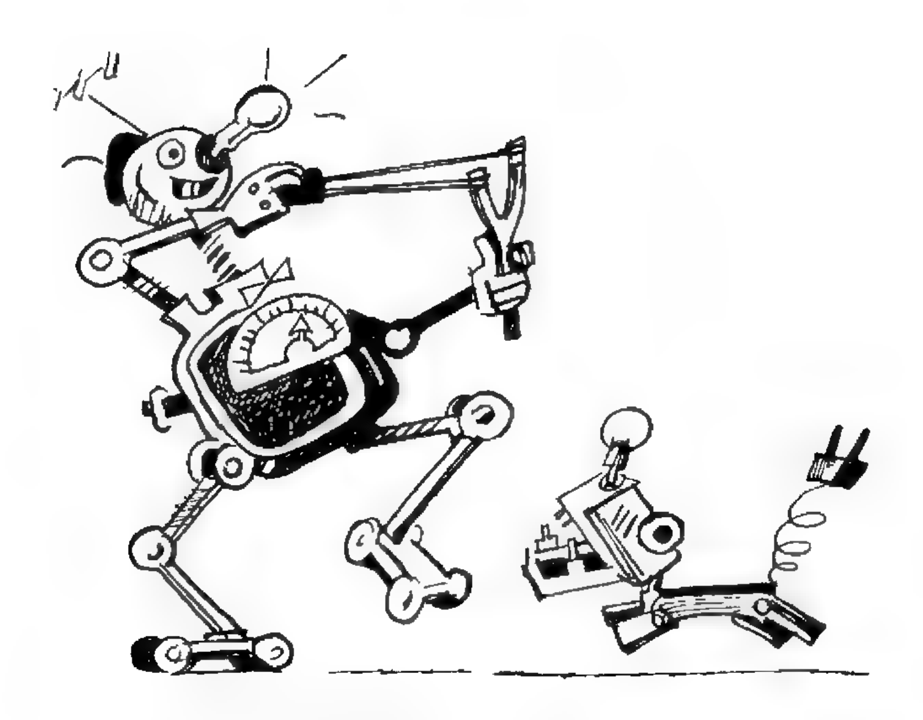
Никто и оглянуться не успел, как робот, ликуя, выскочил из помещения в коридор, распугал девочек и стал с методичностью машины вышибать из рогатки окна — стекло за стеклом. За ним, лая и визжа, выскочила следом электрособака, но робот отбросил ее пинком и ухмыльнулся:

— Ха-Ха-Ха!..

— Хулиган! — закричала Милочка.

— Ха-ха-ха! — ответил робот. — Берегись, крошка, Фантомас таких оскорблений не прощает.

Он вышел на улицу, сел в атомоход, на котором приехали в школу Колька и Милочка, достал из ящичка первую попавшуюся карточку, нажал, не глядя, цифры и буквы, машина тронулась и вскоре исчезла из виду.

— Ну и наделает же он бед! — вздохнув, сказала Милочка.

Колька от стыда готов был провалиться сквозь землю, хотя и понимал, что он тут почти ни при чем. Ну заснул. Но человек же не может нести ответственность за то, что ему снится!

Взволнованные школьники бросились в учительскую.

— В чем дело, дети? — спросила их пожилая добродушная дама — директор школы-студии.— Чем вы так взволнованы?

— Робот... Фантомас... Он убежал...

— А если поспокойнее и пояснее?..

Виль рассказал подробно о том, что произошло на уроке труда, директор сказала «Ах-ах!» и улыбнулась:

— Неужто мы все вместе — вон сколько голов! — не придумаем чего-нибудь? Никогда не поверю. Нужно только проследить за ним и предупредить население... Да вы заходите.

Ребята вошли в просторный кабинет директора, расселись.

— Сейчас мы вызовем БКЗИЗ.

Это Бюро контроля за исполнением законов,— пояснил

Кольке Виль. О любом из ряда вон выходящем случае их ставят в известность.

Директриса переговорила с Бюро при помощи такого же миниатюрного приборчика, вмонтированного в часы, договорилась, что контрольная служба проследит за новоявленным Фантомасом и будет ставить ее обо всем в известность.

Через несколько минут прозвучал сигнал вызова, и ровный металлический голос контрольного прибора произнес:

Четырнадцать часов двадцать семь минут. Машина шифр 218-17 миновала Кольцевой проспект. Судя по тому, как она петляет, можно предположить, что ее владелец нажимает кнопки управления безо всякого смысла. На перекрестке Кольцевого проспекта с Северным машина 218-17 чуть не налетела на атомоход сферы очистки. Только антиаварийное устройство спасло водителя от гибели. На следующем углу он остановил машину, озираясь, погрузил в нее хрустальную мусороприемную урну, а на том месте, где стояла урна, написал «Фантомас». Сейчас атомоход 218-17 движется по Кольцевому проспекту в сторону Восточного проспекта.

Радиоголос замолчал, и директриса обратилась к мальчикам:

— Что будем делать?

— Нужно его догнать, задержать и отключить питание. А потом привезти сюда и размонтировать,— сказал Виль.

— Ура! Я придумал! — закричал Спиридонов. — Надо найти книгу о законах и пусть он их прочитает и запомнит.

— Это правильно,— сказала директриса.— Но в наших нынешних законах ничего не говорится о хулиганстве — у нас его просто-напросто нет!

— Тогда надо найти в библиотеке старинный, то есть... ну из нашего времени... как он называется... Да, уголовный кодекс.

Вновь включилась радиоинформация:

Четырнадцать часов тридцать две минуты. Машина 218-17 остановилась в трехстах метрах от Восточного проспекта. Ее водитель нажал на все кнопки управления одновременно, вывел автоматику из строя. Затем он написал на кузове машины «Фантомас» и вошел в мага-

зин для детей. Четырнадцать часов тридцать девять минут. Робот — «Фантомас» вышел из магазина. Он надел женское платье, туфли с меховой опушкой и маску поросенка. Идет по улице и все время произносит: ку-ку!

Между тем Виль с еще двумя мальчиками слетали в центральную библиотеку и вскоре вернулись с небольшой в желтом бумажном переплете книгой. Издана она была в древнем двадцатом веке и называлась «Уголовный кодекс». Директриса пролистала книгу, с большим удивлением останавливаясь на статьях закона, о которых в их дальнем-далеке уже никто и представления не имел, и отметила одну из них:

— Вот,— сказала она.— Страница восемьдесят четыре, статья двести шесть: «Хулиганство, то есть умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу...»

... А Фантомас шел по улице, размахивая дамской сумочкой, и, догнав какую-нибудь зазевавшуюся старушку или задумавшегося, озабоченного горожанина, наклонялся к самому уху бедняги и произносил раскатистым басом:

— Ха-ха-ха! Фантомас таких обид не прощает! Ку-ку!

Он и не заметил, как подъехала машина и из нее высыпали мальчишки. Только когда один из них схватил его за руку и закричал: «Стой!», робот вырвал резким движением руку и пустился наутек.

Мальчишки потеряли его из виду. Виль включил микрорадиостанцию и снова услышал сигнал контрольной службы:

Пятнадцать часов четыре минуты. Он вошел в дверь дома 1364 по Восточному проспекту.

Шестиклассники перелетели через крышу, валяющееся там платье служило подтверждением точности сведений службы наблюдения. Они остановились у входа в подъезд и стали ждать, пока по их сигналу подойдет остановленная на Кольцевом проспекте машина. Затем они вбежали в подъезд, оставив Виля и Кольку дежурить у выхода. Вскоре на лестнице раздался грохот: оказывается, ребята поднялись в лифте на самый верхний этаж и оттуда стали спускаться, робот, заметив погоню, громыхая по ступенькам тяжелыми подошвами, ринулся вниз. Колька успел подставить ему подножку, робот упал, Виль, воспользовавшись этим, вставил в прижимную рамку читающего устройства «Уголовный кодекс», открытый на странице 84.

Робот продолжал лежать, что-то внутри его бурчало: у-у-у! Наконец он сел. Ребята насторожились, но он успокоил своих стражников:

— Не бойтесь, я не убегу.

Затем он вынул из читающего устройства кодекс, стал его перелистывать

— Боже мой! — воскликнул он, откладывая книгу. — Какой букет разнообразнейших преступлений! — потом вздохнул и добавил: — Зато какая ответственность! Все ясно: статья 206 — хулиганство, статья 211 — нарушение правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта, статья 89 — хищение государственного или общественного имущества. И это все — за тридцать минут жизни?! Ребята, честное слово я больше не буду! Ну, может быть, остановитесь на пятнадцати сутках, а? Я же никакой не Фантомас, я просто невинное дитя — ведь полчаса назад я только родился! А, ребята?..

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

в которой снова появляется знаменитый Колькин шнурок

Длинный день в конце концов закончился, Колька и Виль укладываются спать. Колька достал из кармана брюк шнурок, со вздохом намотал его на палец, снял черное колечко, сунул в карман пижамы — точно такой же, как у Виля: сегодня ему выдали полную школьную форму.

— А зачем тебе шнурок? — удивляется Виль.

— Как зачем? Он же заветный!

— А что такое «заветный»?

— Значит, особенный. Он меня спас.

— Вот как?!

— Понимаешь, дело такое произошло...

Вы помните, как рассказывал Колька первобытным ребятишкам несколько дней назад историю с барсом? Тогда вы не удивитесь, что и этот его рассказ будет настолько же правдивым...

...Связанный по рукам и ногам Колька стоит перед вожаком племени.

Тот делает грозный жест — понятно, что грозит он пленнику смертью, если тот не выполнит приказа.

Кольку развязывают, и он, грустно понурив голову, уходит в лес. Деревья сочувственно кивают ему, медведи, перво-

бытные пещерные медведи, в задумчивости провожают его полными скорби глазами.

Спиридонов подходит к дереву, а на нем надпись:

ПРЯМО ПОЙДЕШЬ — К МАМОНТУ В ПАСТЬ ПОПАДЕШЬ.

НАЛЕВО ПОЙДЕШЬ — К МАМОНТУ В ПАСТЬ ПОПАДЕШЬ,

НАПРАВО ПОЙДЕШЬ — К МАМОНТУ В ПАСТЬ ПОПАДЕШЬ.

КУДА НИ ПОЙДЕШЬ — ВСЕ РАВНО ПРОПАДЕШЬ!

А ниже нарисован череп и две скрещенные кости, как на трансформаторных будках. Даже надпись такая же:

НЕ ПРИКАСАТЬСЯ, СМЕРТЕЛЬНО!

Колька пытается вернуться, но из-за деревьев наставили на него копья телохранители главаря.

А, была не была! Колька входит во владения мамонта.

Далекий рев. Вот он все ближе, и от страшного крика осыпаются листья с деревьев. Мамонт вырывается из засады, бросается на храбреца. Колька отступает. Зверь вот-вот при-

жмет его к дереву. Мамонт готов к прыжку. Но Колька внезапно наступает себе на шнурок, падает, мамонт с разбегу проносится мимо. Так повторяется еще раз, и еще, и еще, пока Кольке не приходит идея: увертываясь от зверя, он связывает два своих длиннющих шнурка в один, один конец прикрепляет к ботинку, снятому с ноги, а другой — к дереву. И когда мамонт приближается, Спиридонов швыряет в него ботинком. Зверь глотает ботинок и оказывается привязанным к дереву.

Промаявшись до утра, усталый зверь обессиленно падает на землю. Колька ведет его на шнурке через весь лес.

Деревья приветливо машут ему ветвями, наклоняются, чтобы разглядеть смельчака, пещерные медведи радостно скалят зубы. Потрясенные первобытные падают ниц.

Приближенные докладывают обо всем главарю. Тот в испуге хватает атрибуты своей власти — тигровую шкуру и толстенную палицу-кость — и скрывается в кустах.

А Колька едет на мамонте верхом. Он останавливается у дерева, где написано:

НЕ ПРИКАСАТЬСЯ, СМЕРТЕЛЬНО!

и ниже черепа и перекрещенных костей, ниже надписи этой чертит карандашом:

ДА НУ?

— Скажи, Коля, — спросил Виль, — а тебя в школе никогда не называли Мюнхаузеном?

— Нет, а что?

— Да, видишь ли, мамонт то животное травоядное...

А все равно страшно...

— Конечно, такую махину увидишь — испугаешься. Просто ты все интересно придумываешь, хоть и неправда, а интересно.

— Хочешь, я подарю тебе шнурок? Заветный? На память?

А Милочка в ту ночь спала плохо. Она ворочалась и стонала во сне. Дежурный робот-автомат нажал кнопку тревоги, и в школьную спальню вошел обеспокоенный учитель. Он поставил на стол ящичек, похожий на плоский телевизор, поднес к голове девочки тонкую ниточку антенны.

На экране поплыли смутные очертания пейзажей и предметов. Потом возник лес, дом отдыха «Елочки», встревоженные лица папы Спиридонова, мамы. Ночной побег. Огей, поющий свою песенку, он же мечущийся в бреду, охота на мамонта, погоня...

— Да, — сказал учитель. — Такие переживания и взрослый бы не всякий выдержал. Надо вернуть их в двадцатый век. Пусть это случится послезавтра, в День Детей.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

в которой приводятся страницы из дневника профессора многих наук

Утром Милочка — вторая девочка из будущего, принесла круглую сиреневую коробочку. В ней, свернутая в рулон, лежала пленка.

— Это тебе, — протянула подарок девочка.

— А что там такое? — спросил Колька.

— Дневник профессора многих наук Николая Тимофеевича Спиридонова.

Можно представить волнение брата и сестры: сейчас они узнают о своем прадедушке то, чего даже не знает еще ни их отец Петр Васильевич Спиридонов, ни мама, вообще никто в Прибайкальске, а главное, — им откроется секрет Машины Времени, и, может быть, они узнают, наконец, как им вернуться домой.

Виль достал из шкафа микрослуховой аппарат, вставил в него пленку. Аппарат имел удивительную особенность: по почерку он мог восстанавливать голос человека. Если же на пленку была снята не рукопись, а книга, он читал ее приятным ровным тоном автомата.

Щелкнул выключатель. Послышался негромкий высокий голос. Человек говорил, нажимая на «О», что выдавало в нем волжанина.

«...Сегодня опять у меня был обыск. А все козни проклятого ресторатора. Забыть не может, как я выиграл у него сто рублей. Сам-то глупец: задумал похвастаться, время остановил, выкомаривал. А перед кем, извольте спросить?

...12 июня 1898 года.

Снова пришлось вернуться из тайги, с моего заветного местечка на Кынгырге. Какие здесь великолепные места! Не в Крым, не на Кавказ могло бы человечество возить свои немощи, да здесь пока пусто, безлюдно, разве бурят-охотник случайно забредет сюда, гоняясь за баргузинским соболем. Шумят сероводородные источники — аршаны, бьется река Кынгырга в мраморном ложе, и тайга, тайга...

Машина Времени уже работает. Боже мой, как это великолепно — отправляться в плавание по океанам веков. Вчера побывал в Прибайкальске прошлого века. Еще целы были крепостные башни, сложенные из крепких лиственничных стволов. Грязь на улицах неимоверная.

Хоронили Григория Шелехова. Собрался весь город. Плакала безутешная вдова, молодая еще совсем женщина. Горожане разговаривали меж собой негромко, скорбно, рассказывали о его напористом характере, о небывалых подвигах, о предприимчивости. У него открытое широкое лицо и руки мужика. Неужели это тот самый человек, что покорил моря, изведал радости первооткрытий и горечь неудач?

Сибирь хоронила большого человека, столько сделавшего для славы России, открывшего и заселившего Аляску, построившего там форты, укрепленные крепости, города...

Только один я в небольшом этом городе, городе купцов и ремесленников, только один я во всей огромной России и необъятном мире знал, чем закончатся победы Григория Шелехова потом, через десятилетия после его смерти. Я знал, что многие его труды, все нелегкие тысячи километров, которые проплыл он на парусниках и прошел пешком, открытия, которые подарил он родной стране, будут зачеркнуты одним росчерком пера. За пустяковую сумму русские цари продадут Аляску Соединенным Штатам Америки.

Я шел в похоронной процессии, все с удивлением рассматривали мой современный костюм, почитая меня за иностранца, я шел и думал: как хорошо, что человек не может заглянуть вперед, не может пережить свою смерть, чтобы увидеть потом такой печальный итог трудов своих.

Машина моя, к сожалению, работает несовершенно — плохо, архиплохо. Пока я могу уходить в прошлое, да и то на один век, не больше. Вот и пришлось мне вернуться в Прибайкальск, дабы найти кое-что столь мне необходимое.

15 июля 1898 года, 2 часа пополудни...

У меня все время такое ощущение, что за мной кто-то следит. Хозяин ресторана «Крит», толстая подлая свинья, донес, должно быть, на меня в полицейскую управу. Чего только он, видимо, не написал в доносе своем, как не размалевал меня. И вот теперь обыски тайные, слежка... Хорошо, если здесь, в городе, только. А если и там?

21 июня 1898 года.

Наконец я снова в своем затишье. Дела идут на лад. Машина моя начинает меня слушаться. Вчера, правда, сдал поче-

му-то обратно-временный ход, и я едва вернулся из мезозойской эры: вероятно, многовато хватил — сорок миллионов лет! Эго после одного века-то!

Да, чуть не стал я пищей всяких там «завров»!

Зато теперь воспоминаний хватит на всю жизнь.

...Я видел океан. Он плескался там, где стоит теперь деревянный Прибайкальск, покоящийся на семи холмах, как Москва... Берега древнего моря поросли папоротником в человечий рост. Кущи высоких деревьев с острыми тонкими листьями, похожими на расплюснутые елочные иголки, шумели под сильным ветром. И слышались глухие удары — это падали на землю гигантские, пахнущие смолой шишки. И тотчас же вслед за ударом по высокой мягкой траве проходила дрожь и выползало чудовище с плоской зубастой головой, набрасывалось на шишку — и только хруст стоял вокруг.

Над кустами, увешанными блестящими капельками росы, над верхушками деревьев носились первоптицы — ученые в наши дни называют их археоптерикс, по-гречески. Но вдруг все смолкло. Притаились хищные, метровой длины ящеры, злые, как тысяча полицейских. Птицы притаились между ветвей. Над лесом пронеслась гигантская тень, будто огромная летучая мышь закрыла солнце. Вот это был ужас — кем-то рассерженный птеродон, летающий ящер, бросился на землю поблизости от меня. Я едва успел отскочить в сторону, спрятаться за непробиваемое стекло своей Машины. Отсюда я смог подробнее рассмотреть чудовище. У него были клинообразные зеленовато-коричневые крылья, каждое метра тричетыре длиной. Плоская голова с усеянной крепкими зубами пастью была похожа на невероятных размеров раскрытый медицинский пинцет. Голова заканчивалась заостренным рогом, тоже плоским, словно расплющенным. Зло уставились на меня красные немигающие глаза. Две тонкие лапы с пальцами без перепонок были нелепо скрючены под животом.

Вот бы нашим провинциальным обитателям узрить такую картину! Подлетает такой птеродон к паршивому ресторанчику «Крит», поднимает его за крышу и швыряет прочь в тартарары... Однако же досадил мне сей субъект, хозяин ресторана, что я его даже сейчас припомнил.

Птеродону, видимо, очень хотелось докопаться до истины, что за зверь им еще непробованный прячется от него. Стал он клювом долбить стекло. Вижу — дело плохо. Силища-то у него какая! Нажал я на рычаги, а Машина-то моя мертва. Ну ни с места. Тут-то у меня засосало под ложечкой. Все, думаю,

H.C.A

Николай свет Тимофеевич, тут тебе и смерть пришла. И с такой силой от отчаяния нажал я на рукоять, что потерял сознание... А когда пришел в себя — оказался в своем мраморном доме над рекой Кынгыргой.

Нет, надо еще и еще раз проверить Машину. А то, чего доброго, застрянешь где-нибудь среди прошлых веков, как в лифте между этажами.

28 июня 1898 года.

Опять за мной следят.

Ходил сегодня к хозяину ресторана «Крит». Спрашиваю:

— Чего вам от меня надо? Если жалко вам проигранных мне денег, так возьмите вдвое больше, только отвяжитесь.

Взял он, сволочь, деньги. А у меня их не так-то много и осталось. Ну да спокойная работа все искупит, все. Да, взял он деньги и говорит:

— Ежели бы дело только в ста рублях — бог с ними бы. А то ведь опозорил ты меня, клиенты меня уважать перестали, не ходят теперь в ресторан. Скоро по миру пойду.

Врет ведь, как самый паршивый пес! С того вечера, как он меня вопреки желанию своему бифштексом попотчевал, отбоя у него нет от клиентов. И все поближе к ночи собираются, авось фокус-то повторится. Он и намекнул мне, дескать, повтори историю-то и отстану от тебя.

Сегодня снова рылись в моих бумагах на столе. Мне дочка хозяйская сказывала. Жалеет она меня. Пришлось уничтожить ключ к отправлению и ключ к возвращению, зашифровать. Видит бог, первый раз в жизни стихи пришлось написать. Зато теперь надежно.

Стихи:

Коль праздным любопытством ты влеком,
то не входи, и сей плиты не трогай,
иди, блаженный муж, своей дорогой,
СЧИТАЙ, ЧТО Я С ТОБОЮ НЕ ЗНАКОМ.
Но если целый мир тебе — загадка,
чтоб оный разгадать путей не ищешь кратких,
и свой живот не жаль познанию отдать —
ВХОДИ, ДА БУДЕТ НАД ТОБОЮ БЛАГОДАТЬ!

Да, дела мои неважные. В городе распустили слухи, что связан я с сатаной. Другие ни в бога, ни в черта не верят, а туда же — болтают что ни попало. Уже возле мраморной моей лаборатории — пронюхали-таки — вертелся какой-то весьма подозрительный тип. Вырядился в охотничьи доспехи, но видно, что за птица. Ох, чует мое сердце: быть беде.

Решил спрятать сей дневник, карту также, но в другое место: ежели найдут одно — не найдут другого. На днях привезу все расчеты свои и тоже припрячу...»

Голос смолк. И долго еще не решались заговорить ребята. Перед глазами Кольки стояли развороченные взрывом мраморные стены, засыпанные землей залы, березка, растущая на камне.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

в которой Колька обретает крылья и побивает рекорд высоты

Только внешне крылья казались простыми. Гладкая, туго натянутая на тонкий каркас пленка. Ремни для крепления к плечам. Золотистый обруч, который надевается на голову, соединен с крыльями почти невидимыми сверхпрочными проводничками. Вот и все. Но если вскрыть яркую пленку и заглянуть внутрь — увидишь устройство необыкновенной сложности: преобразователь, получающий приказ и преобразующий его в движение — основной узел конструкции. Достаточно только подумать, и мысль будет воспринята аппаратом, превратится в нем в электрический ток, который в свою очередь оживит двигательную систему. Тогда крылья взмахнут, и ты легко поднимешься в воздух. И станешь парить, как птица. Но сперва нужно научиться сосредоточивать волю свою на чем-нибудь одном. Очень трудная задача. Особенно для Кольки Спиридонова. Конфуз, произошедший на уроке труда, он помнил крепко.

Но так хочется летать!

Спиридонов отправился в спортивный магазин, если это можно назвать магазином: бери, что хочешь, денег платить не нужно, каждый берет только то, что ему действительно нужно. Людей, ничего не производящих, в стране нет. Колька выбрал себе крылья побольше — надежнее как-то.

— Только ты смотри: пока не привыкнешь парить, руководить крыльями, — не смей думать ни о чем, кроме полета. Нужно тебе вверх — думай: «Хочу вверх», нужно тебе вниз — думай: «Хочу вниз!» Понял?

Виль еще раз проверил крепления, поправил у Кольки на голове золотистый обруч.

— Что это ты себе, между прочим, крылья выбрал великоватые?

— Ничего! Из больших не выпадешь!

— Ну что? Летим?

— Летим, летим! — закричал Спиридонов. И подумал: «Хочу вверх!» Крылья взмахнули, и мгновенно Колька очутился где-то под облаками. И так как он не отдал команды «прямо», «влево», «остановка», «парение», то крылья поднимали его все выше и выше. На высоте двухсот метров покачивалась привязанная к цветным шарам табличка: «Подниматься выше запрещено. Опасно!!!» Однако остановиться Колька уже не мог. Он пролетел запретную линию, пулей проскочил мимо контрольного небодорожного поста. От страха все в нем остановилось, и мысли словно навсегда покинули голову.

— Что ты делаешь! — кричал ему Виль. — Опускайся! Слышишь? Опускайся.

Но Колька пробил головой облака и совершенно мокрый вынырнул к солнцу. Облака остались где-то внизу. Казалось, белоснежная равнина, устланная легчайшим пухом, тянется до горизонта. Иногда она разрывалась голубыми провалами воздушных озер с такой прозрачной водой, что на невероятно далеком дне видна была щетинка леса. А какие переменчивые горы вырастали из облаков — то они были похожи на замерзших диких зверей, на гигантского роста ящеров, на полярных медведей. То прозрачные башни небывалых замков выплывали ему навстречу. То клубились ослепительные вершины вулканов, извергающих белый пар и белую лаву. Но все это сказочное великолепие оставалось внизу, а Колька летел бог весть куда, пробивая головой облака — слой за слоем.

Кто знает, чем бы закончилась эта история, если бы не Виль.

Он вскочил в небомобиль — своеобразный скоростной таксивертолет, — захватил с поста дежурного регулировщика, уже не раз спасавшего зарвавшихся летальщиков, и они, набрав приличную скорость, догнали Спиридонова в тот самый момент, когда он проходил очередной слой облаков. Там был порядочный мороз, и промокший насквозь Колька был похож на летящую сосульку. Он видел, как мельчайшие капельки воды в облаках превращаются в снежинки, как начинают они тихо кружиться в воздухе и падают вниз, чтобы растаять и долететь до земли дождем.

— Что ты делаешь?—закричал ему Виль. — Садись быстрее, а то замерзнешь и упадешь!

«Упаду!» — с ужасом подумал Колька, попытался влезть в небомобиль, но вдруг стремглав полетел вниз: крылья выполнили приказание.

Через секунду — так показалось Кольке — облака были уже высоко-высоко, навстречу Спиридонову летела земля, но он вконец растерялся. Крылья были великоваты — ведь он выбрал их не по размеру, — поэтому снижался наш герой не плавно, а выделывая такие сальто-мортале, кувыркаясь и переворачиваясь через голову, точно готовился выступать в цирке. Вот уже лес из щетинок превратился в высоченные деревья, как пики, устремленные вверх. И каждая из этих пик была направлена на Кольку Спиридонова, так бесславно заканчивающего свою жизнь.

И тут, стукнувшись о что-то мягкое, невидимое, Колька подпрыгнул вверх, опять свалился, опять легонько стукнулся и снова взлетел, но уже пониже. Так подпрыгивая, он вдруг понял, что путь к земле ему преградила тончайшая, эластичная, почти невидимая сетка.

Сверху раздался голос Виля:

— Не бойся! Сейчас подтянем тебя к небомобилю и вернемся домой!

— Это я-то боюсь?! — закричал Колька, краснея от стыда. — Может, я устанавливал рекорд высоты на крыльях этого типа и еще по затяжному падению!

И он легко взмыл на крыльях, сделал несколько фигур высшего пилотажа. Даже Виль с дежурным небодорожником удивились: вот это умелец!

А Кольке и в самом деле было теперь не страшно. И даже не потому, что под ним сетка. Ее убрали, а крылья уже слушались Спиридонова. Он летел с Вилем и даже мог позволить себе шутить и рассказывать, как он сейчас был на седьмом небе. Удивительно: крылья были послушны! Ура! Ура!

Виль восхищался мужеством и выдержкой друга. И думал: «Он впрямь, наверное, ставил рекорд. Ведь хватило же у него смелости из двадцатого века махнуть в каменный, а из каменного — к нам!»

Все было бы хорошо, и на земле Кольку наверняка ждали бы и лавры чемпиона и неудовольствие органов небодорожной инспекции, если бы не одна история.

Возвращаясь домой, мальчики пролетали над всем городом. Он сверху мало походил на города, которые видывал Колька в своем двадцатом веке из иллюминаторов самолета ТУ-104. Скорее это было восемь городов, разделенных между

собой широкими лесными полосами. Они были расположены, как стороны восьмиугольника, центром которого была административная часть города, где размещались театры, различные учреждения, институты, школы-студии, большие магазины — туда направлялись заказы по радиотелефону и автоматические продавцы развозили все необходимое по домам.

Посредине административной части города лежала просторная восьмиугольная площадь, уже знакомая Кольке. От нее отходило восемь широких проспектов: Северный — сосновый, Южный — пальмовый, и все остальные, как вы уже знаете, были засажены деревьями какой-либо одной породы — дубами, березами, вишнями, акациями. Каждый такой зеленый проспект связывал центр города с одним из районов.

Неподалеку от Главной площади ступеньками уходила вниз чаша стадиона. Там носились по полю маленькие фигурки, а мяч был похож на прыгающую точку.

Надо сказать, что в древнем Прибайкальске — для 30 970 года он и в самом деле был древним! — не было более заядлого болельщика, чем Колька Спиридонов. Поэтому пропустить матч было свыше его сил. Они приземлились на трибуне, отыскали два свободных местечка рядом и уселись. Матч был интересный: Чехословакия—Япония. Команды не уступали друг другу в пластичности и быстроте, меткости ударов и отменной вежливости. Виль болел за Японию, Колька — за Чехословакию. Поэтому между ними, как это бывает частенько на матчах, как бы выросла невидимая стенка — они стали спортивными противниками. Виль отстегнул крылья, предложил то же самое сделать Кольке, но на поле была острая ситуация и Спиридонов только досадливо отмахнулся: команда Японии, пробив защиту, вышла на прямую у ворот Чехословакии. Но в воротах стоял классный вратарь. Он легко подпрыгнул и взял мяч в самом правом уголке, куда хитро направил его японец.

Через пять минут увлеченный динамичной игрой Спиридонов и вовсе забыл о крыльях. Но они сами напомнили о себе.

— Гони! Гони! На тот край поля! — закричал Спиридонов, увидев, что игрок с восьмеркой на спине медлит, когда справа у японцев наметилась слабинка. И тут же, сам того не заметив, Спиридонов оказался на правой трибуне.

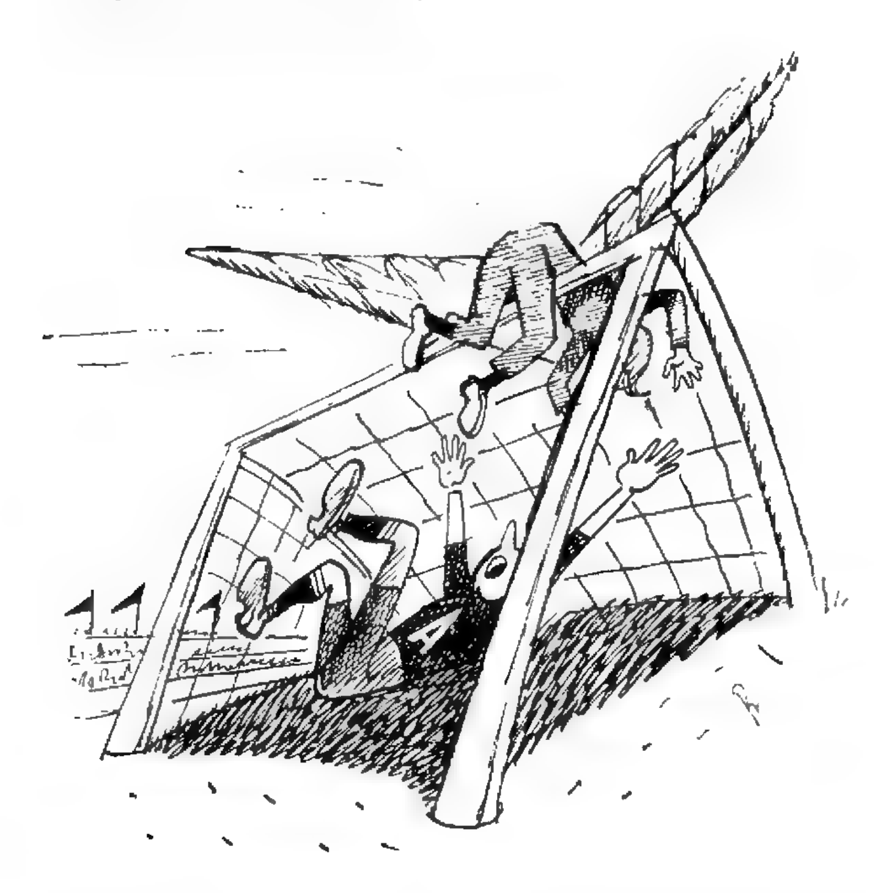
— Вперед, вперед! — кричал он, и крылья несли его вперед.

Зрители на трибунах смотрели теперь не на поле, а на

странного болельщика, носящегося вслед за мячом: мяч налево — болельщик налево, мяч направо — болельщик направо.

— Эй вы, лапти!—кричал он.—Мазилы! Разве так бьют!

— Мальчик с крыльями,—ровным голосом объявил по радио судья. — Вы мешаете игре!

— Бей! Бей в ворота!—закричал в этот момент Колька, но вместо мяча сам оказался в воротах японцев. Пролетев над вратарем, Колька запутался в сетке и повис на крыльях у самой верхней перекладины в левом углу.

Стадион хохотал.

Двести тысяч болельщиков никогда еще не видели такого

зрелища. Смеялись болельщики в Чехословакии и Японии — они видели все на экранах телевизоров, над Колькой Спиридоновым, «красой и гордостью» шестого класса 117 Прибайкальской школы, смеялась вся Земля.

А когда все успокоились, Колька единогласно был удостоен высочайшего звания «Лучший болельщик сезона».

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,

в которой Колька Спиридонов произносит прощальную речь

УТРЕННЕЕ РАДИО:

Передаем важное сообщение.

Еще одна загадка науки.

Экспедицией Всемирного археологического объединения в районе Байкала найдена новая стоянка первобытного человека.

От других поселений человека каменного века, описанных в специальной литературе, эта существенно отличается: одежды женщин, сделанные из шкур, фасонами своими напоминают более поздние эпохи. Самой большой неожиданностью оказалось захоронение человека немолодых лет, в котором обнаружен камень с надписью на русском языке **«МИЛА+ОГЕЙ=ЛЮБОВЬ»**. В этом же захоронении найдены окаменевшие растения, отдаленно напоминающие чеснок и своеобразное, тонкой работы ожерелье из клыков диких зверей, одной из «бусин» которого является... перочинный нож с пластмассовой ручкой, изготовленный артелью «Металлист» города Прибайкальска в 1969 году. На одной из зеленых пластинок отделки слабо видна надпись: «К. Спир...»

Детальнейшие исследования показывают, что стоянка прежде НИКОГДА и НИКЕМ не раскапывалась, тем более странным и необъяснимым кажется появление в ней камня с надписью, ножа, сделанного в двадцатом веке. Тайна ждет своего разрешения. Что скажет наука?

— Огей,—воскликнула Милочка.—Это Огей!

И она заплакала.

— Ладно уж,—насупился Колька, стараясь скрыть, что и сам готов разреветься, — не могут же люди жить несколько десятков тысяч лет.

УТРЕННИЕ ГАЗЕТЫ:

Кибернетическая машина разгадывает тайну древнего ученого!

Ключ к шифру найден!

Стихи оказываются математической задачей!

Милочка вторая:

— Значит, все? Значит, они могут уехать?

— Да, пожалуй, теперь смогут. Хотя не ясно: какое решение подсказывают стихи? А вдруг это очень конкретные возможности, век, два века. Ты же слышала рассказ профессора многих наук. А вдруг такой полет в будущее— случайность?

— Нет, они уедут, и это очень грустно.

ДНЕВНОЕ РАДИО:

Новые находки на Байкальской стоянке.

На Байкальской стоянке первобытного человека продолжаются раскопки. Каждый метр исследованной поверхности (ученые осматривают пещеры и площадку перед ними сантиметр за сантиметром) открывает все новые и новые загадки. На стоянке обнаружена полуистлевшая жильная сеть своеобразного плетения.

Едва мы успели передать только что слышанное вами сообщение, как на стол диктора легла телеграмма. Внимание. Читаю:

«Немыслимая сенсация: среди черепков глиняной посуды на стоянке первобытного человека обнаружен электрический фонарик, сделанный, судя по марке, прибайкальской артелью «Точная механика».

— Вещи двадцатого века в реликвиях палеолита? — этого не может быть, потому что не может этого быть!— заявил в интервью, данном нашему обозревателю Вездепоспелову академик Умапалатинский. — Срочно лечу на раскопки, — добавил он, бросая в чемодан по рассеянности пеленки своего правнука.

ДНЕВНЫЕ ГАЗЕТЫ:

Три цифры нашла машина. Найти четвертую это может сделать только человек.

Решая загадку старого прибайкальского профессора, электронная машина нашла, что если взять первые буквы первого четверостишия — К, Т, И, С и заменить их цифрами, соответствующими порядковому номеру буквы, мы получим, сложив числа, 55. Сосчитав количество букв четвертой, выде-

ленной особенным шрифтом строки, получим 24. Теперь от 55, отняв 24, получаем ряд: 55-24-31. Такую же операцию машина проделала со вторым четверостишием и получила еще один ряд: 50-29-21. Код сверен со счетным устройством Машины Времени. **ОН СОВПАДАЕТ!** Но...

Судя по всему должно быть в первом и во втором ряду еще по одному — четвертому числу. УКМ — Универсальная кибернетическая машина дать ответ на этот вопрос не может. Судьба Милы и Николая Спиридоновых, наших гостей из XX века, сейчас в ваших руках, ученые-математики и математики-любители. Ждем ваших гипотез!

— Учитель, — сказал Колька. — Это мой нож и фонарик.

— Твои?

— Я сейчас все объясню.

И день стал похожим на калейдоскоп. События, события, события...

...Пресс-конференция в Академии наук.

Колька рассказывает всю историю с Машиной Времени: как он испугался кошки, как бежали они с Милочкой лесом, как попали к первобытным. А Милочка сидела в президиуме и удивлялась: Колька рассказывал все точнехонько, на удивле-

ние. Не фантазируя, не привирая, и даже не хвастаясь — все без утайки.

— И тогда он похитил у меня фонарик, — говорит Колька.

— Да, это так и было, — подтверждает Милочка.

Портреты Кольки и Милочки рядом с портретами космонавтов, вернувшихся из далекой галактики.

И в каждой газете сообщение:

ЗАВТРА ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ВО ВРЕМЕНИ ОТПРАВЯТСЯ В СВОЙ ДВАДЦАТЫЙ ВЕК!

— А сегодня, — сказал учитель, — так и быть, отменяю наказание, данное Вилю, и предлагаю вам, Милочка и Коля, в последний раз взглянуть на Землю трехсотого столетия.

...Они видели города, сверкающие на солнце пластмассой, стеклом, искусственным камнем. Они увидели ракетодромы, из которых уходили в небо маршрутные звездопланы. Пролетали над Беринговым проливом, перегороженным плотиной, над Заполярьем, где собирали урожай винограда, над океаном, на котором покачивались плавучие города. И Колька с гордостью подумал, что многое из этого было задумано и начало исполняться еще в его древнем двадцатом веке.

— Смотрите, смотрите! — закричал он вдруг, увидев внизу материк с мучительно знакомыми очертаниями. — Африка!

— Да?—с удивлением посмотрел на него Виль.—В ваши дни это называлось Африкой?

— По-моему, это Австралия,—тихо сказала Милочка и покраснела. «Сейчас Колька начнет оправдываться, что-нибудь придумает. Я же его знаю!»

— Виль,—тихо сказал Спиридонов,—Виль, я не должен был попадать в будущее, это произошло случайно. Сюда бы надо отправить отличника... И вообще, я не такой уж хороший... А, да что там! — Я просто плохой ученик там, в нашем двадцатом веке... Это, конечно, Австралия, я ошибся... У меня ведь в табеле двойка по географии и еще переэкзаменовка...

— А что такое «переэкзаменовка»?—спросил Виль.

—Надо возвращаться,—сказала Милочка, чтобы скрыть смущение брата. — Скоро мы будем дома!

ВЕЧЕРНЕЕ РАДИО

ЧЕТВЕРТОЕ ЧИСЛО НАЙДЕНО!

Юный математик школы-студии 2 0035 доказал, что дополнительным, четвертым числом должны быть написанные ря-

дом порядковый номер года, куда отправляются путешественники, номер месяца, дня, а также часы и минуты.

...И грянул марш.

И заполнили улицы города праздничные толпы людей.

И снова стены зданий превратились в гигантские видеофоны. Париж и Мельбурн, Лондон и Токио, юг и север, запад и восток устремили взоры сюда, к этой широкой восьмиугольной площади.

Посредине ее стояла украшенная цветами Машина Времени.

— Скажите мне точно дату, когда вы ушли в лес.

— Двадцатого августа, учитель, — ответил Колька.

— А время?

— Точно три ночи.

— Нет, было уже десять минут четвертого, — поправила Милочка, и Колька не стал с ней спорить.

Теперь вы, должно быть, понимаете, почему папа, проснувшийся в пять минут четвертого, не увидел детей, а мама, которую Петр Васильевич разбудил через пять минут, увидела их.

— Значит, в три часа десять минут, — уточнил учитель.

— Да! — в один голос ответили брат и сестра.

Потом их проводили на трибуну.

Они глядели в нарядную толпу, а люди все слетались. Тут Виль дернул Спиридонова за рукав:

— Тебе надо сказать несколько слов.

— Мне?

— Ведь это ты уезжаешь,—засмеялся учитель.

Колька обвел глазами наполненную народом, весело шумящую площадь и видеофоны, на экранах которых виднелись дальние города.

— Друзья! — сказал он. — Нам очень понравилось у вас, в будущем. И мы бы никогда не покинули его. Но если бы все люди на земле захотели бы вот так сразу переселиться в будущее — ничего бы не получилось. Не получилось бы, потому что будущее ведь нужно же кому-то строить. Там, в нашем веке, в двадцатом, веке трудном, но удивительном, начинается вся эта красота. И там, в нашем двадцатом веке,— он для вас далекое прошлое,—нас ждет еще школа, а потом тысячи строек, там ждут нас наши друзья и наши учителя...

— ...И мама с папой, — добавила Милочка.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Марк Давидович СЕРГЕЕВ

ВОЛШЕБНАЯ ГАЛОША

МАШИНА ВРЕМЕНИ КОЛЬКИ СПИРИДОНОВА

Редактор **Т. К. Козлова,**

худ. редактор **М. Ф. Живило,**

техн. редактор **Л. А. Климанова,**

корректор **Л. В. Алексеева.**

Сдано в набор 17. VII. 1970 г. Подписано к печати 9. XI. 1970 г. Объем 8,65 авт. л., 10,2 уч.-изд. л., 10,9 печ. л. Формат бумаги 60x84$^1/_{16}$. Заказ 7121. Тираж 100000 (1 завод — 50000) экз. Цена 49 коп. АЛ00834.
Красноярское книжное издательство, г. Красноярск, пр. Мира, 89. Типография «Красноярский рабочий», г. Красноярск, пр. Мира, 91.